

ISSN 0131-6117

Рус-
R U S S I A N
СРДЯ
S P E E C H
Речью

МОСКВА, 2021

**ЯНВАРЬ –
ФЕВРАЛЬ**

Журнал основан в январе 1967 года

Выходит 6 раз в год

Главный редактор:

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., Московский педагогический государственный университет;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зам. главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАО, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Е. Я. Шмелева к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет

А. А. Гиппиус д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН

М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США

В. В. Дементьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского

А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания

М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

М. А. Осадчий д. ф. н., проф., Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

М. С. Полинская PhD, проф., Мэрилендский университет, США

Е. Ю. Протасова PhD, проф., Хельсинкский университет, Финляндия

Х. Пфандль Dr. phil., проф., Грацский университет, Австрия

Л. Рязанова-Кларк PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания

А. А. Соколянский д. ф. н., проф., Северо-Восточный государственный университет

Зав. редакцией: **О. В. Антонова**

Зав. отделами: **А. В. Занадворова, М. А. Пузина**

Статьи отбираются редколлегией
журнала на основе анонимного
независимого рецензирования.

Журнал индексируется в: Российский
индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 119019, Москва,
ул. Волхонка, 18/2, Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»

Телефон: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Сайт: <http://russkayarech.ru/>

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
© Государственный институт
русского языка им. А. С. Пушкина
© Российская академия наук
© Составление. Редколлегия журнала
«Русская речь», 2021

ISSN 0131-6117

Russian R U S S K A Y A Speech R E C H'

MOSCOW, 2021

**JANUARY-
FEBRUARY**

Founded in January 1967
6 issues per year

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Elena Ya. Shmeleva Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Editorial board:

Elena L. Berezovich Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Vadim V. Dementyev Saratov State University, Saratov, Russia

Alexei A. Gippius National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Michael Gorham University of Florida, Gainesville, USA

Andrey A. Kibrik Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yury A. Kleiner St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Alexander M. Krasovitsky University of Oxford, UK

Maxim A. Kronhaus National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Mikhail A. Osadchiy Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Heinrich Pfandl University of Graz, Austria

Maria Polinsky University of Maryland, College Park, USA

Ekaterina Y. Protassova University of Helsinki, Finland

Larissa Ryazanova-Clarke University of Edinburgh, UK

Alexander A. Sokolyansky North-Eastern State University, Magadan, Russia

Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: **Olga V. Antonova**

Editorial staff: **Anna V. Zanadvorova, Maria A. Puzina**

Articles are selected by the editorial board on the basis of blind peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs).

Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Website: <http://russkayarech.ru/>

Содержание

Проблемы современного русского языка

- 7..... *С. С. Белоусов*. Анекдоты о психиатрах как конструкция
- 22..... *К. Д. Зайдес*. Прагматический маркер *ИЛИ ТАМ*: свой среди чужих, чужой среди своих
- 37..... *С. М. Пронченко*. Речевой портрет старожилов восточнославянского брянско-гомельского пограничья (к 140-летию со дня рождения П. А. Расторгуева)

Из истории русского языка

- 57..... *В. И. Максимов*. Древнерусский Стрибог и его древнегреческий собрат Астрей

Язык художественной литературы

- 64..... *Ма Жуе*. Ключевое понятие «подготовка» в мемуарах К. К. Рокоссовского «Солдатский долг»
- 72..... *Н. А. Николина, З. Ю. Петрова*. Гастрономическая лексика в компаративных конструкциях современной русской прозы
- 84..... *М. Ю. Осокин*. Ипполит Богданович как придворный переводчик Екатерины II: Эпизод из его биографии периода «Лиры» (1773)
- 95..... *Е. А. Щеглова*. О двух варваризмах в очерках путешествия И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”»

В помощь изучающим русский язык

- 104..... *Н. К. Онипенко*. Нас часто спрашивают...

Книжные новинки

- 117..... *О. Г. Згировская, В. М. Пахомов*. От аббревиатуры до ятя (К выходу в свет третьего издания энциклопедии «Русский язык»)

Contents

Issues of Modern Russian Language

- 7..... *Sergei S. Belousov*. Russian Jokes About Psychiatrists as a Construction
- 22..... *Kristina D. Zaides*. Pragmatic Marker *ILI TAM* ('or something'):
A Friend Among Foes, a Foe Among Friends
- 37..... *Sergei M. Pronchenko*. Speech Portrait of the Old-timers
of the East Slavic Bryansk-Gomel Border
(On the 140 Anniversary Since the Birth of P. A. Rastorguyev)

From the History of the Russian Language

- 57..... *Vladimir I. Maksimov*. Old-Russian Stribog
and his Ancient Greek Brother Astray

The Language of Fiction

- 64..... *Ma Ruye*. The Key Concept of "Preparation"
in K. K. Rokossovsky's Memoir "Soldier's Duty"
- 72..... *Natalia A. Nikolina, Zoya Yu. Petrova*. Gastronomic Vocabulary
in Comparative Constructions of Modern Russian Prose
- 84..... *Mikhail Yu. Osokin*. Ippolit Bogdanovič, a Court Translator of Catherine II:
An Episode from His Biography of "The Lyre" Period (1773)
- 95..... *Ekaterina A. Shcheglova*. On Two Barbarisms in Essays on the Journey
by I. A. Goncharov "Frigate *Pallada*"

Learning Russian

- 104..... *Nadezhda K. Onipenko*. We Are Frequently Asked...

Book News

- 117..... *Ol'ga G. Zgirovskaya, Vladimir M. Pakhomov*. From "Abbreviatura" to "Yat"
(Dedicated to the Release of the Third Edition of the "Russkii Yazyk"
Encyclopaedia)

Анекдоты о психиатрах как конструкция

Сергей Сергеевич Белоусов, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва), mail@serbel.ru

DOI: 10.31857/S013161170013900-9

АННОТАЦИЯ: Русские анекдоты о психиатрах — целый ряд текстов комического характера, объединенных действующими лицами. Однако сходство не ограничивается одними только участниками ситуации, а проявляется и в самом устройстве анекдота — структуре и характере отношений между его элементами — а) доктором, б) пациентом или его близким и в) собственно проблемой. Слушатель предполагает, что доктор должен заниматься лечением проблемы, а пациент или какой-то посредник — способствовать лечению, но обнаруживает, что отношения нарушаются. В большинстве известных анекдотов о психиатрах можно увидеть строго заданный принцип реализации комического эффекта нарушенного ожидания, связанный с тем, что посредник между врачом и проблемой, будь то сам пациент или его близкий человек, не выполняет по той или иной причине свою ролевую функцию — не способствует «лечению». В статье предлагается видеть в таком устройстве текста и специфике комического решения конструкцию, родственную объектам интереса грамматики конструкций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: анекдоты, конструкции, нарушенное ожидание, структура текста

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Белоусов С. С. Анекдоты о психиатрах как конструкция // Русская речь. 2021. № 1. С. 7–21. DOI: 10.31857/S013161170013900-9.

Issues of Modern Russian Language

Russian Jokes About Psychiatrists as a Construction

Sergei S. Belousov, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow), mail@serbel.ru

ABSTRACT: Among Russian jokes ('anecdotes') there is a type devoted to psychiatrists and their practice. However, the similarity is not reduced to the characters alone, and can be seen in the structure of the situation itself. There are a) a doctor, b) a patient or a relative of theirs, and c) a problem. A listener supposes that the doctor will address the problem, and the patient will help to solve it, but this relationship turns out to be false. The comic effect — what makes us laugh — is the violated expectation: in the real world, one expects that a patient (or a relative of theirs) is to fulfill the role of a mediator, thus enabling a doctor to address the problem, whereas in the reality of the joke the assumed role of a mediator is not fulfilled in any way. The article reveals that the principal common feature for these short stories is actually the underlying structure that resembles constructions, which are of interest for Construction Grammar.

KEYWORDS: constructions, Russian jokes, text structure, violated expectation

FOR CITATION: Belousov S. S. Russian Jokes About Psychiatrists as a Construction. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2021. No. 1. Pp. 7–21. DOI: 10.31857/S013161170013900-9.

1. Введение

Анекдоты о психиатрах и душевнобольных, на первый взгляд, являются отражением довольно грубого отношения массовой культуры к некоторым печальным явлениям действительности, создавая неверное представление о реально существующих проблемах. Однако в сущности это довольно безобидные тексты: в них, как правило, изображаются не серьезные

недуги, а скорее причуды, подчас фантастического характера, не причиняющие страданий никому из участников ситуации.

Анекдоты бывают более или менее удачные, но интересно, что в их многообразии регулярно обнаруживается некоторое подобие структуры, а это наводит на мысль искать лежащую в основе данных текстов конструкцию.

Существование правил построения анекдотов хорошо известно: «Анекдот — это текст с четко заданной структурой» [Шмелева, Шмелев 2002: 131]. В простейшем случае выделяют понимаемые в широком смысле зачин и концовку, то есть анекдот «состоит из начала и конца (в нем нет “середины”)» [Там же], однако нередко текст устроен сложнее.

Зачин представляет собой область опознания ситуации — определение слушателем анекдота в качестве такового, и в него могут входить хорошо известные формулы, зачастую представляющие собой самостоятельную грамматическую конструкцию, например *приходит мужик к...*, где инверсия порядка слов, окрашенное лексическое наполнение («мужик») и характерная интонация «продолжения» рассказа указывают на то, что дальше следует анекдот¹. Умение понимать такие вводные элементы относится к сфере «компетенции шуток» как части «общей языковой компетенции носителя языка» [Carrell 1997: 174] и представляет собой один из элементов, усваиваемых детьми, которые учатся понимать анекдоты [Шмелева, Шмелев 2002: 131].

Функция зачина в анекдоте как конструкции более высокого уровня — подготовить к восприятию дальнейшего текста. Рассказчик вводит слушателей в «*non-bona-fide mode*» (букв. недобросовестный режим [коммуникации]) [Carrell 1997: 177–178, 184], и они готовятся к знакомству с несерьезным и потенциально смешным текстом, уже предварительно классифицируя его как анекдот. Впрочем, такой настрой, естественно, не гарантирует, что текст будет найден смешным [Carrell 1997: 175].

В настоящей статье предлагается увидеть в распространенном типе анекдотов про психиатров конструкцию, воспользовавшись аппаратом грамматики конструкций.

Почему именно ее? Дело в том, что в рассматриваемых примерах комический эффект — прагматическая задача анекдота — обеспечивается не столько лексическим наполнением, сколько особым образом заданными отношениями между участниками ситуации, причем устройство их отличается от того, которое мы предполагали бы увидеть не в воображаемой ситуации.

¹ В Национальном корпусе русского языка [НКРЯ] запрос *приходить praes на расстоянии 1 от S,nom на расстоянии 1 от к на расстоянии 1 от S,dат* дает 95 вхождений в 62 документах, и более 69 % вхождений — анекдоты.

Можно сказать, что описание настоящего приема у врача будет в терминологии Филлмора и др. названо идиомой типа «familiar pieces familiarly arranged» (знакомые элементы организованы привычным образом) [Fillmore, Kay, O'Connor 1988: 510 и далее], тогда как в анекдотах она сменяется на «familiar pieces unfamiliarly arranged» (знакомые элементы организованы необычным образом) [Fillmore, Kay, O'Connor 1988: 508 и далее]. Иными словами, и пациент, и доктор все те же, но отношения между ними выстраиваются неправильно.

Простейшее объяснение комической силы анекдота формулируется так: «В несоответствии начала и конца анекдота — его соль» [Шмелева, Шмелев 2002: 131], однако суть комического, видится нам, необходимо искать в «эффekte обманутых ожиданий слушателя» [Шмелева, Шмелев 2002: 126]².

Ожидания могут быть как языкового характера (например, лексико-стилистическая сочетаемость слов — классический источник языковой игры), так и внелингвистическими — представления об устройстве мира. В анекдотах не каламбурного типа последняя возможность формализуется и участники ситуации вступают в заранее заданные отношения.

Наконец, отметим, что дополнительно в пользу трактовки анекдотов как объекта интереса грамматики конструкций свидетельствует тот факт, что существуют подобным образом устроенные тексты с совершенно иным смысловым наполнением, которые тем не менее производят комический эффект по тем же правилам, что и анекдоты про психиатров.

2. Участники ситуации и их функции

Простейшие анекдоты интересующего нас типа выглядят так:

- (1) Женщина ведет за собой на веревке лебедя в кабинет психиатра.
Врач спрашивает:
— Какие у вас проблемы?
Женщина отвечает:
— У меня никаких. Вот мой муж думает, что он лебедь!
[anekdoty.ru]³

² Именно данным эффектом объяснялся в статье [Белоусов 2016] комический эффект конструкции-интенсификатора *Х от слова совсем*: характерный маркер научного стиля *от слова* подготавливает слушателя на серьезное продолжение, но вместо этого возникает неуместный и стилистически чужеродный элемент.

³ Дата доступа для всех приводимых примеров — 17.05.2020. Тексты подверглись незначительной грамматической и стилистической обработке, не изменяющей оригинальную структуру.

- (2) Пациент приходит к психиатру с жалобами на комплекс неполноценности. После обстоятельных расспросов психиатр говорит:
— Могу вас успокоить, батенька, — никакого комплекса у вас нет. Вы действительно неполноценный.
[anekdot.ru]

Мы видим здесь два основных набора участников и элементов.

В примере (1) это:

- *доктор*;
- *жалобщик* — назовем так условно человека, который пришел за консультацией относительно поведения своего близкого;
- *проблема*, приписываемая этому близкому человеку, который не появляется в ситуации анекдота.

В случае (2) картина несколько иная:

- *доктор*;
- *пациент* — человек, который пришел с жалобой на собственную проблему;
- *проблема*, о которой идет речь.

Доктором в разных анекдотах может быть не только «психиатр», но и «психотерапевт», «психолог», «психоаналитик» и просто некий «врач», чью специализацию слушателю предлагается установить самостоятельно, — авторы и рассказчики данных фольклорных текстов ожидаемо не придают значения терминологии. В ряде случаев *доктор* фигурирует «заочно», оказываясь персонажем воображаемым или недоступным по какой-либо другой причине в момент изображаемой ситуации. Для дальнейшего разбора важно отметить, что и настоящие слушатели, то есть мы с вами, и *жалобщик* или *пациент* ожидают, что именно *доктор* является «эталоном «нормальности»». В частности, нарушения именно этого предположения делают возможным возникновение целого подтипа анекдотов.

Что касается *жалобщика*, то самый распространенный вариант, хотя не единственный, — это жена, беспокоящаяся за мужа.

Если за помощью обращается сам *пациент*, определяющий себя как такового, это часто традиционный условный мужской анекдотический персонаж, нередко именуемый просто «мужик».

Наконец, *проблема* может быть более или менее реалистичной: наивные бытовые представления о популяризованных в массовой культуре заболеваниях вроде шизофрении или мании величия, вплоть до ситуации воображения себя животным или поглощения несъедобных предметов.

В каждом случае образуется треугольник, между всеми элементами которого возникают какие-то отношения: *доктор* должен стремиться к решению *проблемы*, а обратившийся к нему человек — способствовать этому.

Но анекдот, во-первых, эти отношения нарушает, а во-вторых, как жанр краткий и емкий, ситуацию упрощает, фокусируя наше внимание лишь на одном отношении и противопоставляя его ожидаемому в реальном мире. При дальнейшем разборе нас будут интересовать именно случаи «принятия» проблемы кем-либо из активных участников, то есть указание на признание проблемы фактом своей реальности.

Не вдаваясь сейчас в суть такого «принятия» (конкретные варианты приводятся на протяжении всей статьи), введем термин *взаимодействие*. Данная операция по своей роли в конструкции подобна «совмещению значений» [Рахилина, Плунгян 2010: 139] в каламбурных анекдотах и может быть сведена к «функции» Проппа в значении «поступок действующего лица, определяемый с точки зрения его значимости для хода действия» [Пропп 1969: 24].

Итак, при одном наборе участников могут быть следующие взаимодействия:

- *доктор* признает позицию *жалобщика* справедливой, они оба находятся в «нормальном» мире, а носитель *проблемы* из него исключается;
- *доктор* считает *проблему* «нормальным» явлением, а из стандартной картины мира исключается *жалобщик*;
- *жалобщик* парадоксальным образом сам находится в той реальности, где *проблема* является фактом реальности или обычным поведением, а *доктор*, таким образом, остается лишь ориентиром «нормальности» для слушателей и позволяет подчеркнуть «безумие» *жалобщика*.

При другом наборе участников ситуации устройство анекдота несколько отличается:

- *доктор* признает позицию *пациента*, обращающегося за помощью, справедливой, и они оба находятся в «нормальном» мире, а *проблема* из него исключается;
- *доктор* считает *проблему* «нормальным» явлением, а из стандартной картины мира исключается *пациент*;
- *пациент* пребывает в таком воображаемом мире, где *проблема* считается фактом действительности или обычным поведением, а *доктор* вновь исключается из ситуации, оставаясь только «ориентиром» для слушателей.

Естественно, первый вариант взаимодействия в обоих случаях не реализуется в анекдотах по понятной причине: именно он как «нормальная» ситуация занимает позицию ожидания слушателей, которое будет нарушено тем или иным образом.

Второй тип взаимодействия реализует комический метонимический перенос «доктор работает с проблемой → доктор является носителем проблемы», ср. поговорки «сапожник без сапог» и «с кем поведешься, от того и наберешься» (см. разделы 3.1 и 3.3).

Третий вид отношений устроен более сложным образом; это будет рассмотрено ниже на конкретном языковом материале (см. разделы 3.2 и 3.4).

Нельзя не отметить, что подобное определение отношений между персонажами анекдотов напоминает «функции действующих лиц», выделяемых Проппом в волшебных сказках, поскольку элементы анекдота также обнаруживают «повторяемость функций», не привязанную к «персонажу-выполнителю» [Пропп 1969: 23–24]. Однако если волшебная сказка предполагает, что функции действующих лиц являются «постоянными, устойчивыми элементами», чья последовательность к тому же «всегда одинакова» [Пропп 1969: 25], то в устройстве анекдотов мы будто бы видим большое разнообразие. Впрочем, как будет показано в разделе 4, оно может быть сведено к одной универсальной структуре.

3. Основные типы взаимодействия

В данном разделе рассматриваются четыре основных типа взаимодействия участников ситуации, обозначенные выше.

3.1. Доктор взаимодействует с проблемой; жалобщик исключается

Данный тип сравнительно редок, но пример (3) в силу своей яркости заслуживает упоминания:

- (3) К врачу-психиатру приходит женщина.
— Доктор, с моим мужем происходит что-то странное! Он каждое утро завтракает, выпивает кофе и съедает чашку.
— Как?! Целиком?
— Нет, ручку почему-то оставляет.
— Действительно странно. Ведь самое вкусное как раз ручка...
[anekdot.ru]

Мы наблюдаем ситуацию, когда *жалобщик* обращается к *доктору*, в котором ожидает найти поддержку, предполагая, что они находятся в одной реальности, где *проблема* — поедание керамики — не является нормальным явлением. Однако оказывается, что *доктор* и человек, который вызывает беспокойство *жалобщика*, находятся в одной реальности. Поскольку *доктор* должен по умолчанию занимать «нормальную» позицию,

в чем бы она ни заключалась, нарушенное ожидание заключается именно в том, что он «солидаризируется» с пациентом — их объединяет одно и то же качество, они оба «безумны». Для упрощения структуры проведем операцию метонимического переноса: *доктор* взаимодействует непосредственно с *проблемой*, а *жалобщик* не достигает своей цели.

Хотя этот тип анекдотов и редок, он представляет собой настоящую лексически открытую конструкцию: каждый из нас может легко породить новые подобные анекдоты, заменяя вариативные элементы (фактическое наполнение рамки) на подобные по своему усмотрению.

3.2. Жалобщик взаимодействует с проблемой; доктор исключается

В анекдотах данного типа взаимодействие *жалобщика* и *проблемы* заключается преимущественно в том, что именно *жалобщик* и оказывается носителем *проблемы*.

Он может быть буквально «сумасшедшим», то есть видеть *проблему* непреложным фактом своей действительности, тогда как реальная *проблема* — собственное «безумие» — ускользает от его внимания:

- (4) — Алло, психиатрическая больница?
— Да.
— Моему мужу кот доказывает теорему Пифагора на латыни.
— Ясно, давайте адрес.
— Садовая, 13, квартира 7. Только не торопитесь особо, мне дослушать хочется.
[anekdot.ru]

Ситуация (4) происходит только в воображении *жалобщика*, и нельзя даже сказать наверняка, существуют ли вообще муж и кот.

В то же время пример (5), будто бы подобный предыдущему, может иметь два толкования: либо пространство анекдота реалистично, и тогда *жалобщик* вновь «безумен», либо пространство анекдота фантастическое, муж буквальным образом превращается в холодильник, и в таком случае проблема оказывается связана с психиатром, чья прототипическая роль как олицетворение «обычности» и «нормальности» несовместима с «волшебной» реальностью:

- (5) Женщина пришла к психиатру и говорит:
— Доктор, я бы хотела проконсультироваться относительно моего мужа. Он решил, что он холодильник...
— Ну, это не так страшно, — отвечает доктор, — в принципе, это безобидный комплекс.

— Может, и так, — говорит женщина, — но он спит с открытым ртом, и свет мешает мне уснуть.

[anekdot.ru]

В ряде случаев в фантастическом пространстве *жалобщик* взаимодействует с *проблемой* иным образом — он извлекает из нее выгоду: человек несет куриные яйца, и читатель может только гадать, привиделись они *жалобщику* или нет:

(6) Мать с дочкой пришли к психиатру:

— Доктор, вы должны помочь моей дочери. Она считает себя курицей!

— С каких пор?

— Да вот уже три года скоро!

— И вы пришли только теперь?!

— Доктор, нам так были нужны яйца!

[b17.ru]

3.3. Доктор взаимодействует с проблемой; пациент исключается

Теперь мы переходим ко второму набору элементов ситуации: вместо стороннего *жалобщика* появляется *пациент*.

Как видно по большинству анекдотов, лечение у психиатра имеется в виду скорее всего добровольное, поэтому *пациент* по умолчанию находится на позиции не взаимодействия с *проблемой*, ведь он пришел от нее избавиться. Напротив, *доктор* успешно взаимодействует с проблемой, и потому мы считаем *пациента* исключенным из стандартной картины мира анекдотов данного типа.

Прежде всего, рассмотрим довольно злые анекдоты, где *доктор* будто не выполняет свою функцию, взаимодействуя с *проблемой* путем ее признания⁴ — вопреки ожидаемому в реальности корректному поведению и несмотря на то, что сам *пациент* стремится к ее отрицанию (в том числе в форме излечения):

(7) Психиатр пациенту:

— Зря вы жалуетесь на комплекс неполноценности. Напротив, вы на редкость правильно оцениваете свои возможности.

[anekdot.ru]

⁴ Здесь также можно упомянуть существование анекдотов гораздо менее корректного содержания, где действия *доктора* нацелены на то, чтобы причинить психический и даже физический вред *пациенту*.

В некоторых ситуациях признание *проблемы* происходит путем буквальной интерпретации фантазий больного:

- (8) Мужик приходит к психиатру и говорит:
— Доктор у меня ночью под кроватью крокодилы кашляют, спать мешают.
— Ну, вам к ветеринару. Следующий!
[anekdot.ru]

С точки зрения *доктора*, проблемы нет, и коммуникация оказывается нарушена по-прежнему для *пациента*.

Аналогично и в примере (9), где *доктор* взаимодействует с *проблемой* напрямую, исключая коммуникацию с *пациентом*:

- (9) У психиатра:
— Доктор, меня все игнорируют.
— Следующий!
[anekdot.ru]

Иногда *пациент* приходит с фантастической жалобой. В ходе развития сюжета анекдота оказывается, что жалоба реальна:

- (10) К психиатру является пациент:
— У меня раздвоение личности, — жалуется он. — Мне кажется, что я — это не я, а нас двое.
— Ничего не понимаю, — говорит доктор. — Повторите еще раз. Только сделайте милость, не говорите оба сразу!
[anekdoty.ru]

Встает вопрос о реальности происходящего. Прежде всего, надо помнить, что в анекдотах имеются только две активных роли участников и между собой взаимодействовать они не могут (это уже не анекдотическая, а реальная ситуация); кроме того, предполагается, что с *проблемой* взаимодействовать может только один из них. Вспомним и то, что в силу роли *пациента* предполагается его отречение от *проблемы*. Значит, приведенные выше фантастические концовки анекдотов происходят в пространстве мира *доктора*.

Подтверждением такой интерпретации станет анекдот (11), где события, происходящие в отсутствие *пациента*, показаны с позиции *доктора*. Следовательно, с *проблемой* взаимодействует именно *доктор*:

- (11) На приеме у психиатра:
— Доктор, ко мне каждую ночь приходит чудище!
— А вы его пошлите куда-нибудь.

Ночью из-под кровати доктора вылезает чудище:
— Извините, доктор, но меня к вам послали.
[anekdot.ru]

Отметим, что дополнительный комический эффект достигается в данном случае за счет «отступления от жесткой схемы текста анекдота» [Шмелева, Шмелев 2002: 134].

Аналогично устроены тексты, где *доктор* страдает тем же расстройством, что и *пациент*. Опять же, взаимодействие *пациента* с *проблемой* исключается либо является в данном случае не существенным, а для *доктора* — наоборот:

- (12) Больной — психиатру:
— Доктор, что-то по мне какие-то крокодилы бегают!
(Страхивает с себя).
Доктор (судорожно страхивая с себя):
— Ну что же вы на меня-то бросаете?!
[anekdot.ru]

Также возможно устранение *пациента* или его совмещение с *доктором*:

- (13) Сидит психиатр один в кабинете. Смотрит на пустой стул перед собой и говорит:
— Ну, рассказывайте, давно у вас начались галлюцинации?
[b17.ru]

Однако устранение это кажущееся, потому что мы как слушатели оцениваем ситуацию извне, а в пространстве анекдота важна точка зрения *доктора*, перед которым сидит, пусть и вымышленный, *пациент*.

Наконец, как и в примере (6) выше, может возникнуть ситуация извлечения выгоды: *пациент* является при этом лицо пострадавшим, а взаимодействует с *проблемой* по-прежнему *доктор*:

- (14) Разговаривают два психиатра:
— Представляешь, один мой пациент вообразил, что он автомобиль.
— И как ты думаешь его лечить?
— Лечить?! Да я на нем домой езжу!
[anekdot.ru]

В начале этого раздела мы сказали, что будто бы не выполняет свою функцию *доктор*. По итогам рассмотрения примеров становится ясным, что ситуацию можно описать и иначе: функцию не выполняет сам *пациент*, потому что он не достигает своей цели и не реализует задачу как типичный человек, ищущий лечения. Это замечание будет нам важно при подведении итогов.

3.4. Пациент взаимодействует с проблемой; доктор исключается

Наконец, последний крупный тип анекдотов про психиатров — наиболее очевидный и вместе с тем парадоксальный. В следующих примерах *пациент*, с одной стороны, все-таки обращается за помощью к *доктору*, но с другой — продолжает взаимодействовать с *проблемой*. Тем самым исключенным элементом оказывается *доктор*.

В (15) мы видим сожаление по поводу избавления от *проблемы*, то есть взаимодействие поддерживается:

(15) Приходит мужик к психиатру:

— Доктор, понимаете, мне каждую ночь снятся крысы, которые играют в футбол.

— Я вам выпишу таблеточки; начнете принимать с сегодняшнего вечера, и у вас все пройдет.

— А можно с послезавтра, а то у них сегодня финал?

[anekdot.ru]

Мы можем наблюдать взаимодействие в форме отрицания или признания *пациентом* своей *проблемы* как естественного и очевидного порядка вещей⁵:

(16) У психиатра:

— Когда у вас впервые появилась мысль, что вы собака?

— Когда я был щенком.

[anekdoty.ru]

Утверждение *пациентом* своей правоты (признание *проблемы* нормальным явлением) может происходить и в более агрессивном виде:

(17) Мой психиатр сказал, что я не смогу покорить мир. Наивный раб.

[anekdot.ru]⁶

Далее, целая группа анекдотов указывает на взаимодействие *пациента* с *проблемой* путем «растворения» в ней до такой степени, что фигура *доктора* отходит на второй план, что не мешает ему по-прежнему занимать позицию в конструкции:

(18) — А стоит ли идти к психиатру? — спросил я себя. Мнения разделились.

[anekdot.ru]

⁵ Не случайно анекдот (16) при устном исполнении допускает в ответе *пациента* интонации и мимику, указывающие на удивление в связи с непониманием *доктора* очевидного факта.

⁶ Ср. известную шутку о книге с названием «Как управлять вселенной, не привлекая внимание санитаров».

Следующий пример, на первый взгляд, начинает выходить за рамки ситуации, потому что предполагает отношения посторонних людей с *проблемой*, но, поскольку ситуацию мы рассматриваем с точки зрения *пациента*, взаимодействует с *проблемой* в рамках имеющейся конструкции именно он⁷:

- (19) Мужик приходит к психиатру и говорит:
— Доктор, я не человек, я собака.
— Ложитесь, пожалуйста, на кушетку.
— Ой, спасибо! А то дома мне никогда не разрешают лечь на диван.
[anekdot.ru]

Таким же образом решается и проблема изменения реальности в соответствии с представлениями *пациента* в случае фантастического характера пространства анекдота:

- (20) Пациент на приеме у психиатра:
— Доктор, по-моему, я заболел. Мне кажется, что я вижу будущее.
— Интересно. А когда у вас это началось?
— В следующий понедельник.
[anekdot.ru]

4. Выводы

Мы увидели некоторое количество вариаций в содержании анекдотов, однако структура их остается в основе своей неизменной, что соответствует утверждению «внутри жесткой схемы анекдота — неисчерпаемое разнообразие текстов» [Шмелева, Шмелев 2002: 134].

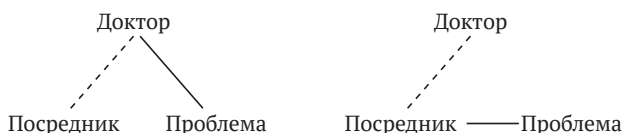
Упростим состав участников: принципиального отличия между *жалобщиком* и *пациентом* с точки зрения конструкции не существует — они находятся в отношении дополнительной дистрибуции, а *доктор* и *проблема* являются элементами неизменными. Так что можно упростить схему до трех универсальных элементов:

- *доктор*;
- *проблема*;
- *посредник*, призванный осуществлять посреднические функции между *доктором* и *проблемой*.

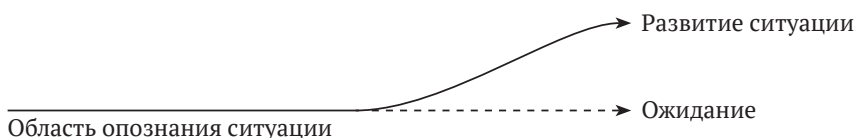
Комический эффект возникает именно из-за нарушенного ожидания: *посредника* постигает коммуникативный неуспех, то есть он не движется к решению проблемы.

⁷ Ср. примеры реализации аналогичной проблемы в пространстве доктора в примерах (10)–(11) выше.

Отношения между участниками анекдотической ситуации можно изобразить в виде двух схем, где пунктирной линией указано предполагающееся в реальном мире взаимодействие (*доктора и посредника*), а сплошной — наблюдаемое в анекдоте:

Также представим развитие анекдота в виде простейшей линейной схемы:

Здесь показано, как слушатель, определяя (более или менее быстро), что перед ним анекдот, и имея данные об участниках ситуации, формирует ожидание, как развивалась бы ситуация в реальном мире. Однако сюжетный ход идет в другом направлении, в чем и заключается довольно простой комический эффект. На него наслаиваются конкретные сюжеты, удачность которых не является предметом рассмотрения в рамках данной статьи.

В завершение будет уместно добавить, что подобная структура обнаруживается и в отдельных анекдотах другой тематики, как «серийных», так и одиночных, становясь иногда частью большей структуры (учительница жалуется родителям на ребенка, а родители не понимают суть проблемы; «секретарша» жалуется приятельнице на руководство, не видя собственной проблемы, и т. п.).

Литература

- Белоусов С. С. *От слова совсем* как грамматическая конструкция // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 7–1 (160). С. 72–77.
- Пропл В. Я. Морфология сказки. Изд. 2-е. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1969. 168 с.
- Рахилина Е. В., Плунгян В. А. Анекдот как конструкция // Лингвистика конструкций / отв. ред. Рахилина Е. В. М.: Азбуковник, 2010. С. 138–155.

- Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002. 144 с.
- Carrell A. Joke competence and humour competence // *Humour*, 1997, no. 10 (2), pp. 173–185.
- Fillmore Ch. J., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and idiomacity in grammatical constructions: The case of *let alone* // *Language*, 1988, vol. 64, no. 3, pp. 501–538.
-

References

- Belousov S. S. [Ot slova sovsem as a grammatical construction]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, no. 7–1 (160), pp. 72–77. (In Russ.)
- Carrell A. Joke competence and humour competence // *Humour*, 1997, no. 10 (2), pp. 173–185. (In Eng.)
- Fillmore Ch. J., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and idiomacity in grammatical constructions: The case of *let alone* // *Language*, 1988, vol. 64, no. 3, pp. 501–538. (In Eng.)
- Propp V. Ya. *Morfologiya skazki* [Morphology of a fairy-tale]. 2nd ed. Moscow, Eastern literature General editorial department of the Publishing House “Nauka”, 1969. 168 p.
- Rakhilina E. V., Plungian V. A. [Joke as a construction]. *Lingvistika konstruktivnii* [Construction Linguistics]. Ed. E. V. Rakhilina. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010, pp. 138–155. (In Russ.)
- Shmeleva E. Ya., Shmelev A. D. *Russkii anekdot: Tekst i rechevoi zhanr* [Russian joke: Text and speech genre]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2002. 144 p.

Прагматический маркер *ИЛИ ТАМ*: свой среди чужих, чужой среди своих

Зайдес Кристина Денисовна, Университет ИТМО (Россия, Санкт-Петербург), kdzaides@itmo.ru

DOI: 10.31857/S013161170013901-0

АННОТАЦИЯ: В статье описываются функции и специфика употребления одного из прагматических маркеров, встречающихся в устной спонтанной речи, — *или там*. Данный маркер формально схож по модели построения с рефлексивными маркерами — *или как его/её/их*, *или как это*, *или что* и под. Однако, в отличие от этих маркеров, единица *или там*, как показано в статье, выполняет в устной речи принципиально иные функции — аппроксимативную и хезитативную. Наряду с хезитативной функцией, в устной спонтанной речи маркер *или там* придает тому фрагменту высказывания, который ищется информантом, оттенок приблизительности, функционируя как маркер-аппроксиматор. В отличие от маркеров-рефлексивов со схожей структурой, рассматриваемый прагматический маркер не оформляется в виде риторического вопроса и не может завершать предложение, используясь в качестве заполнителя паузы хезитации при поиске возможного продолжения речи говорящим. Особенности употребления маркера *или там* в устной спонтанной речи анализируются на материале двух корпусов устной речи — корпуса диалогов «Один речевой день» (ОРД) и корпуса монологов «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ). В статье демонстрируется необходимость последовательного контекстного анализа употреблений маркера в целях более точного определения его функциональной и формальной специфики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: прагматический маркер, рефлексив, хезитатив, аппроксиматор, устная спонтанная речь, речевой корпус, речевые единицы

для цитирования: Зайдес К. Д. Прагматический маркер *ИЛИ ТАМ*: свой среди чужих, чужой среди своих // Русская речь. 2021. № 1. С. 22–36. DOI: 10.31857/S013161170013901-0.

благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 18-18-00242 «Система прагматических маркеров русской повседневной речи».

Issues of Modern Russian Language

Pragmatic Marker *ILI TAM* ('or something'): A Friend Among Foes, a Foe Among Friends

Kristina D. Zaides, ITMO University (Russia, St. Petersburg), kdzaides@itmo.ru

ABSTRACT: The article discusses the functions and features of a pragmatic marker used in spontaneous spoken speech — *ili tam* ('or something'). The model of formation of this marker is similar to the model of reflexive markers formation — *ili kak jegoj/jego/ikh*, *ili kak eto*, *ili chto* ('or how do you call it'), etc. However, as opposed to reflexive markers, the unit *ili tam*, as shown in the article, has fundamentally different functions in spoken speech — a hesitative and approximative functions. In the spontaneous spoken speech, along with the hesitative function, the marker *ili tam* gives to the fragment of an utterance, which is being formulated, the approximative meaning, partially as a marker-approximator. In contrast to reflexive markers with a similar structure, the analyzed marker does not have a form of a rhetorical question, and it cannot be placed at the end of a sentence. It is used as a filler of hesitation pause when searching for the possible continuation of speech. The features of marker usage in spontaneous spoken speech are analyzed on the material of two corpora — the corpus of dialogues "One Day of Speech" and the corpus of monologues "Balanced Annotated Text

Library”. In the article, the need for consistent context analysis of marker usages is demonstrated in order to define precisely its functional and formal features.

KEYWORDS: pragmatic marker, reflexive marker, hesitant marker, marker-approximator, spontaneous spoken speech, speech corpus, speech units

FOR CITATION: Zaides K. D. Pragmatic Marker *ILI TAM* (*‘or something’*): A Friend Among Foes, a Foe Among Friends. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2021. No. 1. Pp. 22–36. DOI: 10.31857/S013161170013901-0.

ACKNOWLEDGEMENTS: This research is supported by the grant of Russian Science Foundation, project № 18-18-00242 “A system of pragmatic markers of Russian everyday speech”.

В процессе порождения устной спонтанной речи важную роль зачастую играют не только фонетические, лексические, грамматические, синтаксические и иные привычные языковые средства, но и сугубо функциональные единицы, помогающие говорящему заполнять паузы хезитации, выстраивать устный текст и поддерживать контакт с собеседником, комментировать свою речь, оценивать свои коммуникативные способности и т. п. — то есть осуществлять собственно дискурсивные функции. Фиксация таких средств в специальных словарях и справочниках является актуальной задачей современной лингвистики и, в частности, лексикографии, поскольку речь в большой степени «обгоняет» по скорости возникновения, развития и закрепления норм саму лексикографическую систематизацию этих норм, ср.: «Несомненно, что при говорении мы часто употребляем формы, которых никогда не слышали от данных слов, производим слова, не предусмотренные никакими словарями, и, что главное и в чем, я думаю, никто не сомневается, сочетаем слова хотя и по определенным законам их сочетания, но зачастую самым неожиданным образом, и во всяком случае не только употребляем слышанные сочетания, но постоянно делаем новые» [Щерба 1974: 24; см. также работы по разговорной речи: Земская (ред.) 1973, 1983; Земская, Китайгородская, Ширяев 1981].

Задача описания речевых единиц и установления специфики их употребления в применении к материалу устной спонтанной речи должна решаться с помощью тщательного контекстного анализа, при котором исследуемая единица изучается без отрыва от речевого окружения и при этом рассматриваются ее основные и дополнительные функции, выпол-

няемые в устной речи, что особенно важно при анализе функциональных единиц речи. В таком словаре, фиксирующем значения речевых единиц, словники «составляют конкретные употребления единиц спонтанной речи (словари не слов, но словоупотреблений)» [Осьмак 2014: 5].

Речевые единицы, к которым относится выражение *или там*, можно именовать *прагматическими маркерами* (ПМ) (в других лингвистических работах используются и иные термины — *дискурсивный маркер* [Schiffrin 1987; Fraser 1999; Schourup 1999], *модальная частица* [Abraham 1991; Aijmer 1996], *дискурсивное слово* [Баранов и др. 1993; Киселева, Пайар 1998; 2003] и т. п., — однако определение прагматического маркера несколько отличается от других смежных понятий [Богданова-Бегларян 2018]). Эти функциональные речевые единицы, «восходящие к обычным лексемам, как полноточным, так и служебным, в ряде своих употреблений в повседневной речи утрачивают (полностью или частично) лексическое и/или грамматическое значение и приобретают прагматическое, переходят из разряда речевых в разряд условно-речевых (коммуникативно-прагматических) функциональных единиц русской речи» [Богданова-Бегларян 2014: 7]. Проходя процесс прагматикализации, ПМ теряют собственное лексическое значение и способность к полноценному грамматическому изменению, а также часто утрачивают синтаксические связи с окружающими членами предложения и становятся словами-«функциями» (или даже не словами, а функциями).

Создающийся в настоящее время словарь-монография Н. В. Богдановой-Бегларян «Прагматические маркеры русской повседневной речи» объединяет лексикографические «портреты» ряда ключевых функциональных речевых единиц, решая задачу их прагматико-коммуникативного и собственно лингвистического описания. В русле этого лингвистического направления — создания лексикографических эссе, посвященных конкретным речевым единицам, — и написана настоящая статья.

Источником материала для анализа послужили два корпуса устной речи, работа над которыми продолжается в Санкт-Петербургском государственном университете, — «Один речевой день» (ОРД), содержащий по преимуществу диалогическую речь, записанную в течение «речевого дня» каждого информанта [Богданова-Бегларян и др. 2019б], и «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ), включающая монологи, построенные по нескольким наиболее типичным коммуникативным сценариям (чтение и пересказ сюжетного и несюжетного исходных текстов, описание сюжетного и несюжетного изображений и свободный рассказ) [Звуковой корпус... 2013; Богданова-Бегларян и др. 2019в].

В группе прагматических маркеров, употребляющихся в устной спонтанной речи, можно выделить разные виды единиц в зависимости от

их основной функции (классификация приводится по работе: [Богданова-Бегларян и др. 2019а]): *хезитативы*, заполняющие паузы хезитации в речи; *разграничительные* ПМ, отмечающие начало, конец или смену темы в середине высказывания; *дейктические маркеры*, дающие нечеткую характеристику объекта, состоящие обычно из трех элементов и образующиеся по модели *вот (...) вот*; *метакоммуникативы*, устанавливающие и поддерживающие контакт с собеседником; *рефлексивы*, помогающие говорящему оценить удачность того или иного словоупотребления; *ксенопоказатели*, указывающие на цитирование речи (чужой или своей собственной, сказанной ранее) или просто на поведение другого, не обязательно речевое, но «говорящее»; *ритмообразующие маркеры*, создающие пропорциональность ритмических частей фразы; *маркеры самокоррекции*; *аппроксиматоры*, передающие приблизительность характеристик; *маркеры-заместители* для ряда перечисления или чужой речи.

Многие маркеры являются полифункциональными и совмещают несколько функций, выполняемых ими одновременно. Достаточно частотны случаи, когда функции, выполняемые маркером, невозможно ранжировать и, скорее, нужно говорить о комплексе равноправно реализуемых одним маркером функций. Однако, как будет показано далее, не все функции маркеров могут комбинироваться в одном контексте. Так, объединение рефлексивной и хезитативной функции для некоторых ПМ, включающих союзный компонент *или*, невозможно: эти функции, наоборот, противопоставляются друг другу и выполняются разными ПМ.

Среди прагматических маркеров выделяется единица *или там*, на первый взгляд, достаточно похожая по форме и составу на типичные рефлексивы (*или как его? или как сказать?* и под.). Однако модель образования данного маркера несколько отличается, поскольку союзный компонент *или* вводит в нем не вопрос, а другой прагматический маркер — *там*, — имеющий не указательное, а, наоборот, достаточно размытое значение (как маркер-аппроксиматор). Именно это формальное отличие наводит на мысль, что функциональная специфика ПМ *или там* отличается от маркеров-рефлексивов с компонентом *или*.

Выражение *или там* может функционировать в устной спонтанной речи в качестве аппроксимативного и хезитативного прагматического маркера. Оно развивается из сочетания союза *или* с разговорной частицей *там*, имеющей значение «*например*» (не фиксируемой в данном значении в словарях) и превращающейся в маркер-аппроксиматор со значением приблизительности. В Малом академическом словаре для слова *там*, рассматриваемого как прагматический маркер, самой близкой разновидностью употребления является использование для обозначения

приблизительности в некоторых ограниченных контекстах, ср.: «В сочетании с местоимениями и наречиями (чаще неопределёнными) употребляется для усиления оттенка пренебрежения или сомнения, неопределённости. — *Может быть, по научным там всяким законам мы [рабочие] людьми станем через сотню лет.* Вересаев, К жизни» [Евгеньева (ред.) 1988: 337]. Именно аппроксимативное значение слова *там* трансформируется у маркера *или там* в функцию «неточного» поиска: функцию заполнения паузы хезитации при поиске, содержащем предположение говорящего. Таким образом, ПМ *или там* сохраняет в основе значение приблизительности номинации, которое передается компонентом *там*, сочетающимся в устной речи не только с местоимениями и наречиями, а употребляющимся при поиске любой языковой единицы — существительного, прилагательного, именного сочетания и др., ср.:

- (1) *наблюдая за природой можно составить какой прогноз будет завтрашнего дня // холодный **или там** тёплый день по дыму костра можно тоже судить* (САТ, И30, мед.);
- (2) *было пустое поле // на берегу оврага **или там** речки в лесу // пришёл человек* (САТ, И32, мед.);
- (3) *и основной учебник остается это Обухова // детская психология **или там** возрастная психология* (ОРД, И5);
- (4) *она говорит / я не знаю / что это было // она говорит / ну мы попили с ним чай / **или там** кофе / она говорит / у меня такое ощущение было / что клофелин* (ОРД, И77);
- (5) *и он блин мне написал слушай сорри не могу // там / давай в другой раз / ну **или там** на следующей неделе / вот ни разу такого не было!* (ОРД, И95);
- (6) *кто будет / создавать её имидж? Церетели и Никас Сафронов? **или там** Дмитрий Марголин и-и ещё кто-нибудь? вот // Василий Неустроев* (ОРД, И116).

Во всех таких случаях союз формально разделяет два однородных члена предложения, хотя второй из них фактически придумывается говорящим уже после произнесения первого и вводится с помощью маркера *или там*. Наличие паузы, заминки или растяжки звука перед ПМ *или там* может свидетельствовать о колебаниях информанта при подборе слова или выражения, альтернативного уже произнесенному, и приводит к появлению у единицы *или там* хезитативной функции — заполнению паузы хезитации при поиске возможного продолжения речи. Однако оттенок приблизительности (аппроксимации), «наследуемый», вероятно, из аппроксимативной функции маркера *там*, в этих примерах ощущается.

В следующих примерах начинают нарушаться разделительные отношения, которые выражаются союзом *или*, поскольку ощущается неполнота части высказывания, следующей за *или там*, либо вся фраза значительно перестраивается:

- (7) — *вот я чувствую / что у меня вот эта часть / всё ... всегда вот / болит / когда я простужаюсь **или там** как-то*
— *чувствуется* (ОРД, И1 и М1);
- (8) — *по крайней мере / (э) знаешь вот / бандита выгнать / **или там** кто там /*
— *я не знаю / я там не была / поэтому я ничего не могу сказать* (ОРД, М1 и И70);
- (9) — *там кафедра русского языка то что он заведовал в Пушкине / в Пушкине // филфак **или там** имени Ленина этот областной какой-то есть //*
— *угу* (ОРД, Ж1 и И45);
- (10) *(м-м) и с картин ... / с изображениями там (э-э) // не совсем понятно / как ... (э-э) с ними работать // вот как их создавать / как их в галереи там **или там** / (ф-ф) в... организовывать* (ОРД, И117);
- (11) *надо выбрать все (э-э) мыслимые варианты того / как числа употребляются / **или там** ... в промежутке от пяти до семи тысяч // вот ... / от пяти ... / тире / до семи ... / это я понимаю // а вот что тысяч относится к пяти ... / вот на самом деле / оно может быть и от пяти единиц до ... / десяти тысяч единиц / **или там** / семи тысяч единиц // вот // и надо уже анализировать контекст* (ОРД, И117).

Такого рода примеры показывают, что хезитативная функция маркера проявляется именно в тех случаях, когда слово или словосочетание спонтанно ищется информантом, а не придумывается заранее. Видно, что в примерах (8)–(10), кроме ПМ *или там*, употребляется и слово *там*, причем как в своем «словарном» наречном значении (9), так и в роли прагматического маркера (8) и (10). При этом усиливается хезитативная функция данного маркера, который становится средством заполнения паузы при подборе слова, при попытке поиска уточнения и расширения высказывания. Отметим, однако, неточность такого предположения, высказываемого говорящим после маркера *или там*, т. е. совместное выполнение хезитативной и аппроксимативной функций.

В контекстах с *или там* могут присутствовать обрывы и перестройки фраз, заполненные и незаполненные паузы хезитации, а также другие хезитативные прагматические маркеры (*там, да, скажем*), подкрепляющие хезитативное употребление самого маркера *или там*, который в данных контекстах в целом используется как аппроксиматор — для выражения

неточного предположения говорящего, допустимого, по его мнению, в данном контексте:

- (12) ну потом этот хозяин / тоже такой радостный / взял там кота / куда-нибудь запихнул наверное **или там** просто / отпустил / ну пошёл там / налил там то ли чай / то ли кофе (САТ, И19, студ.);
- (13) — не / я позвоню ему / и-и может он ...
— не / я любой // мне кажется / любой //
— знала / что у тебя ...
— порекомендует что-нибудь //
— по контрамарке / **или там** (н-н) за / платно-о (ОРД, И36, Ж1 и М2);
- (14) — Незнайка в Солнечном городе // ну / вот у Носова-то серия книг про Незнайку // там же ... //
— ну?
— помнишь / ты читала?
— читала?
— в Солнечном городе? я не помню
— ну / там про ... / я не помню / где / **или там** в Цветочном / ещё где-то там-м (ОРД, И25, Ж1 и Ж2);
- (15) он мне начинает писать там ... (э) в какой-то момент что там ты ещё там (м) замуж-то не вышла **или там** я переживаю / говорю что ты переживаешь / ну а как же я? ну как так в шутку знаешь (ОРД, И95);
- (16) — она говорила Марина ну съешь котлету ну здесь же всего-то чуть-чуть мяса **или там** ... //
— тут вообще нет мяса / тут од... один рис (ОРД, Ж2 и И89);
- (17) — Аня в командировку?
— ну не в командировку / а / у неё как бы вот эти / (э-э-э) она же заведует основными средствами // да? **или там** здания эти (ОРД, И13 и Ж1);
- (18) отец (э) к... его к... очень круто с ним обошёлся / то есть выпорол / да? например / **или там** наказал (И123) (отметим соседство **или там** со словом **например**, использующимся в т. ч. для выражения предположения);
- (19) не буду я особо (э-э) / ... там ... зверствовать по поводу тех / кто ... там / скажем / не посещал / **или там** / слушал вполуха (ОРД, И117).

В примерах (12), (15) и (19) маркер *или там* сопровождается употребляемыми до или после повторяющимися ПМ *там* в функции маркеро-аппроксиматоров, выражающих неточность в формулировке предложения. Маркер *или там* в таких контекстах встраивается в своеобразную

«конструкцию неточного поиска», с помощью которой говорящий оформляет высказывание с предположением, в котором он не до конца (или вообще не) уверен: **или там** X, Y **там**, Z **там** в примере (12) и **там** X, **там** Y, **или там** Z в примерах (15) и (19).

Наконец, достаточно распространенными являются примеры, в которых с помощью ПМ **или там** вводятся некоторые добавления, которые высказывает говорящий после вербальной поддержки собеседником (*да*, *угу* и прочие способы выражения согласия или уточнения информации). В таких употреблении аппроксимативная функция маркера смыкается с разграничительной, с помощью которой говорящий может продолжить свою мысль, дополнить то, что уже сказано, расширить высказывание некой альтернативой, ср.:

- (20) — денег нет /
— да //
— ну **или там** деньги заработаны уже / но всё равно чем-то заниматься надо (ОРД, М1 и И11);
- (21) — но хотя странно да / искать в «Марчело Тасу» детскую обувь //
— да //
— **или там** мужскую обувь (ОРД, И19 и Ж1);
- (22) — всё понятно
— здесь как бы принцип четырёх углов // вот //
— угу //
— **или там** четырёх стен / говорят / мне хоть свои четыре угла надо / угол свой //
— угу //
— **или там** четыре стены свои хоть надо / правильно? (ОРД, И45 и Ж1);
- (23) — надо налить в этот бак ... этому / примерно то / что я / сколько литров? этот побольше немножко
— тридцать пять //
— **или там** / тридцать пять / вот один из вариантов / да? когда ...
— ну я ж тебе не могу сказать (ОРД, И78 и Ж1).

Существуют, однако, трудные случаи, которые нельзя идентифицировать однозначно: возможно, перед нами поисковый маркер **или там**, а возможно, союз **или** (зачастую повторяющийся в контексте) и самостоятельный ПМ **там**:

- (24) я когда сфотографировал / он всё это / пытался / как-то мне хоть денег дать // или не знаю **или там** бутылку купить / потому что ты же будешь деньги тратить (ОРД, И39);

- (25) *я всегда думала / что если я там / ну начиная с каких-то банальностей / думаю / похудею / **или там** буду пониже ростом или повыше ростом / **или там** у меня будет пальцы рук длиннее или ногти длиннее / или более загибающиеся / меня будут любить больше* (САТ, И1, студ.).

Такая неопределенность интерпретации функциональных единиц вполне типична для устной речи, поскольку омонимия маркеров и полноточных языковых выражений очень распространена (о путях разграничения маркеров и полноточных единиц см., например: [Zaides et al. 2018]), однако наличие других ПМ рядом с *или там* (в том числе хезитативных — *это, не знаю, там*, т. е. хезитативное окружение) может указывать на то, что перед нами все же хезитативно-аппроксимативный маркер.

Противопоставленная маркеру *или там* группа рефлексивных маркеров русской речи включает следующие единицы: *или как его/её/их, или как это, или как сказать, или как, или что, или кто* и под., а также ПМ *по идее, (...) скажем (...), как говорится и что называется*. Можно видеть, что часть рефлексивных единиц однородны с точки зрения структуры и построены по одной и той же модели: *ИЛИ + риторический вопрос* [Bogdanova-Beglarian et al. 2020]. Такие единицы обычно стоят после лексемы или словосочетания, вызывающих сомнения информанта по различным причинам: необходимость и возможность использования, стилистическая согласованность, «нетривиальность» словоупотребления (подробнее о маркерах «нетривиальности» см.: [Богданова-Бегларян 2015]), неточное припоминание слова и т. п. С помощью союза *или*, который «открывает» маркер и формирует его структуру, должна вводиться альтернатива, противопоставление, существование которого предполагает говорящий. Однако в условиях дефицита времени, когда обдумывание и порождение спонтанной речи происходят практически одновременно, говорящему некогда искать эту альтернативу — и он оставляет вопрос открытым, просто вербализуя свои сомнения:

- (26) — *так // так (м-м) / любых других проблем со здоровьем нет / да?*
— *нет //*
— *ни специалисты никакие не наблюдают? угу //*
— *вот вот / пожалуйста / читайте // были (э) как-то вот / (э) / вот эти / как их? лямблии? **или как это?*** (ОРД, И44 и Ж1);
(27) *главное у неё сегодня этот / как его / лабораторный день / **или как сказать?** я прихожу / там ни одного человека нет // парень какой-то у ней сидит / а в коридоре вообще никого нет* (ОРД, И35);
(28) — *мне носик закапайте / вчера / просто вчера вечером / не успела подойти // из носа / прозрачные выделения / **или как?***
— *нет / вот такие / желтоватенькие / стали* (ОРД, И40 и Ж4).

Как видно из примеров, рефлексивные маркеры зачастую представляют собой вербализованные реакции говорящего на произведенный ранее поиск слова, осуществляемый в том числе при помощи «зеркальных» рефлексиву единиц, не включающих союза *или*, — как *его/её/их*, как *это* и под. Зачастую в устной спонтанной речи употребление рефлексивов является отражением сомнений информанта в подобранном или припомненном слове, приведенном выражении или построенной фразе — в высказанном предположении:

- (29) — *когда оформляли / потом / там же депутаты / муниципалки как его(?)*
— *угу //*
— *голосуют или чего там // вот // вот / год ... год назад / по-моему начали платить / это детское или что там* (ОРД, И39 и М1);
(30) *и наверное / на следующий день / или на какой / снова идёт порывачить* (САТ, И16, юр.);
(31) *причём снимали года три // ну вот зимой же / или когда / летом прошлым / да / помнишь я тебе рассказывал* (ОРД, И21).

Состав маркера, как видно из примеров, достаточно свободный: после *или* может стоять как метаязыковой по характеру вопрос, иногда подразумеваемый, выраженный и неполным предложением — как *это*, как *его/её/их* (как *это* сказать? как *это* можно назвать? как *его* называют?), — так и любой другой местоименный или наречный компонент — *что*, *чем*, *чего*, *когда*, *где*, *какой* и мн. др. Однако сама функция маркера с любым подобным набором составляющих всегда остается чисто рефлексивной.

Модель образования рефлексивных маркеров такого типа предполагает, как уже было отмечено, введение риторического вопроса с помощью союза *или*. Таким образом, после ПМ-рефлекси́ва говорящий может начать новый тематический фрагмент, высказав свои сомнения в том, что подобранное им слово или сказанная фраза уместны в данном контексте или в сочетании с другими словами и исчерпывающе передают тот смысл, который был им заложен.

Таким образом, анализ контекстов из корпусов устной спонтанной речи показывает, что рефлексивные маркеры, такие как *или как его/её/их*, *или что*, *или как сказать*, *или как это* и под., и маркер *или там* противопоставлены друг другу по основным выполняемым в речи функциям и месту употребления во фразе. Рефлексивные маркеры, образующиеся по модели *ИЛИ + риторический вопрос*, обычно стоят после того слова или словосочетания, которое провоцирует рефлексив говорящего. В отличие от рефлексивов, маркер-аппроксиматор *или там* обычно употребляется как элемент неточного поиска и стоит перед тем словом, которое подыскивает

информант. При этом основной функцией рефлексива, очевидно, можно считать выражение говорящим своей оценки уместности того или иного употребленного слова или словосочетания. ПМ *или там*, напротив, играет роль заполнителя паузы хезитации при поиске другого возможного варианта продолжения речи, предлагаемого информантом. В рефлексиве союзный компонент *или* вводит оценку допустимости высказывания (*‘или так нельзя сказать?’*, *‘или как лучше сказать?’*), которая далее может не сопровождаться предлагаемой единицей. Таким образом, информант комментирует сомнения по поводу своей речи, эксплицируя вербально затруднения, но фактически не изменяет ее и не заменяет ее части.

Маркер *или там*, наоборот, провоцирует говорящего на поиск продолжения речи, на нем тематический фрагмент обычно не обрывается (либо такой обрыв будет расцениваться как некоторая коммуникативная неудача). Рефлексив, как видно, может завершать фразу или объединенный единой темой ряд высказываний.

Таким образом, функциональная специфика маркера *или там* накладывает определенные ограничения на возможности его употребления: этот ПМ не может завершать законченное предложение и обязывает говорящего поместить после него вербализованное предположение. Формально схожие маркеры, образованные по одной модели, как кажется, должны выполнять сходные функции, однако анализ контекстов их употребления в устной речи показывает, что не всегда формальное сходство подразумевает функциональное единство. Аппроксимативный и хезитативный маркер *или там* — «свой среди чужих, чужой среди своих» — резко выделяется на фоне рефлексивов и требует внимательного рассмотрения и широкого контекстного анализа, а отнюдь не формального подхода «по аналогии». Думается, что и другие функциональные единицы русской спонтанной речи могут в этом отношении быть похожими на ПМ *или там*.

Литература

- Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993. 205 с.
- Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. Вып. 3 (27). 2014. С. 7–20.
- Богданова-Бегларян Н. В. Рефлексив в системе дискурсивных единиц русской устной речи // Мир русского слова. № 3. 2015. С. 11–17.
- Богданова-Бегларян Н. В. О возможных коммуникативных помехах в межкультурной устной коммуникации // Мир русского слова. № 3. 2018. С. 93–99.

- Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я., Шерстинова Т. Ю., Зайдес К. Д., Попова Т. И. Аннотирование прагматических маркеров в русском речевом корпусе: проблемы, поиски, решения, результаты // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 29 мая – 1 июня 2019 г.). Т. 18. М.: РГГУ, 2019а. С. 72–85.
- Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я., Шерстинова Т. Ю. Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: текущее состояние и перспективы // Труды Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 21. М.: ИРЯ РАН, 2019б. С. 100–109.
- Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Зайдес К. Д., Шерстинова Т. Ю. Корпус «Сбалансированная аннотированная текстовая» (CAT): изучение специфики русской монологической речи // Труды Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 21. М.: ИРЯ РАН, 2019в. С. 110–125.
- Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. Т. IV. С–Я. Изд. третье, стер. М.: Русский язык, 1988. 796 с.
- Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание. Коллективная монография / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. 532 с.
- Земская Е. А. (ред.). Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973. 485 с.
- Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 276 с.
- Земская Е. А. (ред.). Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983. 239 с.
- Киселева К. Л., Пайар Д. (ред.). Дискурсивные слова русского языка: Опыт контекстно-семантического описания. М.: Метатекст, 1998. 280 с.
- Киселева К. Л., Пайар Д. (ред.). Дискурсивные слова русского языка: Контекстное варьирование и семантическое единство. Сб. статей. М.: Азбуковник, 2003. 206 с.
- Осьмак Н. А. Лексические единицы повседневной разговорной речи: пути лексикографического описания их функционирования. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2014. 235 с. (машинопись).
- Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 24–39.
- Abraham W. The Grammaticalization of the German Modal Particles // Approaches to Grammaticalization, vol. II / Ed. by E. C. Traugott and B. Heine. Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins, 1991, pp. 331–380.
- Aijmer K. Swedish Modal Particles in a Contrastive Perspective // Language Sciences, 18 (1–2), 1996, pp. 393–427.
- Bogdanova-Beglarian N. V., Blinova O. V., Sherstinova T. Yu., Gorbunova D. A., Zaides K. D., Popova T. I. Pragmatic Markers in Dialogue and Monologue: Identification Difficulties and Typical Formation Models // SPECOM 2020. Lecture Notes in Artificial Intelligence, LNAI. Vol. 12335. Springer, Switzerland, 2020, pp. 68–78.

- Fraser B. What Are Discourse Markers? // *Journal of Pragmatics*, 31 (7), 1999, pp. 931–952.
- Schiffrin D. Discourse Markers. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1987. 364 p.
- Schourup L. Discourse Markers // *Lingua*, 107 (3–4), 1999, pp. 227–265.
- Zaides K. D., Popova T. I., Bogdanova-Beglarian N. V. Pragmatic Markers in the Corpus “One Day of Speech”: Approaches to the Annotation // *Proceedings of Computational Models in Language and Speech Workshop (CMLS 2018) co-located with the 15th TEL International Conference on Computational and Cognitive Linguistics (TEL-2018)*. Kazan, 2018, pp. 128–143.

References

- Abraham W. The Grammaticalization of the German modal particles. *Approaches to grammaticalization*, vol. II. Ed. by E. C. Traugott and B. Heine. Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins, 1991, pp. 331–380.
- Aijmer K. Swedish modal particles in a contrastive perspective. *Language Sciences*, 18 (1–2), 1996, pp. 393–427.
- Baranov A. N., Plungyan V. A., Rakhilina E. V. *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka* [Russian discourse words guide]. Moscow, 1993. 205 p.
- Bogdanova-Beglarian N. V. Pragmatemes in spoken everyday speech: Definition and general typology. *Vestnik Permskogo un-ta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], vol. 3 (27), 2014, pp. 7–20. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglarian N. V. Reflexive marker in the system of discursive units of Russian spoken speech. *Mir russkogo slova*, № 3, 2015, pp. 11–17. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglarian N. V. On the possible communicative barriers in intercultural spoken communication. *Mir russkogo slova*, № 3, 2018, pp. 93–99. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglarian N. V., Blinova O. V., Martynenko G. Ya., Sherstinova T. Yu., Zaides K. D., Popova T. I. Pragmatic markers annotation in Russian speech corpus: Research problem, approaches and results. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii “Dialog” (Moskva, 29 maya – 1 iyunya 2019)* [Computational linguistics and intelligent technologies: Proceedings of the annual international conference “Dialogue” (Moscow, May 29 – June 1, 2019)]. Vol. 18, 2019a, pp. 72–85. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglarian N. V., Blinova O. V., Martynenko G. Ya., Sherstinova T. Yu. Corpus of the Russian language of everyday communication “One Day of Speech”: Current status and prospects. *Trudy In-ta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN*. Moscow, RLI RAS, 2019b, pp. 100–109. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglarian N. V., Blinova O. V., Zaides K. D., Sherstinova T. Yu. Corpus “Balanced Annotated Text Library”: the analysis of specifics of Russian monological speech]. *Trudy In-ta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN*. Vyp. 21. Moscow, RLI RAS, 2019c, pp. 110–125. (In Russ.)

- Bogdanova-Beglarian N. V., Blinova O. V., Sherstinova T. Yu., Gorbunova D. A., Zaides K. D., Popova T. I. Pragmatic markers in dialogue and monologue: Identification difficulties and typical formation models. *SPECOM 2020. Lecture Notes in Artificial Intelligence, LNAI*. Vol. 12335. Springer, Switzerland, 2020, pp. 68–78.
- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. T. 4. S – Ya* [Dictionary of the Russian language: in 4 vol. Vol. 4. S – Z]. Moscow, Russkii Yazyk Publ. 1988. 797 p.
- Fraser B. What are discourse markers? *Journal of Pragmatics*, 31 (7), 1999, pp. 931–952.
- Kiseleva K. L., Pajar D. (eds.). *Diskursivnye slova russkogo yazyka: Opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* [Russian discourse words: an experience of contextual-semantic description]. Moscow, Metatext Publ., 1998. 280 p.
- Kiseleva K. L., Pajar D. (eds.). *Diskursivnye slova russkogo yazyka: Kontekstnoe var'irovanie i semanticheskoe edinstvo* [Russian discourse words: Context variation and semantic unity]. Digest of articles. Moscow, Azbukovnik Publ. 2003. 206 p.
- Osmak N. A. *Leksicheskie edinitsey povsednevnoi razgovornoj rechi: puti leksikograficheskogo opisaniya ikh funktsionirovaniya* [Lexical units of everyday colloquial speech: ways of lexicographic description of their functioning]. PhD thesis. St. Petersburg, 2014. 235 p. (typescript).
- Schiffrin D. Discourse markers. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1987. 364 p.
- Schourup L. Discourse markers. *Lingua*, 107 (3–4), 1999, pp. 227–265.
- Shcherba L. V. [On the threefold aspect of language phenomena and experiment in linguistics]. L. V. Shcherba. *Language system and speech activity*. Leningrad, Nauka Publ., 1974, pp. 24–39. (In Russ.)
- Zaides K. D., Popova T. I., Bogdanova-Beglarian N. V. Pragmatic markers in the corpus “One Day of Speech”: Approaches to the annotation. *Proceedings of computational models in language and speech workshop (CMLS 2018) co-located with the 15th TEL International conference on computational and cognitive linguistics (TEL-2018)*. Kazan, 2018, pp. 128–143.
- Zemskaya E. A. (ed.). *Russkaya razgovornaya rech'* [Russian colloquial speech]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 485 p.
- Zemskaya E. A., Kitaigorodskaya M. V., Shiryayev E. N. *Russkaya razgovornaya rech': Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis* [Russian colloquial speech: general questions. Morphological derivation. Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 276 p.
- Zemskaya E. A. (ed.). *Russkaya razgovornaya rech': Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest* [Russian colloquial speech: Phonetics. Morphology. Lexicon. Gesture]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 239 p.
- Zvukovoi korpus kak material dlya analiza russkoi rechi. Ch. 1. Chtenie. Pereskaz. Opisaniye. Kollektivnaya monografiya* [Speech corpus as a material for Russian speech analysis. P. 1. Reading. Retelling. Description. Collective Monograph]. Ch. ed. N. V. Bogdanova-Beglarian. St. Petersburg, Philological Faculty SPbSU, 2013. 532 p.

Речевой портрет старожилов восточнославянского брянско-гомельского пограничья (к 140-летию со дня рождения П. А. Расторгуева)

Сергей Михайлович Пронченко, Филиал Брянского государственного университета
в г. Новозыбкове (Россия, Новозыбков), s.m.pronchenko@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170013903-2

АННОТАЦИЯ: Актуальность настоящей работы обусловлена недостаточностью лингвистических исследований, посвященных рассмотрению современного состояния брянских говоров, которые функционируют в пограничной русско-белорусско-украинской зоне. В публикации фонетические, грамматические и лексическо-фразеологические черты речи старожилов, населяющих юго-запад Брянской области (г. Новозыбков, сёла Новозыбковского городского округа и Злынковского района), рассматриваются прежде всего в сопоставлении с особенностями, отмечаемыми в трудах доктора филологических наук, профессора, действительного члена Института белорусской культуры (впоследствии — Белорусской академии наук) Павла Андреевича Расторгуева (1881–1959). Собираательный речевой портрет сельских жителей преклонного возраста, представленный их идиолектами, складывается, с одной стороны, из диалектных особенностей, с другой стороны — из явлений, соответствующих нормам современного русского литературного языка. Диалектные речевые особенности обусловлены особым географическим положением юго-западных районов Брянского края в прошлом и территориальной близостью к ним Белоруссии и Украины

(белорусского и украинского языков и говоров) в настоящем. Эти особенности составляют архаический слой брянских говоров, поскольку в речи молодого сельского населения, проживающих в городе выходцев из деревень и сёл, городских жителей эти черты, как правило, проявляются в меньшей степени (носят остаточный характер) или вовсе отсутствуют. Речевой портрет старожилов брянско-гомельского пограничья формирует представление и о современных особенностях пограничного восточнославянского русско-белорусского диалекта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: современная языковая ситуация восточнославянского брянско-гомельского пограничья, идиолекты сельских старожилов, архаический слой брянских говоров, народно-речевая культура юго-запада Брянской области

для цитирования: Пронченко С. М. Речевой портрет старожилов восточнославянского брянско-гомельского пограничья (к 140-летию со дня рождения П. А. Расторгueva) // Русская речь. 2021. № 1. С. 37–56. DOI: 10.31857/S013161170013903-2.

Issues of Modern Russian Language

Speech Portrait of the Old-timers of the East Slavic Bryansk-Gomel Border (On the 140 Anniversary Since the Birth of P. A. Rastorguyev)

Sergei M. Pronchenko, Branch of Bryansk State University in Novozybkov (Russia, Novozybkov),
s.m.pronchenko@yandex.ru

ABSTRACT: The relevance of this work is due to the lack of linguistic research devoted to the current state of the Bryansk dialects, functioning in the zone, where Russia, Belorussia and Ukraine border. The article considers phonetic, grammatical and lexical-phraseological features of speech of old-timers inhabiting the south-west of the Bryansk region (Novozybkov, villages of

the Novozybkovsky urban district and Zlynkovsky district) primarily in comparison with the features noted in the works of the doctor of philological sciences, professor, full member of the Institute of Belarusian Culture (later — the Belarusian Academy of Sciences) Pavel Andreevich Rastorguev (1881–1959).

The collective speech portrait of elderly villagers, represented by their idiolects, is made up, on the one hand, of dialectal peculiarities, on the other hand, of phenomena that correspond to the norms of the modern Russian literary language.

Particular dialectal speech features are determined by special geographical position of the southwestern regions of the Bryansk region in the past and the territorial proximity of Belarus and Ukraine (Belarusian and Ukrainian languages and dialects).

These features constitute the archaic layer of the Bryansk dialects, since in the speech of the young rural population living in the city, people from villages, urban residents, as a rule, these features are manifested to a lesser extent or are completely absent. The speech portrait of the old-timers of the Bryansk-Gomel borderland forms an idea about the modern features of the border East Slavic Russian-Belarusian dialect.

KEYWORDS: the modern linguistic situation of the East Slavic Bryansk-Gomel border, idiolects of rural old-timers, the archaic layer of Bryansk dialects, popular-speech culture of the south-west of the Bryansk region

FOR CITATION: Pronchenko S. M. Speech Portrait of the Old-timers of the East Slavic Bryansk-Gomel Border (On the 140 Anniversary Since the Birth of P. A. Rastorguyev). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2021. No. 1. Pp. 37–56. DOI: 10.31857/S013161170013903-2.

Брянская область России является в лингвистическом отношении уникальным регионом. Территория современных юго-западных районов Брянщины исторически принадлежала и Черниговской области Украины, и Гомельской области Белоруссии, что обусловило ту неповторимую речевую специфику, которая наблюдается и в наши дни. Дialectная русская речь характерна, как правило, для сельских жителей преклонного возраста, которые родились на приграничной территории и прожили здесь большую часть своей жизни, храня традиции народно-речевой культуры. Местное население прежде называли *литвинами-белорусами*

[Косичъ 1902], а его говор — *северско-белорусским* [Расторгуев 1926; Расторгуев 1927]. Взаимопроникновение трех восточнославянских языков — *межъязыковая интерференция* — одно из центральных понятий, с помощью которого можно охарактеризовать современную языковую ситуацию на брянско-гомельском пограничье.

История изучения брянских говоров и традиционной культуры Брянского края связана с деятельностью М. Н. Косич, П. В. Шейна, П. Н. Тиханова, Е. Ф. Карского, Е. Ф. Будде, П. А. Расторгуева, А. В. Маркова, А. И. Соболевского, А. А. Потемни, И. Г. Голанова, Н. Н. Соколова, А. А. Шахматова, Н. Н. Дурново, В. И. Чагишевой, В. А. Козырева, Н. И. Батожок, Н. И. Курганской и др. В настоящее время язык и фольклор юго-западных районов Брянской области изучаются филологами филиала Брянского государственного университета в г. Новозыбкове (С. Н. Стародубец, О. В. Белугиной, С. М. Пронченко).

Ниже охарактеризованы фонетические, грамматические и лексико-фразеологические диалектные черты, выделенные в ходе анализа идиолектов жителей Новозыбковского городского округа (г. Новозыбков (респондент — переселенец из деревни Дубровки Новозыбковского городского округа), сёла Верещаки, Вихолка, Каташин, Новые Бобовичи, Старый Вышков, Старый Кривец) и Злынковского района (село Рогов). Эти черты и составляют речевой портрет старожиллов брянско-гомельского пограничья. Заметим, что наличие диалектных черт не отменяет присутствия в идиолектах параллельных им явлений, соответствующих нормам современного русского литературного языка: к примеру, употребление предлога *з* вместо предлога *с* (см. ниже раздел Грамматические диалектные черты, п. 19) не означает, что последний отсутствует в речи. Предлог *с* также употребляется в речи информантов и наряду с ним — вариант *ис* (с протетическим *и*).

Фонетические диалектные черты

Вокализм

В 1927 г. вышла в свет книга П. А. Расторгуева «Северско-белорусский говор», в которой автор, описывая говоры Стародубского, Мглинского, Суражского, Новозыбковского уездов, а также говор западной полосы Трубчевского уезда бывшей Орловской губернии, отмечает следующее: «Вне всякого сомнения, следует различать говоры глухих мест от говоров сёл и деревень, находящихся в постоянном сношении с городом. И те и другие после твердых согласных в положении пред слогом с ударяемым *а* имеют звук *а*.

После же мягких согласных в говорах глухих мест и пожилых людей, по моим наблюдениям, также слышится на месте *a* (я), *e* и совпавшего с ним *ь* звук *a* или звук, более близкий к переднему ряду <...> *a* в говорах противоположных первым — звук *i* или близкий к нему. При взаимном общении говоров возможно проникновение звука *i* и в говоры, представляющие в этом слоге другие звуки» [Расторгуев 1927: 24].

Таким образом, П. А. Расторгуев указывает, что для говоров этих уездов характерно аканье двух видов (в зависимости от уезда, удаленности сёл и деревень от городов, возраста жителей) — диссимильативное и недиссимильативное [Расторгуев 1926: 4–5].

Согласно лингвистическим исследованиям пограничья России и Белоруссии последних лет, территория «брянского угла» включается в зону диссимильативного аканья и яканья белорусского (жиздринского) типа [Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2008: 126–127] наряду с недиссимильативным (сильным) аканьем и яканьем [Бромлей, Строганова (ред.) 1986, вып. I: карты 1, 3].

Наши наблюдения над речью старожилів Новозыбковского городского округа и Злынковского района позволяют указать на следующие особенности.

1. **Недиссимильативное (сильное) аканье**, т. е. произнесение в первом предударном слоге [а] на месте фонем /а/, /о/ после твердых согласных независимо от гласного под ударением: *вады́*, *га́рнаста́й*, *га́варю́*, *да́ить*, *да́ла*, *зу́арэ́ли*, *знако́мая*, *кажу́* 'говорю', *ка́ня*, *краса́вця*, *краса́вам*, *малако́м*, *паду́май*, *пала́тна*, *паса́д* (посад 'свадебный обычай'), *пража́ли*, *сала́даты*, *свае́й*, *така́я*, у *кало́бцы* (в колодце), *хади́ть*, *ха́рошее* и др.

У некоторых информантов отмечаются черты **диссимильативного аканья**, т. е. произнесения в первом предударном слоге после твердых согласных [а] и [ъ] на месте фонем /а/ и /о/. Так, [а] произносится перед всеми ударными гласными, кроме ударного [а], а [ъ] — только перед ударным [а]: *га́во́ря*, *га́сти́нцаў*, *зало́ўка*, *пабе́ўла*, *чылаве́ка*; *пэ́сва́рцяца* 'поссорятся', *пэ́ста́влю*, *сэ́ба́ки*, *уу́ва́рывай*, *уу́да́я* 'узнаёт' и др. В последующих примерах черты диссимильативного аканья не отражаются с целью облегчения чтения и понимания.

2. **Недиссимильативное (сильное) яканье**, т. е. произнесение в первом предударном слоге [а] на месте фонем /а/, /о/, /е/ после мягких согласных независимо от гласного под ударением. См. примеры П. А. Расторгуева в: [Расторгуев 1927: 24–25]. Приведем зафиксированные нами случаи: *адба́ру́ть*, *адява́лися*, *брыа́но́*, *бяда́*, *васкрясе́ння*, *вяхо́м*, *вясе́лля*, *уля́де́ла*, *у́нязда́*, *да́тяну́ла*, *дья́вишник*, *дья́ржа́ли*, *Дя́сна́*, *дивяно́ста* *пя́там*, *ляса́*, *мяжа́* 'борозда между земельными участками', *ни зая́вля́й*, *павязэ́ли*, *пады́ли*, *паня́дэльник*, *пау́тыка́ли*, *прывязэ́ла́*, *пя́клá*, *пя́нёк*, *пя́рыну*, *пя́тна́цатау́а*,

два *пятны́* (два пятна), *Пятро́ўна*, *рязи́ны* ‘резиновые сапоги’, *ряка́*, *сляпа́я*, *смяни́лся*, *смя́нка*, *смя́ная*, *стяна́*, *сядьма́я*, *сямсот*, *сястра́*, *сястри́ца*, *теляу́рама*, *тjялjтницай*, *тjяпéрь*, у *Веряшча́ках* (Верещáки — село в Новозыбковском городском округе), у *сняу́*, *упярéд*, *цвятáмы*, *чjапáти* ‘брать’, *чjардáк*, *яды́* и др.

3. В других предударных, а также в заударных слогах на месте фонем /а/, /о/, /е/ после мягких согласных тоже произносится [а] независимо от гласного под ударением:

— во втором предударном слоге: *дjяматá*, *ня бы́ли*, *ня жы́ли*, *ня пры-дúмаю*, *ня прызнáлася*, *ня прыстúпица*, *ня сма́лá*, *пjятухá*, *ряуатáть* ‘громко смеяться, высмеивать что-, кого-либо’, *сядiнiя́ца*, *тjяжалéй*, *чjялавéк*, *чjябаты́* ‘сапоги’ и др. П. А. Расторгуев приводит следующие примеры: *мjада́вый*, *зjяляно́*, *рятава́ла б* ‘спасала б’, *ня журы́ся* ‘не печалься’, *пjясярдjи́* (посередине) [Расторгуев 1927: 22, 30];

— в третьем предударном слоге: *ня панjамáю*. У П. А. Расторгуева: *ня частавáныя* [Расторгуев 1927: 30];

— в первом заударном слоге: *абjазáтьльна*, *бéлянький*, *брáтjяц*, *вёсяла*, *внúчjячка*, *вы́вjяли*, *уóмjяль* (Гóмель — город в Белоруссии), *дéрявца*, *дóбчjячка*, *зáрява*, к *бéряу*, *кáмjянь*, *нéмjяц*, *бóчjянь*, *пáсяка*, *радiтjялей*, *свёчjячка*, *Тáнячка*, *хлéбjяц*, *чéряс*, *штáпjяльная* и др. У П. А. Расторгуева: *зóрячки*, *Дúнячку*, *вёцjяр*, *сéнячки*, у *Кiяви* и др. [Расторгуев 1927: 34–35];

— во втором заударном слоге: *иж жы́лачjяк* (из жилочек), *из пjяжы́лачjяк* (из прожилочек), *лáсачjяк* (ласочек), *пáлачjяк* (палочек), *патсвёчiннiчjяк*, *сéмjячjяк* и др. У П. А. Расторгуева: *дзéвeряву* (дéвереву), *пjярдáчjяк*, *вётáчjяк* [Расторгуев 1927: 34–35]. Об особенностях произнесения гласных после мягких согласных в заударных слогах см. также: [Бромлей, Строганова (ред.) 1986, вып. I: карты 21, 22].

В конечном открытом слоге после мягких согласных фонема /е/ представлена звуком [а] [Расторгуев 1927: 34]. Приведем зафиксированные нами примеры глагольных форм: *аддáйтjя*, *вазьмiтjя*, *забiрайтjя*, *закúтайтjя* ‘закройте’, *запанjанáйтjя*, *зарéштjя* (зарежьте), *знáйтjя*, *идiтjя-ка*, *пабаранiтjя*, *падúмайтjя*, *паздравлjяйтjя*, *рашiшáтуйтjя* (расшатывайте), *сабiрайтjя* и др.

4. Возможно, предударный [а] произносится на месте *а (*l̥jati) и *ě (в корне *sěd-) в следующих лексемах: *вылявáли*, *налялá*, *пjясядéлки*, *сяди-тё*, *сядiтjя*, а также: *сяделá* (пример из песни, сидéла).

5. После твердых согласных ж, ш, ц, а также после твердых ч, шч на месте фонем /е/, /о/ произносится [а] (см. об этом: [Расторгуев 1927: 27–28]):

— в первом предударном слоге: *жалáли*, *жалéзнай*, *жалúдак*, *жанá*, *жанáтые*, *жанi*, *жанiу́ся*, *жанiх*, *жанiцца*, *жанбi*, *жаны́*, *жаўтéть*, *жаў-*

тúха, пажані́лись, тяжалéй, пшані́цай, пшанó, шалкóваму (шёлковому), шаптáла, шаптúха, шасна́ццать, шастóуа, шастóм (числительное), шастýй, эшалóн, танца́вали, цанú (цёну), ца́пляли и др. К этой группе отнесем встретившиеся примеры с [шч] (ч в этом сочетании — твердый)¹ на месте фонемы /щ/: шчадрóвые (щедровые, о песнях), Шчарб́і́нчы (Мáлые и Бол́шие Щерб́і́нчы — сёла Злынковского района Брянской области);

— во втором предударном слоге: шалуд́івые ‘плохие, скверные’, шаптунóу, чалавéк. В эту группу можно включить примеры П. А. Расторгуева из книги «Северско-белорусский говор»: чарнамо́рца, чалавéччы, с чарнагла́зай [Расторгуев 1927: 31], а также из его «Словаря народных говоров Западной Брянщины»: чапелá ‘сковородник’, чарнагу́з ‘аист’ [Расторгуев 1973: 283]. В примерах ученого [ч] — твердый. См. об этом: [Расторгуев 1926: 10];

— в третьем предударном слоге: чатьвиртакá (четвертака) — пример П. А. Расторгуева [Расторгуев 1927: 31];

— в первом заударном слоге: разря́жаные, до́лжан, та́м жа, ка́жацца, ня ро́жа, вазвы́шаннае, ва́шауа, вы́шаў, уро́шай, два вако́шачки, кра́шаные, Ма́шачка, па кро́шачки, па́двешаные, па-на́шаму, рубáшачку, ста́ршай, хвельша́р (фельдшер), чясту́шак, уасті́нцаў, палатéнца, пшані́цай и др.;

— во втором заударном слоге: ко́лышак, тяля́тницай, ро́дичаў (родичей).

6. Вставки гласных звуков в начале слов:

— протетический *и*, который П. А. Расторгуев называет «приставочным» [Расторгуев 1927: 66]: извэ́рху, извя́жать, изд́едали, изд́елаять, издэ́нь ‘сними’, изно́у (снова), *ик* (предлог к), *имне́*, *ис* (предлог с), *исл́едающий*, *испа́ліл* ‘сжег’, *ихто́* (кто), *ишла́* и др.

7. Отсутствие перехода *е* в *о* перед твердыми согласными (см. об этом: [Расторгуев 1926: 6–7; Расторгуев 1927: 37]):

— в именах существительных: де́жа (одежда), пе́рушки (*е* появляется под влиянием грамматических аналогий, пёрышки), стéжка (стёжка), те́ща (тёща);

— в глаголах:

а) в корнях: замéрз, змерс (замёрз);

б) в формах настоящего времени: давяде́ш (доведёшь), жне́ш (жнёшь), завéш (зовёшь), идéш (идёшь), несéш (несёшь), спякéш (спечёшь), идéть (идёт) и др.

¹ В речи респондентов наряду с мягкими [ч’], [ш’], [шч’] употребляются твердые [ч], [ш] ([шш]), [шч] (см. об этом ниже: Консонантизм, п. 8), поэтому в статье разграничены произношения типа *чяс* и *час*, *чялавéк* и *чалавéк*, *вну́чачка* и *вну́чачка*, *вычя́ццать*, *вычя́шццать*, *Шчя́рб́і́нчы* и *Щчя́рб́і́нчы*.

8. Рефлексы *ъ перед *j* (см. об этом в: [Расторгуев 1926: 7; Расторгуев 1927: 38–39]):

— в окончаниях имен прилагательных, порядковых числительных, субстантивированных прилагательных, местоимений: *бальнѣй, балышѣй, баявѣй, выхаднѣй, дамавѣй, дарауѣй, друѣй, живѣй, маладѣй, малѣй, нямѣй, пажылѣй, платѣчик насавѣй, плахѣй, саракавѣй, святѣй, скупѣй, такѣй, фтарѣй, шастѣй*, но: *друѣй рас*;

— в основах настоящего времени глаголов: *закрѣй* (закрой), *мѣмся* (моемся), *мѣе́шя* (моешься), *мѣя* (моет), *памѣюсь* (помоюсь), *ткрѣите* (откроете);

— в приставках *оты-*, *поды-*, *разы-* [Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2008: 131]: *атыѣшѣу* (отошёл), *падѣѣшла* (подошла), *падѣѣшѣл* и *падѣѣшѣу* (подошёл), *разыѣшлись* (разошлись), *разыѣшѣлся* (разошёл-ся), а также: *падѣхѣдя* (подходит).

9. Звук [ы] в положении после губных согласных переходит в [и]: *висѣ́ка-висѣ́ка* (высоко-высоко), *висѣ́кая, карамѣ́сла*. Примеры П. А. Расторгуева: *ми* (мы), *ви* (вы), *бик* (бык), *мѣ́ла* (мыло) [Расторгуев 1926: 7].

Консонантизм

1. Твердый [р] перед [э] и [ы]. На эту особенность указывает П. А. Расторгуев: «...не менее характерная для говора черта — *отверждение звука р пред гласными переднего ряда*, т.е. пред *э* и *и*; в положении же *р* пред другими гласными, а также в большинстве случаев пред согласными, кроме *j*, и на конце слова сохраняется мягкий *р*. <...> Явление это свойственно говору сѣл и деревень и отличает северско-белорусский говор от других говоров белорусского языка» [Расторгуев 1927: 42; курсив и орфография автора. — С. П.].

Приведем зафиксированные нами примеры.

Перед гласными [э] и [ы]: *абрѣ́зали, адарѣ́й, астрыѣ́м, брыѣ́ади́рам, в стары́ну, уаварѣ́ть, уарѣ́ть, кáрых у́лас, карѣ́ичневая, Карѣ́лия, кры́ни́ца, крѣ́пка, крѣ́стик, курѣ́й, Ма́лый Кры́вѣ́ц* (деревня в Новозыбковском городском округе), *на бугрѣ́, на дярѣ́уни, пры́ на́шай жы́зни, пры́вязла́, пры́диш, пры́каза́ла, пры́то́н, ры́сю, рѣ́мень, сирѣ́нивая, скарѣ́й, срѣ́днее, стары́на, стры́кали* ‘ударяли крапивой’, *сястры́ца, тарѣ́лачка, трактарѣ́стам, тры́* (числительное), *трыко́, тры́на́ццать, трѣ́мтѣ́ть* ‘дрожит от страха’, *у вярѣ́, умарѣ́лася, ша́рыки* и др.

Перед согласными в бывшем сочетании *ТьГТ: *верѣ́х, звѣ́рѣ́ху, зѣ́рѣ́кала, зѣ́рѣ́кальцѣ́, качарѣ́уа́, чятвѣ́рѣ́х, цѣ́рѣ́ква*; и на конце слова: *до́ктарѣ́.*

В речи жителей встречаются варианты с [р’], соответствующие фонетической норме современного русского языка: *при́лична, при́ляте́у, пры́ину, сястры́ца, тры́* (числительное), *чяты́ри* и др.

2. Употребление [γ] фрикативного, в том числе в окончании *-ого* у прилагательных, местоимений, числительных в Р. п. ед. ч. м. р. П. А. Расторгуев отмечает, что [γ] в северско-белорусском говоре звучит как «гортанное придыхание» [Расторгуев 1927: 48]. Приведем зафиксированные нами примеры: *аднаўо́, баўа́таўа, биряўлі́, ўавары́ць, ўнязда́, ўру́пкай* (гру́ба, гру́бка 'комнатная печь с лежанкой'), *друу́боўа, Ко́линаўа, пя́тні́ца-ца́таўа, семі́мэ́сячнаўа, стрóўа-стрóўа, сядьмóўа, усяўо́, хвашы́скаўа, шастóўа* и др.

Встречаются варианты с [г] взрывным: *на бугрэ́, друх бяз дру́га*.

На конце и в середине слов в слабой фонетической позиции в соответствии с фонемой /г/ произносится [х]: *вдрух, де́нях, друх бяз дру́га, зажо́х, испу́х, ко́хтикаў, Кремя́нчу́х, но́х, но́хтикаў, па́рох, пи́рох, плух, прыбе́х* (прибежал), *рох, снех, хиру́рх, ця́тве́рх и ця́тве́рх, шланх* и мн. др.

3. Вставки согласных звуков

а) в начале слов:

— протетический *в* [Расторгуев 1927: 66]. Приведем встретившиеся нам случаи: *вакно́, ваче́й* (Р. п. мн. ч. *глаз*), *во́зяра, Во́льга, во́спа, во́чи, вуо́бл и ву́уал, ву́жы, ву́зёл, ву́лицу, ву́чаяца, два вако́шачки, з во́сяни, на ву́лицэ*.

В идиолектах респондентов употребляется также предлог *ув*, который является позиционным вариантом предлога *у* перед гласными [Расторгуев 1927: 59; Бромлей, Строганова (ред.) 1986, вып. I: карта 59]: *ув ади́наццать чясóў, ув ади́но́чисти, ув адно́м ўа́ду, ув Адэ́си, ув алта́рь, ув амба́рах, ув Аме́рыки, ув а́рмию* и др.;

б) в середине слов:

— эпентетический *ј*: *да́йшли́, да́йшóў, за́йшла́, пе́рэйшла́, прайшла́*, ср.: *пры́йдуть*, где *ј*, по-видимому, — элемент корня;

— сохранение (или восстановление) конечного согласного корня у глаголов с суффиксом *-ну-* вытягать, натягать: *вы́тяну́ли, наты́ну́ла, тятну́лись, тятну́я* (тянет);

— рефлекс сочетания **dj* (см. об этом: [Расторгуев 1926: 10]): *зваджу́* (свожу), *не сяджу́* (не сижу), *не раджу́ся* (не рождался), *заходжу́* (захожу), *саджать* (сажать), *паваджу́* (повожу), *паўляджу́* (погляжу), *раджали́* (рожали) и др.

4. Фонема /ф/ представлена звуками [хв], [кв], [к], [х]. П. А. Расторгуев указывает, что на месте /ф/ редко, но употребляется звук [п]: *Пили́п* (Филипп), *пи́липаўка, пи́липаўски* [Расторгуев 1926: 10–11]. Приведем зафиксированные в идиолектах респондентов примеры:

— [хв] перед гласными: *бухве́т, из хванэ́ры, инхва́ркт, канхве́ты, ку́хвэй-ка* (фуфайка), *пат ци́хвярам* (под шифером), *прахве́сар, с хвашы́скаўа бо́я, тархвя́ник, телехво́на, хва́мили, хва́ртуки, хвату́ра́хвия, хваты́*

(свадебной фаты), *Хведобсий, Хведора, Хведаравна, хвельшар, хвёрма, хвйнку ураницу, хвортачка, шыхвир* и др.;

— [кв]: *квасоля* (фасоль);

— [к]: *кухвэйка*;

— [х] перед согласными: *у залатом кахтани, кохта, тухли, хрантон* (фронтон), но: *Ялхйм* (Ефим).

5. Употребление [ў] («у неслогового», «у краткого») на месте фонем /в/, /л/ перед согласными и на конце слов [Расторгуев 1927: 57–59]. Приведем примеры: *булаўку, в Михайлаўцы, вярёўку, заўатоблена, злын-каўский, каробўку, пасяўная, умыўся; уаварыў, дайшобў, дамобў* (домой, на реч.), *задрямў, киломятраў, Навазынкаў, прайшобў* и мн. др.

Произношение [у] на месте фонемы /в/ в начале слов (в том числе на месте предлога в): *увёрх* (вверх), *удавец* (вдовец), *удоль, улёзли, унук, упи-рёд, ураубў* (Р. п. мн. ч. врагов), *усым, услёт, устрётить, усяк, усячына, усё* *и у поўряп пахавали* (ховать ‘прятать’), *у бурках, у Вязьми, у эта урэмя, у клётачку, у Крыўцы* (в Стáром Кривцё, селе Новозыбковского городского округа), *у лёси и у лясу, у Навазынкави, у пёчку, у sóрак пять лет* и мн. др.

6. Употребление твердого [к] перед [ы] на месте *у в окончаниях И. п. мн. ч. (исторически из В. п. мн. ч.) существительных, Р. п. ед. ч. существительных 1-го склонения: *буркы, дóчки, платóчки*; то же имеет место в случаях сохранения к (отсутствия замены его на ц, см. ниже) перед окончанием Д. п. ед. ч. существительных 1-го склонения: к *дóчки*; в имперфективном суффиксе твердость [к] может объясняться положением перед безударной /о/ ([ъ], [а]), а не /и/, ср. ниже об основах настоящего времени этих глаголов: *панатыркывала, перяскáкывали, павыскáкывали*.

7. Твердые губные на конце слов: *вóсем, два́ццать сем лет, пастáв, нийсáт сем уадбў, сем малítв, сёмдисáт сем уадбў* и др.

8. Особенности в произношении фонем /ч/, /ш/:

— употребление твердых [ч] и [ш] ([шш]) [Расторгуев 1926: 10; Бромлей, Строганова (ред.) 1986, вып. I: карты 45, 48]: *акóнчыцца, ба́чыш, блíнчыки, вóчы* (глаза), *врачы́, вы́учыўся, вяно́чык, уóнючы, урю́чыцца* ‘стучится’, *клубо́чык, кручо́ну, лятучы́й, лячо́ла, научы́цца, нечэ́сная, палу́чыш, пáльчык, перча́так, плато́чык, пла́чэш, плéчы, прычо́ну, пчо́лы, Рылави́чы* (Рыловичи — бывшее название села Сно́вское Новозыбковского городского округа), *рукави́чка, случы́ўся, стучы́цца, учо́ба* (учёба), *учы́сь, учы́телка, хло́пчык, хóчыцца, час но́чы, чо́рная, чы́сло, Чы́стый чятвёрх, чы́тая на пёчы, чы́твёрх, чэ́снай; бальшы́шыый, вапи́шэ, жэ́ншыына, зашы́шышы́я* (защищает), *кладаўшы́ыкамы, мушы́шына, памéшышы́ка, сапби́шылы, у Веря́шышы́ах, шы́ытаўся* и др.;

— на месте фонемы /щ/ в ряде случаев — сочетания согласных [шч], [шч'] [Бромлей, Строганова (ред.) 1986, вып. I: карта 48]: *боришч*, *баршчá*, *жэнишчына*, *заишчыты*, *ишчэ* (ещё), *мушчы́на*, *нишча́сьце*, *праишчáя*, *слéдушчэй* (следующей), *талстюшчáя*, *тэ́шча* (тёща), *Шчóдры* (Щёдры, или Щёдрый вёчер — день в народном календаре славян (13 января), когда щедровали, устраивали игрища, гадания), *шчóки* (щёки), *шчóлак* (щёлок), *шчыкaтáть* (щекотать), *шчытáй* (считай), *прышчэ́мiсья* (прищемишься), у *Веряшчáках* и у *Веряшчя́ках*, *ууашчя́ять*, *су́шчяя* (сушая, о правде), *шчыслíваю*, *шчадрóвые* и *ишчадрóвые*, *Шчарбíнiчi* и *Шчярбíнiчi* и др.

Употребляются и варианты с мягкой аффрикатой ч и щ: *двячэ́нка*, *захóчя*, *лячiть*, *чярóб*, *чяпáти* 'брать', *чярдáк*, *чярнíка*; *угащя́ять*, *щадру́ять* и др.

9. П. А. Расторгуев указывает, что в окончаниях Д.–П. п. ед. ч. 1-го склонения имен существительных перед бывшим ѣ на месте задненебных согласных употребляются зубные фрикативные свистящие [Расторгуев 1927: 50–51]. Приведем зафиксированные случаи употребления:

— произнесение [ц] / [цц] на месте к, чк: *на пáсяцы* (на пасеке), *на ряцэ́* (на реке), *в Михáйлаўцы* (в Михайловке), *на уалóўцы* (по головке), *мáцца* (матка 'мать'), *на ўóрцы* (на горке), *у кнíжцы* (в книжке), *у Нясвóбяўцы* (в Несвобевке, деревне в Новозыбковском городском округе), *у рубáшцы*, *на табурэ́цы* (на табуретке), *вядэ́рца* (ведёрко); *на сваёй деля́нацы* (на своей деляночке), *на уалóвацы* (по головочке), *на нíтацы* (по ниточке), *Тóмацы* (Томочке), *у кóфтацы* (в кофточке), *у сарóцы* (в сорочке) и др.;

— произнесение на месте з, х соответственно [з], [с]: *у лúзи* (на лугу), *на дарóзи* (по дороге), *у стрэ́се* (стрехам 'нижний свисающий край крыши избы'), *свякру́си* (свекрухе, свекрови).

Ассимиляции

1. Прогрессивная ассимиляция в сочетании с j [Расторгуев 1926: 11; Расторгуев 1927: 65]. Приведем зафиксированные примеры употребления: *бервэ́ння* (брёвна), *биллэ́* (бельё), *васкрисэ́ння*, *васэ́лля*, *уру́ддзю*, *ууля́ння*, *Иллá*, *калóсся*, *кры́лля*, *лúтця* (лутье 'лыко для плетения лаптей'), *но́ччю* и *но́чку*, *пакалэ́нне*, *палóззя*, *плáття*, *сватт́я*, *свинн́я*, *снэ́данне* 'завтрак', *трэ́ття*, *трэ́ттай*, *Увэ́лля* (Увелье — село в Красногорском районе Брянской области), *у рýсся*, *хлéбам-сóллю*, *чялавéччя* (человечья) и др. Но: *Блауавéщянье*.

2. Регрессивная ассимиляция, когда свистящий употребляется на месте шипящего, в формах 2 л. ед. ч. настоящего времени возвратных глаголов [Расторгуев 1927: 64]: *зүатýе́сья* 'приготовишься', *прышчэ́мiсья* (прищемишься), *сабiра́и́сья*.

Явления начала и конца слова

1. Отпадение начального звука или звуков: *ат спўуу* (от испуга), *дэжу* (одежду), *дна* (одна), *днаўб* (одного), *за ляктры́чкай* (за электричкой), *звёсна* (известно), *ка́зку* (сказку), *ко́льки* (сколько), *мерыка́нка* (американка), *наўда́* (иногда), *ни тка́пываюць* (не откапывают), *ни тмóля* (не отмолит), *то́плянник* (утопленник), *пирáцыю* (операцию), *планитя́н* (инопланетянин), *пóсли бéда* (после обеда), *тпрáвили* (отправили), *трэ́зали* (отрезали), *у скрысёння* (в воскресенье) и др.

2. Отпадение конечного звука: *сйча́*, *сэйча́* и *сйчя́* (сейчас).

Грамматические диалектные черты

1. В словоформах имен существительных П. п. м. р. ед. ч. окончание -у: *на быкў́*, *на хутарóчку*, *на чердакў́*, *у платкў́*, *у са́дику* и др.

2. В словоформах П. п. м. р. ед. ч. имен существительных 2-го склонения с основами на мягкий согласный и *ц* — окончания -и, -ы: *на пни*, *у канцѳ́*, *у Крыўѳ́*, *у том канцѳ́*.

3. Употребление «счетных форм», совпадающих с формами И. п. мн. ч.: *два вакóшачки*, *два уады́*, *два двары́* (двор 'дом'), *два дни*, *два друшкѳ́* (дружкѳ́ 'свидетели на свадьбе'), *два ма́льчики*, *два разы́*, *два салда́ты*, *два узялкѳ́*, *два часы́*, *два швы́*, *два яйцѳ́*, *два́ццать два уады́*, *два́ццать два до́мики*, *два́ццать чаты́ри тялёнки*, *три сыны́*, *три чялавёки*, *тры уады́*, *тры ра́зы*, *тры сталбѳ́*, *тры яйцѳ́*, *тры́ццать два уады́*, *четы́ри листóчки*, *четы́ры уадо́чки*, *чаты́ры вядры́*, *чаты́ри гады́*, *чаты́ри ме́сяцы*, *чаты́ри праўнуки*, *чаты́ри чясы́* и др.

4. Распространенность форм имен существительных И. п. мн. ч. *братѳ́*, *валасѳ́*, *дядькѳ́*, *сёлы*, *сыны́*.

5. В формах Т. п. мн. ч. имен существительных — окончание -амы (-ямы) [Расторгуев 1927: 85–86]. Приведем зафиксированные случаи употребления: *ве́камы*, *вратáмы*, *даяркамы*, *дравáмы*, *з бараба́намы*, *з уармо́шкамы*, *з уастя́мы*, *з дву́мы сёмьямы*, *з де́вачкамы*, *з дитя́мы*, *з лёнтамы*, *за урыба́мы*, *за дарáмы*, *за праду́ктамы*, *за уша́мы*, *за я́уадамы*, *из барада́мы*, *кулака́мы*, *наўáмы*, *начя́мы*, *пад абразáмы*, *пад во́кнамы*, *пат Катѳ́чямы* (Катѳ́чи — село в Новозыбковском городском округе), *перед вачя́мы* (перед глазами), *рубля́мы*, *рука́мы*, *ру́чачкамы*, *рушника́мы*, *ис сярпа́мы*, *з дитя́мы*, *с узялка́мы*, *саня́мы*, *тяля́тницáмы*, *хло́пцамы*, *цвята́мы*, но: *з валóссямы*.

6. В формах имен существительных мн. ч. в сочетании с предлогом по окончание П. п. -ах вместо окончания Д. п. -ам: *на буква́х пачита́ю*, *на вачя́х* (по глазам), *на урада́х*, *на двóрах* (по дворам 'по домам'), *на канáвах*, *на Катѳ́чях*, *на кни́жках*, *на начя́х*, *на плячя́х*, *на ряда́х*, *на рада́х* и др.

7. Особенности выражения грамматического рода имен существительных: *быў ярмалак* (м. р.), *залатой вядёрка* (м. р.), *іхний сабака* (м. р.), *насып* (м. р.), *свадьба* (м. р.) *быў, такóу саба́чку* (м. р.), *такое абы́чие* (ср. р.).

8. Особые формы местоимений:

— йотированные местоимения [Расторгуев 1927: 103–104]: *ён, з ёй* (с ней), *з йим* (с ним), *к ёй* (к ней), *у йих* (у них), *яўб, яна́, яны́* (а также *аны́* и русский литературный вариант *ані*);

— личные местоимения представлены следующими формами: местоимение *я* — формами Д. п. ед. ч. *менé* и *мянé*, местоимение *ты* — формами Д. п. ед. ч. *табé* и *тябé* (это отмечается и П. А. Расторгуевым [Расторгуев 1927: 99–100]), местоимение *она* — формами Р. п. ед. ч. *еé* и *яé*;

— возвратное местоимение *себе* представлено формами Д. п. ед. ч. *сабé* и *сябé*;

— местоимение *все* представлено формами *вси, фси, усі́; всих, фсих, усі́х*;

— местоимения *мой, твой, свой* в Р. п. и Д. п., в м. р. и ср. р. могут утрачивать гласный *е*: *майўб, твайўб, свайўб, майму́, твайму́, свайму́*. Но также: *маяўб, тваяўб, сваяўб*. На это обратил внимание П. А. Расторгуев [Расторгуев 1927: 104]. Приведем зафиксированный нами пример из песни: *Я люблю́ свайўб* милóуа, / *А ты — сынóчка сваяўб*;

— местоименное прилагательное *тот* представлено формами, имеющими окончания адъективного типа склонения [Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2008: 158]: *тэй* и *тый* (тот), *та́я* (та), *ту́ю* (ту), *то́е* (то), *тых* (тех), *ты́е* и *ты́я* (те);

— местоименное прилагательное *этот* представлено формами *э́тый* (этот), *э́тыя* и *э́тые* (эти);

— местоименное прилагательное *чей* произносится в ряде случаев как *чий*.

9. Глагольные формы презенса 3 л. ед. ч., в которых отсутствует конечный *-т*: *беряжé* (бережет), *не бярэ́*, *абдува́я, абмыва́я, быва́я, зазеляне́я, зараста́я, захо́я, зна́я, изде́ня* ‘снимет’, *на́йдя, намина́я, памо́жа, прыка́жа, няре́йдя* (перейдёт), *снима́я, сустрэ́ня* ‘встретит’, *узна́я; хо́дя, ату́аво́ря, дру́жа, про́ся, пу́стя, выво́дя, ку́ря, сма́ля* и др.

Финаль *-ть* в глагольных формах 3 л. ед. ч. и мн. ч.: *ляжы́ть, трэ́мті́ть* ‘дрожит от страха’, *выво́дять, уаря́ть, ку́рять, сма́лять, тарча́ть* и др.

По отношению к этим формам справедливо следующее наблюдение: «в Новозыбковском уезде у глаголов I спряжения часты формы без *-ть*, а у глаголов II спряжения формы с *-ть* и могут быть без него, если ударение на основе» [Расторгуев 1927: 111]. Финаль *-ть* имеется и у атематического глагола: *перада́сть*.

10. Глаголы I спряжения в форме 3 л. мн. ч. — с безударными окончаниями II спряжения. На эту черту, характерную для Новозыбковского уезда, указывает студент А. Ф. Полевой, слушавший курс белорусского языка у П. А. Расторгуева. В статье А. Ф. Полевого «Описание говора Новозыбковского уезда Гомельской губернии» (1924) приводятся следующие примеры: *бэга́ять, пла́чась, ла́ять*. Эти примеры перечислены П. А. Расторгуевым в книге «Северско-белорусский говор» [Расторгуев 1927: 115].

Приведем зафиксированные нами случаи: *абéда́ять, аткрыва́яцца, быва́ять, втырка́ять, ууля́ять, дажыда́ять, е́дять* (едут), *запра́я́ять, засява́ять, зня́ять, кы́даять, нали́ва́ять, на́ряжа́ять, не летá́ять, паде́лаять, па́драста́ять, падыма́яцца, пазапа́люять, пере́ряжа́ять, пры́да́ять, пужа́ять, пы́та́ять* 'спрашивают', *рабо́та́ять, са́бира́ять, сая́диня́яцца, танцу́́ять, уга́ця́́ять, уда́вля́яцца, уты́ка́́ять, шлё́па́́ять, шу́ка́́ять* 'ищут' и др. Но: *яду́́ть* (едят). Кроме того, *дэ́тки бягу́́т* (бегают; с твердым т).

11. В окончаниях глагольных форм 2 л. мн. ч. смещение ударения на последний слог [Расторгуев 1927: 114]. Приведем зафиксированные нами примеры: *дажыви́тэ* (доживёте), *иди́тэ* (идёте), *сиди́тэ* и *сяди́тэ* (сидите), *не даи́тэ* (не даёте).

12. В формах глаголов 1 л. мн. ч. наст. вр. окончание -ом вместо -ём. На эту особенность указывает П. А. Расторгуев [Расторгуев 1927: 46, 114]. Приведем примеры: *жнóм* (жнём), *живóм* (живём), *идóм* (идём), *набярóм* (наберём), *падаждóм* (подождем), *пяхóм* (печём), *сабярóм* (соберём), *сабярóмся*.

13. Отсутствие в личных формах глаголов суффиксов -ева-, -ива-, -ыва-, замена их на суффикс -у- (-ю-): *абвя́зують, абма́нуеш, вы́гаварю́я, вы́ска́кую, да́гаварю́яцца, зава́рачуе́цца, закру́чуе, звя́зують, испаве́дуя, начи́тую, не а́уля́дуйся, пазапа́люють, пака́зують, прыде́ржу́яцца, разва́варю́ють, раска́зуя, раскла́ду́ють, спра́шуя, уа́ду́я* 'узнаёт' и др.

14. Глагол *быть* в 3 л. ед. ч. представлен формами *ё́сть*; формы императива от глагола *ходить*: *хади́* (пойдём), *хади́мте* (пойдёмте); форма м. р. ед. ч. прош. вр. глагола *поест*: *паяда́ў* (поел).

15. Употребление инфинитива *иди́ть*: *Хоть ты хо́чиш за я́ўо иди́ть, хоть ня хо́чиш — тебе́ адда́ду́ть!*; *Вот наза́втре́ўа иди́ть ужо́ у ваенкама́т; Куда́ што за́думая́ть иди́ть*: «у́бспади пама́ўи мне»; *Куда́ ш ё́хат! А э́та на́да пе́шки* ['пешком'] *иди́ть*.

16. В формах возвратных глаголов после гласной употребляется постфикс -ся: *адва́́лися, асме́́лялися, вы́́страи́лися, за́́вары́́лися, ляни́́лися, ня пры́́зна́́лася, пажани́́лися, парази́́та́́лися, ума́́ры́́лася* и др.

17. Особые формы деепричастий: *шибу́́шы* (идя), *пришибу́́шы* (придя).

18. Употребление двух наречий со значением 'вдвоем': *удвё́х* (о женщинах) и *удво́х* (о мужчинах).

19. На месте предлога и приставки с — з: *з вадбóй, з валóссиями, з вéльцами, з ё́лачкай и з ельцáмы* (вёльцы ‘ветка ели или сосны, поставленная в свадебный каравай’), *з вядрóм, з ёй* (с ней), *з изю́мам, з йим* (с ним), *з йíмы* (с ними), *з лё́нтамы, з лицá, з ляска́, з малады́м, з ма́линьким, з ма́слам, з Навазы́пкава, з нау́й, з на́мы* (с нами), *з Но́вым уóдам, з нявэ́сткай, з э́тай па́лачкай, з рабо́ты, з э́тага ме́ста, з яуó* (с его); *зваджу́* (свожу), *звя́жаты* и *извя́жаты*, *звяза́ли, звя́зують, злес* (слез), *змéниш* (сменишь), *змяла́* (смила, смести), *знóся* (сносит), *зняла́, зра́зу* (сразу), *звэ́здить, звэ́сть, извэ́рху* (сверху), *изно́ў* (снова) и др.

20. Употребление при словоформах Р. п. ед. ч. имен существительных предлога с вместо из, отличающееся от нормативного для русского языка: *с Аме́рыки, с До́ма култьу́ры, с кина́, с Кли́мава, с Кли́нцоў, с роддо́ма, с салóмы, с сямьí, с трубы́, с халста́* и др.

21. Употребление деепричастий и причастий в функции сказуемого: *А я, пра́вда, хоть растяра́ўшы была́, так во хоп э́та всё. И так як шыбну́ла* [‘бросила’]... <...> *Я и уаварю́ (пря́ма пры всíх), я и кажú: «Ну на што вот кíнута?! На што кíнута?! Скажы́те?!»*

Лексико-фразеологические диалектные черты

В речи жителей Новозыбковского городского округа и Злынковского района употребляется значительное количество диалектных слов. Приведем примеры.

Имена существительные: *ба́бка* ‘знахарка, шептуха’, *бу́льба* ‘картофель’, *бураки́* ‘свекла’, *взвар* и *узвар* ‘компот из высушенных яблок, груш’, *ви́лки* и *ухва́ты* ‘палки с металлической рогаткой на конце для того, чтобы ставить в печь чугуны’, *волхóвка* ‘ворожея, гадалка’, *вы́спяток* ‘нога, стопа’, *гру́бка* ‘комнатная печь с лежанкой’, *гурки́* ‘огурцы’, *гурт* ‘кружок, сборище’, *жа́мки* ‘печенье или лепешка из пресного теста’, *коло́дезь* ‘колодец’, *колидо́р* ‘коридор’, *ко́мен* ‘верхняя часть печной трубы, начинающаяся в доме’, *кулéш* ‘жидкая каша или похлебка на воде или молоке’, *ку́па* ‘торф’, *кут* ‘угол; правый угол комнаты, где стоят иконы’, *кутья́* ‘каша из пшеничной или ячменной крупы, которую едят с медом, разведенным водой’, *лу́тка* ‘косяк дверной или оконной рамы’, *лу́тые* ‘лыко’, *молода́йка* ‘молодая замужняя женщина’, *морквá* ‘морковь’, *оле́й* ‘растительное (подсолнечное) масло’, *пасё́стра* ‘двоюродная сестра’, *па́хи* ‘подмышки’, *плётки* ‘сплетни, ложь, выдумки’, *подлё́ток* ‘подросток’, *пола́ть* ‘очищать зерно от мусора, подбрасывая его в корыте’, *по́пел* ‘зола’, *пря́сла* ‘изгородь’, *пу́га* ‘кнут из перевитых ремней или веревок, плетё’, *пу́ня* ‘сарай для скота’, *сва́рка* ‘ссора’, *свежи́на* ‘свежее мясо, еда из недавно убитого домашнего животного’, *снеда́нье* ‘завтрак’, *стра́вы* ‘блюда’, *теплó* ‘костер’, *тере́шка*

‘бабочка’, *толока́* ‘толпа людей; совместная работа для оказания помощи в каком-то деле’, *хозяин* ‘супруг’, *хрѣсбины* ‘крестины’, *цапо́к* ‘палка для опоры при ходьбе’, *чѣботы* ‘сапоги’, *шко́да* ‘вред, убыток, порча’, *яѣшня* ‘яичница’ и др.; имена прилагательные: *буркотли́вый* ‘ворчливый’, *дро́бный* ‘мелкий’, *клы́ченая* ‘растрепанная’, *коли́сяшные* ‘старинные’, *корчѣвая* ‘согнутая из-за судорог’, *суро́чливый*, *уро́чный*, *уро́чливый*, *урѣ́чливый* ‘тот, кто может сглазить’, *ту́ташний* ‘здешний’ (ср.: *ту́така*, *ту́тачки* ‘тут, здесь’) и др.; наречия: *бога́то* ‘много’, *ввѣ́чере* ‘вечером’, *влѣ́тку* ‘летней порой’, *вра́нье* ‘рано утром’, *дуже́* и *дю́же* ‘очень’, *кода́сь* и *коли́сь* ‘когда-то давно’, *отку́ль* ‘откуда’, *отсю́ляка* ‘отсюда’, *отту́ль* и *отту́ляки* ‘оттуда’, *отусу́ль* ‘отовсюду’, *пѣшки* ‘пешком’, *ря́сно* ‘пышно, красиво’, *та́матки* ‘там’, *тро́хи* и *тро́шки* ‘мало, чуть-чуть’, *что зря́* ‘без толку, наобум’ и др.; местоимения: *кого́сь* ‘кого-то’, *хто́сь* ‘кто-то’, *який́* ‘какой’ и др.; глаголы: *бары́ться* ‘мешкать, задерживаться’, *ба́чить* ‘видеть’, *вечѣ́рять* ‘ужинать’, *готова́ть* ‘готовить’, *зуга́ть* ‘звать’, *заба́рсывать* ‘продевать обору сквозь дырочки в лапте’, *забожа́ть* ‘чего-нибудь сильно захотеть’, *заплю́снуть* ‘закрыть глаза’, *зараби́ть* ‘заработать’, *зачура́ть* ‘занять что-либо первым’, *зирну́ть* ‘бегло взглянуть’, *каза́ть* (несов. и сов. в.) ‘говорить и сказать’, *кана́ть* ‘умирая, мучиться, испытывая боль’, *копани́чить* ‘взрыхлять, окучивать’, *корѣ́зить* (несов., безл.) ‘испытывать боль в суставах’, *купля́ть* ‘покупать’, *лузга́ть* ‘разгрызая, очищать от скорлупы и есть’, *пея́ть* ‘петь’ (в речи распространены личные формы *пяю́ть*, *пяём*, *пею́ть*, *пеём*, *пе́им*), *подку́ривать* ‘поджигать’, *прислуха́ться* ‘прислушиваться’, *пужа́ться* ‘пугаться’, *пыта́ть* ‘спрашивать’, *ретова́ть* ‘спасать, помогать’ (в речи распространена форма повелит. накл. *рята́йте*), *сдева́ть* ‘снимать надетое’, *сне́дать* ‘завтракать’, *стрека́ть* ‘бить крапивой’, *схапи́ть* ‘схватить’, *ца́пать* и *чапа́ть* ‘трогать, брать’, *чу́хать* ‘чесать’, *чу́ять* ‘слышать’ и др.; предлоги: *ка́ла* ‘около’, *повз* ‘мимо; вдоль чего-нибудь, по краю’ (*павз мяне́* ‘мимо меня’, *павз ву́лицы* ‘по краю улицы’); союзы: *ти* ‘или’, *як* ‘как; когда; если’; частицы: *ти* ‘разве, неужели, ли’, *хи́бо* ‘неужели, разве, неужто’ и др.

Устойчивые выражения: *где де́лись* ‘вдруг пропали’, *дать ря́ду* ‘навести порядок, разрешить сложную ситуацию’, *де́ва дево(?)ва́я* ‘старая дева’, *захоте́ть на дво́р* ‘захотеть в уборную’, *ко́зо(?)бом дивы́ться* ‘недовольно смотреть’, *мозги́ завяза́ть* ‘забыть’, *ша́пка ва́лится* ‘страшно’.

Приведем в качестве примера два фрагмента, в которых употребляются диалектные слова (респондент — Анастасия Григорьевна Мужнинина 1922 г. р.², на момент беседы находилась в г. Новозыбкове с детьми; всю жизнь прожила в селе Верещаки).

² Для идиолекта респондента характерно сильное аканье и яканье.

Фрагмент 1

*Дярю́га была́. <...> Э́та уме́ста ады́яла. Што на ады́яла во нады́эца во... Ни пакрыва́ла — падады́яльник. А у нас э́та бы́ў ис тако́уа во... из **рядна́**. Э́та самосатка́нае, са́мы ш тка́ли. Дак ис тако́я шы́ыва́ли. У́эта называ́лася у нас **ды́рлю́га**. Ну вот ба́чыш як то́ненькая. И на́да ж э́та натка́ть во. Ишчэ́ ш я всё тка́ла. Сяди́ш ужó и нау́а́мы и кидь-кидь-кидь э́та, на́кйда́й кажы́наю нита́чку. Пяры́ны, пярёны — э́та с сукна́. Пры́ли **во́ўну** ис... а па́том ужó яё ва́зі́ли ва́лі́ць, што́п пярó ни выла́зила. Ну па́том ужó нады́ва́ли э́ту **ды́рлю́гу** на тый... э́ту са́мую ужó... Ни пады́миш!*

Фрагмент 2

*Ну як а ро́дицца малы́й вот, напрыме́р, ужó кума́. Ё́тый ни зна́ю ужó, што ё́н бу́дя дава́ць, кум, а ты б ужó на́си́ла называ́вса **уви́вич**. **Уви́вич** у нас. Вот, напрыме́р, пала́тна. У нас ни было́ тады́ ни ма́тэрьёу, ничо́уа. Дак пала́тна та́ких ме́тры две ти тры. Э́та ты нясе́ш ужó кры́сти́ць. Бу́диш ужó та́ма.*

Определим, опираясь на областные словари, значение лексем *ды́рлю́га*, *рядно́*, *во́лна*, *уви́вич*.

Слово *ды́рлю́га* фиксируется словарями современного русского литературного языка с пометами *обл.*, *спец.* или без помет.

В «Брянском областном словаре», «Словаре народных говоров Западной Брянщины» П. А. Расторгуева, в сборнике «Лексика Полесья» это слово не зафиксировано. В «Словаре русских народных говоров» представлено несколько омонимичных лексем с двумя ударениями — *ды́рлю́га*. В первом омониме среди восьми значений находим то, которое ближе всех соответствует приведенному контексту. Это первое значение — ‘толстый грубый холст из сученых охлопков или тряпок, используемый для различных целей’, ‘двойное одеяло из толстого холста, употребляемое крестьянами на постели, а также взамен мешка для перевозки хлеба’ [Филин (гл. ред.) 1972: 27].

Слово *рядно́* также фиксируется словарями современного русского литературного языка.

В «Брянском областном словаре» лексема *рядно́* не зафиксирована, но указано слово *рядни́к* — ‘изделие из толстого домотканого холста (рядна)’ [Курганская (отв. ред.) 2011: 290]. «Словарь народных говоров Западной Брянщины» фиксирует лексему *рэдно́* — ‘полотно, подстилка’ [Расторгуев 1973: 233]. В «Словаре русских народных говоров» указываются две омонимичные лексемы [Сороколетов (гл. ред.) 2001: 343], но ни одно из их значений не соответствует контексту.

Диалектное слово *волна́* в «Брянском областном словаре» имеет значение ‘овечья шерсть и пряжа из нее’ [Курганская (отв. ред.) 2011: 54],

в «Словаре народных говоров Западной Брянщины» дается лексема *воўна* — ‘овечья шерсть’, к ней указываются акцентные варианты *во́лна* и *волна́* [Расторгуев 1973: 68]. «Словарь русских народных говоров» указывает те же акцентологические варианты, что и словарь П. А. Расторгуева, и дает три значения: 1. Волосьяной покров животного, обычно овцы. 2. Пряжа или ткань из шерсти. 3. О волосах человека, особенно курчавых [Филин (гл. ред.) 1970: 43]. В «Словаре брянских говоров» даются омонимичные диалектные слова с двумя ударениями — *во́лна́*. У первого омонима выделены два значения: 1. Волосьяной покров овцы; овечья шерсть. 2. Пряжа и сукно из овечьей шерсти [Козырев, Чагишева (науч. ред.) 1983: 42]. В сборнике «Лексика Полесья» у слова *волна* указывается два значения: 1. Овечья шерсть. 2. Шерстяная пряжа. Здесь также даны фонетические варианты, обусловленные региональным произношением [Владимирская 1968: 200].

Диалектное слово *увивич* находим в «Словаре народных говоров Западной Брянщины» со значением ‘отрез ткани на платье, который кумовья дарили роженице’. Здесь же указывается, что «в настоящее время слово вышло из употребления» [Расторгуев 1973: 266]. «Словарь русских народных говоров» фиксирует лексему *увивич* с тем же значением, что и словарь П. А. Расторгуева, — ‘отрез материи, который преподносили в дар роженице’ (Зап. **Брян.**, 1957) [Сороколетов (гл. ред.) 2013: 175]. Однако здесь же представлена лексема *увивач*, которая по значению ближе к представленному фрагменту 2: ‘кусоч материи, пеленка, в которую заворачивают младенца после крещения’ [Сороколетов (гл. ред.) 2013: 175]. «Брянский областной словарь» фиксирует диалектное слово *повивич* — ‘широкая лента, с помощью которой пеленают детей’ [Курганская (отв. ред.) 2011: 249].

Итак, в речи старожилов приграничных с Белоруссией Новозыбковского городского округа и Злынковского района Брянской области сохраняются диалектные черты, которые отмечались век назад П. А. Расторгуевым и другими учеными. В идиолектах респондентов встречаются и примеры, соответствующие нормам русского литературного языка. Исследователю говоров этой территории важно помнить, что «ареалы явлений, специфических для белорусского языка, чаще всего распространены <...> в районах Новозыбкова — Стародуба» [Захарова, Орлова 2004: 122].

В исследованиях говоров Брянской области (в книге М. Н. Косич, статьях Е. Ф. Карского, трудах П. А. Расторгуева) отмечаются дзеканье и цеканье, которые к настоящему времени, по-видимому, утрачены.

Речевые особенности пожилых жителей юго-запада Брянщины необходимо изучать в школе и вузе и сохранять, поскольку носителей традиций народно-речевой культуры восточнославянского русско-белорусского пограничья с годами становится меньше.

Источники

Архив диктофонных аудиозаписей звучащей речи, сделанных С. М. Пронченко и М. А. Мухиной в 2010 г. в ходе полевых лингвокультурологических исследований Новозыбковского и Злынковского районов Брянской области.

Литература

- Бромлей С. В., Стrogанова Т. Ю. (ред.) Диалектологический атлас русского языка (Центр Европейской части СССР). Карты. М.: Академия наук СССР, Институт русского языка, 1986. Вып. I.: Фонетика.
- Букринская И. А., Кармакова О. Е., Тер-Аванесова А. В. Говоры белорусско-русского пограничья // Исследования по славянской диалектологии. 13: Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем) / отв. ред. Л. Э. Калнынь. М.: Институт славяноведения РАН, 2008. С. 118–179.
- Владимирская Н. Г. Полесская терминология ткачества // Лексика Полесья: Материалы для полесского диалектного словаря / отв. ред. Н. И. Толстой. М.: Наука, 1968. С. 193–319.
- Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. Изд. 2-е, стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2004. 176 с.
- Козырев В. А., Чагишева В. И. (науч. ред.). Словарь брянских говоров. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1983. Вып. 3. 92 с.
- Косичъ М. Н. Литвины-бѣлорусы Черниговской губерніи, ихъ быть и пѣсни. СПб.: Типографія князя В. П. Мещерскаго, 1902. 151 с.
- Курганская Н. И. (отв. ред.). Брянский областной словарь. Изд. второе, испр. и доп. Брянск: БГУ им. академика И. Г. Петровского, 2011. 361 с.
- Расторгуев П. А. Говоры восточных уездов Гомельской губернии в их современном состоянии. Минск: Институт белорусской культуры, 1926. 24 с.
- Расторгуев П. А. Северско-белорусский говор: Исследование в области диалектологии и истории белорусских говоров. Л.: Издание института белорусской культуры, 1927. 224 с.
- Расторгуев П. А. Словарь народных говоров Западной Брянщины: Материалы для истории словарного состава говоров. Минск: Наука и техника, 1973. 295 с.
- Сороколетов Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 2001. Вып. 35. 360 с.
- Сороколетов Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 2013. Вып. 46. 350 с.
- Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1970. Вып. 5. 344 с.
- Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1972. Вып. 8. 372 с.

References

- Bromlei S. V., Stroganova T. Yu. (eds.). *Dialektologicheskii atlas russkogo yazyka (Tsentr Evropeiskoi chasti SSSR). Karty* [Dialectological atlas of the Russian language (Center for the European part of the USSR). Maps]. Moscow, USSR Academy of Sciences, Inst. of Russian Language Publ., 1986. Vol. I.: Phonetics.
- Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E., Ter-Avanesova A. V. [Dialects of the Belarusian-Russian border]. *Issledovaniya po slavyanskoi dialektologii. 13: Slavyanskie dialekty v situatsii yazykovogo kontakta (v proshlom i nastoyashchem)* [Research on Slavic dialectology. 13: Slavic dialects in the situation of language contact (in the past and present)]. Moscow, Inst. of Slavic Studies Publ., 2008, no. 13, pp. 118–179. (In Russ.)
- Filin F. P. (ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Leningrad, Nauka Publ., 1972. Vol. 8. 372 p.
- Filin F. P. (ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Leningrad, Nauka Publ., 1970. Vol. 5. 344 p.
- Kosich M. N. *Litviny-belorusy Chernigovskoi gubernii, ikh byt i pesni* [Lithuanians-Belarusians of Chernigov province, their way of life and songs]. St. Petersburg, Tipografiya knyazya V. P. Meshcherskogo Publ., 1902. 151 p.
- Kozyrev V. A., Chagisheva V. I. (eds.). *Slovar' bryanskikh govorov* [Dictionary of Bryansk dialects]. Leningrad, Leningrad St. Inst. Publ., 1983. Vol. 3. 92 p.
- Kurganskaya N. I. (ed.) *Bryanskii oblastnoi slovar'* [Bryansk regional dictionary]. Bryansk, Bryansk St. Univ. Publ., 2011. 361 p.
- Rastorguev P. A. *Govory vostochnykh uezdov Gomeľ'skoi gubernii v ikh sovremennom sostoyanii* [Dialects of the eastern counties of the Gomel province in their modern state]. Minsk, Institut Belorusskoi Kul'tury Publ., 1926. 24 p.
- Rastorguev P. A. *Seversko-belorusskii govor: Issledovanie v oblasti dialektologii i istorii belorusskikh govorov* [Seversko-Belarusian dialect: Research in the field of dialectology and history of Belarusian dialects]. Leningrad, Institut Belorusskoi Kul'tury Publ., 1927. 224 p.
- Rastorguev P. A. *Slovar' narodnykh govorov Zapadnoi Bryanshchiny: Materialy dlya istorii slovarnogo sostava govorov* [Dictionary of vernacular dialects of the Western Bryansk region: Materials for the history of the dialect vocabulary]. Minsk, Nauka i Tekhnika Publ., 1973. 295 p.
- Sorokoletov F. P. (Ed.) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001. Vol. 35. 360 p.
- Sorokoletov F. P. (Ed.) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013. Vol. 46. 350 p.
- Vladimirskaya N. G. [Polesie weaving terminology]. *Leksika Poles'ya: Materialy dlya poleskogo dialektного slovary* [Vocabulary of Polesie: Materials for the Polesie dialect dictionary]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 193–319. (In Russ.)
- Zakharova K. F., Orlova V. G. *Dialektnoe chlenenie russkogo yazyka* [Dialect division of the Russian language]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 176 p.

Из истории русского языка

Древнерусский Стрибог и его древнегреческий собрат Астрей

Владимир Иванович Максимов, Общество исследователей Древней Руси при ИМЛИ РАН
(Россия, Москва), vladimir_maksimov44@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170013904-3

АННОТАЦИЯ: Рассматривается происхождение имени древнерусского языческого божества Стрибога, упоминаемого в «Повести временных лет» и «Слове о полку Игореве», и его связь с древнегреческой мифологией. Высказано предположение, что древнерусский Стрибог является отражением древнегреческого бога Астрея, отца более известных богов ветров, дуновение которых у греков соответствовало сторонам света: Борея — бога холодного северного ветра, Зефира — бога теплого западного ветра, Нота — бога горячего южного ветра и Эвра — бога неустойчивого восточного или юго-восточного ветра, в отечественной поэзии часто отождествляемых с порождаемыми ими ветрами. Сродство Стрибога и Астрея заключается не только в подобии их родословных, но и в именах с общим для них корнем str-. Поскольку Астрей являлся не только прародителем ветров, но и отцом Венеры и других звезд, есть основания считать Стрибога не только дедом ветров, но и славянским богом ночного неба.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Древняя Русь, язычество, «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве»

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Максимов В. И. Древнерусский Стрибог и его древнегреческий собрат Астрей // Русская речь. 2021. № 1. С. 57–63. DOI: 10.31857/S013161170013904-3.

From the History of the Russian Language

Old-Russian Stribog and his Ancient Greek Brother Astray

Vladimir I. Maksimov, Society of Researchers of Ancient Russia at the Institute of World Literature
(Russian Academy of Sciences) (Russia, Moscow), vladimir_maksimov44@mail.ru

ABSTRACT: The essay analyses the name of a pagan God of the Ancient Rus Stribog, who was mentioned in “The Russian Primary Chronicle” and “The Tale of the Igor’s Campaign” and its connection with the ancient Greek mythology. The article suggests that an old-Russian god Stribog is similar to the ancient Greek god Astray, the father of the famous gods of winds, Boreas — the god of cold northern wind, Zephyr — the god of warm western wind, Anemoi — the god of hot southern wind and Eurus — the god of unstable eastern or south-eastern wind, who are often associated with the winds they symbolize in Russian poetry. The similarity of Stribog and Astray lays not only in their origins, but in the common root *str-*. The article concludes that because god Astray is not only the father of the gods of the winds, but also the father of Venus and other stars, it is arguable that Stribog is both the grandfather of the winds and the Slavic god of the night sky.

KEYWORDS: Ancient Russia, paganism, idols, “The Russian Primary Chronicle”, “The Tale of Igor’s Campaign”

FOR CITATION: Maksimov V. I. Old-Russian Stribog and his Ancient Greek Brother Astray. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2021. No. 1. Pp. 57–63. DOI: 10.31857/S013161170013904-3.

*Налетели ветры злые
Да с восточной стороны
И сорвали черну шапку
С моей буйной головы.*

Из казацкой песни.

Древнерусское языческое божество по имени Стрибог впервые упоминается в «Повести временных лет» среди древнерусских богов, кумиры которых в 6488 (980) г. киевский князь Владимир Святославич поставил в Киеве на холме около своего двора. «И нача княжити Володимѣрь въ Киевѣ единѣ и постави кумиры на холму вне двора теремного — Перуна древяна, а главу его сребрену, а ус злат, и Хорса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь».

При том, что Стрибог упоминается в других, более поздних, древнерусских текстах¹, единственным источником, в котором он упомянут в контексте, пригодном хоть для какого-то толкования, является «Слово о полку Игореве», хотя упоминание этого языческого бога в начале описания главного, трагического для войск Игоря, сражения большой смысловой нагрузки, видимо, не несет, а является просто элементом расцвечивания повествования с использованием известных автору мифологических сюжетов:

«Се вѣтри, Стрибожи внуци,
вѣють съ моря стрѣлами на храбрыя плѣкы Игоревы!»

В целом роль Стрибога в древнерусских (и славянских) языческих верованиях не ясна. Однако летописец поставил его непосредственно после Дажьбога, который был одним из важнейших богов русичей, покровителем русского народа, названного в «Слове о полку Игореве» «Дажьбожим внуком», и такое положение означает, что сфера влияния Стрибога была значительной. Вряд ли она ограничивалась лишь управлением ветрами. Это отмечали еще Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров: «Относительно связи Стрибога с Дажьбогом и их противопоставления известно немного. Тем не менее, там, где упоминается имя Стрибога в перечислениях богов, оно находится в соседстве с именем Дажьбога... Кроме того, эти два имени бога соотнесены друг с другом как сложные слова с одинаковым вторым компонентом (-богъ)» [Иванов, Топоров 1965: 23].

¹ В статье «Стрибог» в Словаре-справочнике «Слова о полку Игореве» [Виноградова (сост.) 1978: 235] приведены упоминания Стрибога в религиозных антиязыческих текстах XIV–XV и XVII вв.

Хотя в толковании полномочий Стрибога они не пошли дальше довольно лапидарного — «В “Слове о полку Игореве” ветры названы Стрибожьими внуками, которые стрелами веют с моря, что, видимо, указывает на атмосферные функции Стрибога» [Токарев (гл. ред.) 1987: 946; Мелетинский (гл. ред.) 1990: 503]. Поскольку неясно, что имеется в виду под ученым высказыванием «атмосферные функции», то фактически толкователи не сильно продвинулись в сравнении с пояснением, данным первыми издателями «Слова» в подстрочном комментарии: «*Стрибогъ* (Славенский *Эолъ*) кумирь во время язычества въ Киевѣ Боготворимый; ему приписывали власть надъ вѣтрами».

Вследствие недостаточности представлений о функциях Стрибога его толкование, при сохранении за ним функции бога ветров, разными исследователями варьируется от дополняющего Дажьбога в создании благо до противостоящего ему в злобном разрушении [Творогов (отв. ред.) 1995: 68–69].

В «Этимологическом словаре» М. Фасмера [Фасмер 1987: 777] представлено несколько разнородных этимологий происхождения имени этого древнерусского бога, приводящих к «возвышенный бог», «устроитель добра» (от *строить*), «уничтожающий, истребляющий бог», «сеющий бог» (от *простереть*), «бог-отец», «бог войны». Высказывалось также предположение, что оно восходит к санскритскому корню *stri* — *простирать, расширять* и *prastāra* — *простор, простираание, пространство* [Гусева 1970: 335].

Французский лингвист М. Вей предположил, что Стрибог является старшим из славянских богов. При этом он исходил из предпосылки о бытовавшем у древних славян представлении «небо-отец», противопоставляемом «матери-земле». Полагая возможным происхождение первой части имени Стрибог из индоевропейского **ptrī-* (ср. лат. *pater*) и подкрепив свои рассуждения ссылкой на текст, в котором в тандеме с Дажьбогом Стрибог поставлен на первое место, он предложил считать Стрибога богом неба как бога-отца [Вей 1958: 96–99]².

Приняв толкование М. Вей, небесным богом-отцом считал Стрибога Б. А. Рыбаков [Рыбаков 1987: 431]. Со старшинством Стрибога согласен и Ф. С. Капица, полагающий происхождение имени от корня «стри» как в древнерусском «стрый» («старший», «дядя по отцу») [Капица 2006: 101].

На этом фоне разнородных гипотез наиболее близким по смыслу к упоминанию Стрибога в «Слове о полку Игореве» остается мнение первых издателей о нем как славянском Эоле. Насколько оно справедливо? По версии Гомера, Эол — повелитель ветров, царь на острове Эолия, которого

² М. Фасмер, однако, считает этимологию слова, предложенную М. Веем, недостаточно убедительной [Фасмер, там же].

во время своих странствий посетил Одиссей. Прощаясь с Одиссеем, Эол велел попутным ветрам дуть в паруса Одиссея и дал ему на дорогу зашитый кожаный мешок со встречными ветрами, наказав не открывать его. И конечно же, в «Слове» при упоминании ветров как Стрибожьих внуков речь идет в злых ветрах, дующих навстречу полкам Игоря. То же самое видим и в плаче Ярославны:

«О ветер, ветрило! Зачем, господин, сильно веешь? Зачем несешь хиновские стрелы на своих легких крыльях на моего лады воинов?»

Поэтому посыл в сторону древнегреческой мифологии, видимо, правильный³.

Отметим, однако, что власть — это не родословная, а автор «Слова о полку Игореве» определил ветры внуками Стрибога. Между тем в древности родословную богов чтили ничуть не меньше, чем родословную правителей. В древнегреческой мифологии есть бог *Астрей* — *отец* богов ветров. Более известны сыновья последнего: Борей, Зефир, Нот и Эвр — боги ветров (северного, западного, южного и (юго-)восточного). При этом довольно легко просматривается не только общность корневого *-стр*⁴, но и совпадение «колен»: *Астрей* — *отец богов* ветров, а в соответствии с текстом «Слова о полку Игореве» *Стрибог* — *прародитель, дед* ветров. Таким образом, «генеалогическое дерево» выглядит так: старшие богородоначальники Астрей и Стрибог, затем идут их дети, боги ветров (у греков — Зефир, Нод, Борей, Эвр) и потом — их внуки, собственно безымянные ветры. И здесь нужно отметить удивительную точность автора «Слова», определившего ветры как Стрибожьих внуков.

Несмотря на одинаковый семейный род занятий, Астрей и Стрибог сами богами ветров, очевидно, не являются — они старше коленами, они — отцы богов ветров и деды собственно ветров. Так кто же они? Само имя Астрей означает *звездный*. В «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона [Брокгауз, Ефрон (изд.) 1890: 366] говорится: «Астрей (греч. Ἀστράιος) — в греческом предании сын титана Криоса и Эврибии; по Гесиоду, он производил вместе с Эосом (Авророй) ветры — Зефир, Борей, Нот, равно как и Геспер (планета Венера. — В. М.) и другие звезды; у Овидия ветры называются поэтому «Fratres Astraei» (комментаторы поясняют — не братья Астрея, а братья по Астрею как отцу. — В. М.)». А поскольку ночной небосвод со звездами очевидным образом вращается вокруг Земли, то Астрей мог быть не только отцом ветров, олицетворявших движение в земной природе, но и богом движения вообще (мирового).

³ Попытки установления соответствия Стрибога древнегреческим богам предпринимались и ранее [Петр 1904].

⁴ Однокоренными, очевидно, являются немецкое Stern и английский star.

Таким образом, происхождение имен от одного корня и подобие «родословных» дают основание полагать, что Стрибог являлся славянским дубликатом Астрея и богом звездного неба. Отметим даже некоторое совпадение с представлением М. Вея о Стрибоге как боге неба, хотя, конечно, бог Солнца Даждьбог главнее бога звезд. Но когда Хорс-Даждьбог спал, за жизнью на Земле наблюдал ночной бог — Стрибог.

Литература

- Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. (изд.). Энциклопедический словарь. Т. 2. СПб.: Типо-литогр. Ефрона, 1890. 497 с.
- Вей М. К этимологии древнерусского *Стрибогъ* // Вопросы языкознания. 1958. № 3. С. 96–99.
- Виноградова В. Л. (сост.) Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»: в 6 выпусках. Вып. 5. М.–Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. 264 с.
- Гусева Н. Р. К вопросу о значении имен некоторых персонажей славянского язычества // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М.: Наука, 1970. С. 334–339.
- Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М.: Наука, 1965. 245 с.
- Капица Ф. С. Тайны славянских богов. М.: РИПОЛ классик, 2006. 416 с.
- Мелетинский Е. М. (гл. ред.). Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 672 с.
- Петр В. И. Об этимологическом значении слова «Стрибог» в связи с индийским Сарамеем и греческим Гермесом // Изборник Киевский. Киев, 1904. С. 106–118.
- Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. 790 с.
- Творогов О. В. (отв. ред.). Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. Т. 5. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. 398 с.
- Токарев С. А. (гл. ред.). Мифы народов мира: в 2 т. 2-е изд. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1987. 719 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. 2-е изд. Т. 3. М.: Прогресс, 1987. 832 с.

References

- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. In 4 vols. 2nd ed. Vol. 3. Moscow, Progress Publ., 1987. 832 p.
- Guseva N. R. [On the meaning of the names of some characters of Slavic paganism]. *Lichnye imena v proshlom, nastoyashchem, budushchem* [Personal names in the past, present, future]. Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 334–339. (In Russ.)

- Ivanov Viach. Vs., Toporov V. N. *Slavianskie yazykovye modeliruyushchie semioticheskie sistemy* [Slavic language modeling semiotic systems]. Moscow, Nauka Publ., 1965, 245 p.
- Kapitsa F. S. *Tainy slavianskikh bogov* [Secrets of the Slavic gods]. Moscow, RIPOL classic Publ., 2006, 416 p.
- Meletinskii E. M. (ed.). *Mifologicheskii slovar'* [Mythologic dictionary]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1990, 672 p.
- Rybakov B. A. *Yazychestvo Drevnei Rusi* [Paganism of Ancient Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 790 p.
- Tokarev S. A. (ed.). *Mify narodov mira* [Myths of the world]. 2nd ed. Vol. 2. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1987. 719 p.
- Tvorogov O. V. (ed.). *Entsiklopediya "Slova o polku Igoreve"* [Encyclopedia of "The Tale of Igor's Campaign"]. Vol. 5. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1995. 398 p.
- Vey M. [On the etymology of Old Russian *Stribog*]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1958, no. 3, pp. 95–99. (In Russ.)
- Vinogradova V. L. (ed.) *Slovar'-spravochnik "Slova o polku Igoreve"* [Reference book of "The Tale of Igor's Campaign"]. In 6 vols. Vol. 5. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1978. 264 p.

Ключевое понятие «подготовка» в мемуарах К. К. Рокоссовского «Солдатский долг»

Ма Жюе, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург),
ma.jue@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170013905-4

АННОТАЦИЯ: Определяющая черта мемуаров как жанра, который представляет собой рассказ автора об исторических событиях, свидетелем или участником которых он был, состоит в осмыслении этих событий и собственной роли в них. Мир языковой личности автора-повествователя становится доминирующим компонентом в формировании смысла текста. Одной из возможностей его лингвистического изучения является опора на ключевые понятия, которые реализованы лексическими единицами, отражающими мировидение повествователя, проявляющими концептуальную и идиостилевую природу текста. Обращение к военным мемуарам одного из военачальников Великой Отечественной войны маршала К. К. Рокоссовского позволило выявить особую роль — и по продуктивности употребления, и по значимости в качестве базового оценочного средства — слова *подготовка*, которое может рассматриваться в качестве одного из ключевых слов текста и отражает одно из главных направлений деятельности командующего во время войны. Таким образом, интерпретация смысла текста в жанре мемуаров и личности его создателя может быть реализована с помощью рассмотрения важной составляющей в деятельности автора-повествователя, которую он сам вводит в позицию доминанты смысла, реализуя потенциал ключевого понятия, отношение к которому позволяет представить как положительные, так и отрицательные оценки описываемых событий и их участников.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: мемуары, информационная структура текста, языковая личность, ключевое понятие, ключевые слова

для цитирования: Ма Жье. Ключевое понятие «подготовка» в мемуарах К. К. Рокоссовского «Солдатский долг» // Русская речь. 2021. № 1. С. 64–71. DOI: 10.31857/S013161170013905-4.

The Language of Fiction

The Key Concept of “Preparation” in K. K. Rokossovsky’s Memoir “Soldier’s Duty”

Ma Ruye, Saint-Petersburg State University (Russia, Saint-Petersburg), ma.jue@yandex.ru

ABSTRACT: The defining feature of memoirs as a genre is the understanding of the events and the author’s own role in them. The world of the language personality of the author-narrator becomes the dominant component, which forms the meaning of the text. One of the possibilities of its linguistic study is to rely on key concepts, which are implemented by some lexical units, reflecting the worldview of the narrator and showing the conceptual and idiosyncratic nature of the text. Studying military memoirs of Marshal Rokossovsky allowed to reveal a special role of the word *preparation*, which has a high frequency of use and is of a high importance as an evaluation tool. It may be considered one of the key words of the text because it reflects one of the major areas of focus of Rokossovsky during the war. Thus, the meaning of the text in the genre of memoirs and personality of its creator can be interpreted by considering the important components in the activities of the author-narrator. One concept predominates the meaning of their work and becomes one of the key-concepts. From the perspective of this key concept the author evaluates events and their participants as positive or negative.

KEYWORDS: memoirs, information structure of text, language personality, key concept, keywords

FOR CITATION: Ma Ruye. The Key Concept of “Preparation” in K. K. Rokossovsky’s Memoir “Soldier’s Duty”. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2021. No. 1. Pp. 64–71. DOI: 10.31857/S013161170013905-4.

Анализ любого текста с лингвистической точки зрения — это в первую очередь рассмотрение употребленных в нем языковых средств. Важно выявить, какой смысл складывается посредством их употребления, какие установки автора реализуются и как в результате проявляется личность самого автора. Для этого необходимо комплексное изучение текста как единого целого. А слово как неотъемлемая часть текста, являющегося структурно-коммуникативным целым, участвует в организации его сложной семантической структуры, позволяя раскрыть авторскую картину мира.

Особую значимость приобретают слова, выражающие важные для автора понятия. Они характеризуются высокой частотностью употребления, образуют словообразовательное поле, активно используются в конкретизирующих их значение сочетаниях и являются ключевыми при воспроизведении текста или представлении его автора.

Одним из таких ключевых слов в мемуарах маршала К. К. Рокоссовского «Солдатский долг» является *подготовка* — от глагола *готовиться*. В толковом словаре слово *подготовка* имеет значения: 1) действие по глаголам *подготовить-подготавливать-подготавливать*; 2) запас знаний, полученных в процессе обучения чему-нибудь [Ушаков 2014: 466]. Повествовательная линия мемуаров Рокоссовского состоит из эпизодов, представляющих последовательно происходящие военные события. И как можно заметить, каждый эпизод включает рассказ о подготовке к сражению, описание процесса проведения боя и подведение его итога. Очевидно, что подготовка входит в комплекс любого военного действия, но для Рокоссовского подготовленность войска представляет особо важное звено: *Было совершенно ясно, что рассчитывать на успех можно лишь в том случае, если наступательная операция будет тщательно подготовлена и обеспечена необходимыми для этого средствами, конечно, в возможных в то время пределах* (с. 163)¹. Отметим, что содержание этого абзаца почти целиком воспроизводится при ретроспективном обращении к событию:

¹ Здесь и далее цитируется по изд. [Рокоссовский 2015].

Стало совершенно ясно, что рассчитывать на успех можно будет лишь тогда, когда наступательная операция будет тщательно подготовлена и обеспечена необходимыми для этого средствами, конечно, в возможных в то время пределах (с. 212). Важность утверждения, отмеченная повтором, свидетельствует о том, с одной стороны, что для Рокоссовского подготовка к операции имеет первостепенное значение, а с другой стороны, отражает одну из главных особенностей его личности — целенаправленность действий при установке на возможное уменьшение потерь, сохранение солдат. Так, понятие *подготовка* имеет ключевое значение для автора-повествователя, о чем свидетельствует частотность употребления слова *подготовка*, однокоренных глаголов *подготовить*, *подготовиться* и причастия *подготовленный*:

подготовка: 97

подготовить: 15

подготовиться: 16

подготовленный: 31

Для сравнения приводим частотность употребления слов, которые являются первыми ассоциациями с войной в сознании человека, по данным Русского ассоциативного словаря (thesaurus.ru), например: мир — 7; смерть — 7; ужас — 2; горе — 2 и т. д. Высокая частотность употребления слова *подготовка* на фоне перечисленных демонстрирует важность стоящего за ним понятия для автора рассматриваемых мемуаров.

В тексте мемуаров слово *подготовка* сочетается со следующими прилагательными, также отражающими отношение автора к указанному процессу: *достаточный* (2), *тщательный* (2), *всесторонний*, *длительный*, *планомерный*, *серьезный*. То же с наречиями, характеризующими глагол и причастие: *хорошо* (6), *всесторонне* (4), *лучше* (4), *заблаговременно* (2), *заранее* (2), *тщательно* (2), *немедленно*, *получше*, *прекрасно*, *солидно*, *специально*. Кроме этого, весьма важным для характеристики действия является указание на время, что уже отражено в используемых прилагательных и наречиях (*длительный*, *заблаговременно*, *заранее*, *немедленно*), а также в сочетаниях с такими словами, как *время*, *срок*, *ускорить*, например: *Для ее преодоления гитлеровцам потребовались и дополнительные войска и необходимое на подготовку время* (с. 49); *войска еще на подходе, а командование уже выезжает к месту, где предстоит действовать, для уточнения обстановки и получения задачи. Это ускоряет подготовку операции* (с. 183). Проблема времени неоднократно встает при представлении отношений со Ставкой: *Ведь мы имели крайне ограниченные силы, а срок подготовки определялся одной ночью. Мои доводы об отмене этого наступления или о продлении хотя бы срока подготовки к нему остались без внимания* (с. 108).

Будучи ключевым словом, *подготовка* реализует свои словообразовательные возможности. В тексте представлены следующие производные слова:

- артподготовка: 9
- контрподготовка: 1
- переподготовка: 1
- подготовительный: 1

Среди них нужно особо отметить *артподготовку* (артиллерийская подготовка: действия артиллерии для уничтожения или подавления силы противника перед наступлением своих войск) и *контрподготовку* (контр-артиллерийская подготовка: удары для срыва наступления или ослабления силы противника, который изготoвился к наступлению), которые представляют специальную лексику военной сферы.

Слова этого словообразовательного поля наблюдаются на протяжении всего текста и употребляются в разных его компонентах, направленных на проявление личности автора. К ним относятся сведения о том, как он оценивает событие и окружающих людей, а также описание своего психологического состояния.

В исследуемом тексте сообщение о процессе подготовки к операции включается в основное повествование, например: разработка плана операции, перегруппировка, разведка, рекогносцировка на местности, инженерные работы, развертывание командного пункта, установление связи с другими войсками для взаимодействия и т. д. Эти слова и словосочетания образуют лексико-тематическую группу «Подготовка к сражению». Повествование о всесторонней и тщательной подготовке к каждой операции создает одновременно образ автора как опытного, профессионально думающего командующего.

Способ описания событий отличает мемуары от документа. В ходе создания мемуаров как повествования от первого лица автор представляет себя и как описывающего субъекта, и как объект описания [Николина 2002]. Поэтому для мемуаров характерна персонификация повествования, способом включения которой часто оказывается обращение к диалогу:

Выслушав донесение Панфилова, я спросил, что он собирается делать дальше.

— Буду брать город.

— А сил хватит?

— Хватит. Ведь со мной пехота.

Ответ порадовал. Значит, действительно танкисты крепко подружались с бойцами приданной корпусу стрелковой дивизии.

*— Действуйте, — согласился я. — Только получите **подготовьтесь** к штурму (с. 358).*

Очевидно, что для Рокоссовского уровень подготовленности всегда является важным фактором обеспечения успеха военной операции. Он определяет и отношение военачальника как к успехам, так и к просчетам Ставки. Например:

*Успех наших войск в Белорусской операции, на мой взгляд, в значительной мере объясняется тем, что Ставка Верховного Главнокомандования выбрала удачный момент для нанесения удара. Советское командование, в руках которого находилась полностью стратегическая инициатива, сумело всесторонне **подготовить** операцию, обеспечить тесное взаимодействие четырех фронтов (с. 303).*

*Невольно возникал у меня, у многих других вопрос: почему же наше Верховное Главнокомандование, Генеральный штаб, да и командование фронта продолжают бесцельные наступательные операции? <...> Почему же в таком случае мы не используем отвоеванное у врага время для **подготовки** вооруженных сил к предстоящим на лето операциям, а продолжаем изматывать не столько врага, сколько себя в бесперспективном наступлении? Это была грубейшая ошибка Ставки ВГК и Генерального Штаба. <...> Об этом нельзя умалчивать (с. 121).*

Отрицательную оценку автор дает и самому себе, что проявляется в признании собственных ошибок, связанных с игнорированием подготовленности войск: *Возлагая ответственность за неудачные действия армии на ее командование и штаб, не могу снять вины с себя и со своего штаба: поспешно вводя армию в бой, мы поставили ей задачу, не проверив **подготовку** войск, не ознакомившись с их командным составом. Это послужило для меня уроком на будущее (с. 223).*

Наконец, от **подготовки** зависит и психологическое состояние автора, его собственное настроение, например:

*Мы осмотрели рубеж, который еще недавно занимал противник, отошедший к городу. Воочию убедились, сколь сильными были эти позиции. На огромном пространстве вдоль оборонительного рубежа стояли подбитые и сожженные танки — печальный результат поспешных, с ходу, контратак, в которые бросались по частям наши войска в период выхода немцев к Волге. Нет, так наступать мы не будем! Надо **подготовиться** как следует (с. 188).*

Поражение из-за поспешных действий заставляет сдержанного автора-командующего эксплицитно выражать свою печаль и проявлять решительность в отношении последующих действий.

Выше было отмечено два значения слова **подготовка**: первое — ‘действие по глаголам **подготовить**-**подготавливать**-**подготавливать**’ — ориентировано

на сообщение об условиях достижения успеха в процессе самого действия, второе — ‘запас знаний, полученных в процессе обучения чему-нибудь’ — связывает успех с квалификацией участников. Это значение также реализовано в тексте:

*Командарм Н. П. Пухов — энергичный и предприимчивый генерал, обладающий хорошей военной **подготовкой** и богатым практическим опытом (с. 152). Замечательным, всесторонне **подготовленным** политическим работником и хорошим товарищем оказался Галаджев (с. 165).*

Таким образом, участвуя в организации информационной структуры текста, *подготовка* приобретает оценочное значение, определяя способности как окружения, так и самого автора-повествователя.

Проведенный анализ позволяет считать все языковые способы выражения понятия *подготовка* ключевыми словами, которые участвуют в организации информационной структуры текста, сосредоточивая внимание на одной из важнейших стратегических установок поведения автора-повествователя и руководя смысловым восприятием текста читателем, его интерпретационной деятельностью. Таким образом реализуется убежденность автора мемуаров в абсолютной ценности отмеченной составляющей в деятельности командира, что звучит как один из важнейших выводов военного опыта: *всякая военная операция должна основываться на всестороннем и тщательном подсчете сил, средств и возможностей, как своих, так и противника. <...> **Об этом нужно говорить, потому что это необходимо для воспитания будущих полководцев и начальников крупных штабов*** [выделено мной. — Ма Ж.] (с. 125).

Все сказанное свидетельствует о значимости в жанре военных мемуаров не только повествования о событиях их участником, но и включения размышлений и оценок автора как важнейших составляющих опыта войны, что находит выражение в том числе в использовании ключевых слов — *средстве*, не только организующем повествование, но и фокусирующем внимание на смысловых доминантах текста.

Литература

- Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы. М.: Флинта: Наука, 2002. 422 с.
- Роковосовский К. К. Солдатский долг. М.: Вече, 2015. 400 с.
- Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 12.08.2020).
- Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 800 с.

References

Nikolina N. A. *Poetika russkoi avtobiograficheskoi prozy* [Poetics of Russian autobiographical prose]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2002. 422 p.

Rokossovskii K. K. *Soldatskii dolg* [Soldier's duty]. Moscow, Veche Publ., 2015. 400 p.

Russkii assotsiativnyi slovar' [Russian associative dictionary]. Available at: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php> (accessed 12.08.2020).

Ushakov D. N. *Tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Adelant Publ., 2014. 800 p.

Гастрономическая лексика в компаративных конструкциях современной русской прозы

Наталья Анатольевна Николина, Московский педагогический государственный университет
(Россия, Москва), ruskafedra314@gmail.com

Зоя Юрьевна Петрова, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва),
zoyap@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170013907-6

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются метафоры и сравнения, включающие кулинарную лексику и использующиеся в современной художественной речи. Цель работы — рассмотрение функционирования компаративных конструкций, которые содержат названия еды и напитков и последовательно употребляются в современной русской прозе. В статье выделены основные тематические группы лексики, которые регулярно используются для образной характеристики различных объектов; показано, что наиболее объемными и частотными по употреблению являются названия мучных изделий, молочных продуктов и каш. Параллельно анализируются предметы сравнения, среди которых наиболее частотны единицы, связанные с изображением человека, его внешности, внутренних состояний, качеств, движений и поведения. Отмечается тенденция к конкретизации и детализации наименований еды и напитков в составе компаративных конструкций, что проявляется в регулярном использовании видовых наименований и уточняющих определений разных типов. Показано, что гастрономические компаративные конструкции выполняют в современной художественной речи ряд функций: характерологическую, оценочную и текстообразующую. Делается вывод, что в современной русской прозе представлены как традиционные метафоры и сравнения рассматриваемых групп, так и их индивидуально-авторские преобразования и новые, оригинальные тропы.

Н. А. Николина, З. Ю. Петрова. Гастрономическая лексика в компаративных конструкциях современной русской прозы
N. A. Nikolina, Z. Yu. Petrova. Gastronomic Vocabulary in Comparative Constructions of Modern Russian Prose

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: компаративная конструкция, метафора, сравнение, кулинарная лексика, современная русская проза, оценочная функция, текстообразующая функция

для цитирования: Николина Н. А., Петрова З. Ю. Гастрономическая лексика в компаративных конструкциях современной русской прозы // Русская речь. 2021. № 1. С. 72–83. DOI: 10.31857/S013161170013907-6.

благодарности: Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 19-512-23004 «Метафорическая картина мира современной русской и венгерской прозы конца XX — начала XXI в. (сопоставительный анализ)».

The Language of Fiction

Gastronomic Vocabulary in Comparative Constructions of Modern Russian Prose

Natalia A. Nikolina, Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow),

ruskafedra314@gmail.com

Zoya Yu. Petrova, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)

(Russia, Moscow), zoyap@mail.ru

ABSTRACT: The article discusses metaphors and similes that include culinary vocabulary and are used in modern literary texts. The purpose of this work is to examine the functioning of comparative constructions, including images of food and drinks, in modern Russian prose. The article suggests thematic groups of the images, which are often used to characterize various objects. The results show that the most voluminous and frequent in use are names of flour products, dairy products and cereals. The article analyses the objects of comparison, among which the most frequent are the units associated with the image of a person, his/her appearance, emotions and behavior. There is a tendency to specify and detail the images of food and drinks in the composition of comparative structures, which is manifested in the regular use of specific names and qualifying definitions. It is shown that gastronomic comparative constructions perform various functions in

modern literary texts: a characterological function, an evaluative function and a text-forming one. It is concluded that modern Russian prose presents both traditional metaphors and similes of the groups under consideration, as well as their individual author transformations and new, original tropes.

KEYWORDS: comparative construction, metaphor, simile, culinary vocabulary, modern Russian prose, evaluative function, text-forming function

FOR CITATION: Nikolina N. A., Petrova Z. Yu. Gastronomic Vocabulary in Comparative Constructions of Modern Russian Prose. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2021. No. 1. Pp. 72–83. DOI: 10.31857/S013161170013907-6.

ACKNOWLEDGEMENTS: This research is supported by a grant from Russian Foundation for Basic Research, project 19-512-23004 “Metaphorical world image of modern Russian and Hungarian prose of the late XX — early XXI century (comparative analysis)”.

Современная русская проза характеризуется интенсивным использованием компаративных конструкций. Они представлены метафорами (генитивными метафорами, метафорами-загадками, метафорическими перифразами, конструкциями идентификации и др.) и сравнениями разных типов (сравнительными оборотами с союзами *как*, *словно*, *будто* и др., конструкциями со словами *походить*, *похож*, *напоминать* и др., придаточными сравнительными, творительным сравнения). Наиболее часто в составе компаративных конструкций в качестве образов сравнения выступают зоонимы. Зоонимы как средство образной характеристики в художественных произведениях конца XX — начала XXI в. рассматривались в ряде работ [Петрова 2020; Рыжкина, Чакыроглу 2009 и др.]. Кроме зоонимов, в современной художественной прозе регулярно используется лексика следующих тематических групп: «Предметы повседневного быта», «Транспорт», «Еда», «Болезни», «Природные стихии», а также антропоморфные образы. Эти образные соответствия, в частности компаративные конструкции, включающие названия еды и напитков, изучены в современной прозе значительно меньше. Пищевой метафоре в русском языке посвящен «Словарь русской пищевой метафоры» под редакцией Е. А. Юриной, который носит «антропологический и культуроцентрический характер. Он демонстрирует стоящие за образным словом глубинные концептуальные структуры, определяющие мышление языковой личности; отражает широкий спектр энциклопедических знаний и сведений, обуславливающих

языковую семантику и погружающих ее в более широкий семиотический контекст культур» [Юрина (ред.) 2015: 5–6]. «Гастрометафоры» в современном русском языке в основном рассматривались на материале языка СМИ. Так, в статье А. С. Бойчук отмечается, что «гастрометафоры представляют собой одну из наиболее динамично развивающихся метафор русского языка» [Бойчук 2010: 77]. Метафоры и сравнения с пищевой лексикой анализировались также в сопоставительном аспекте [Маркова, Эйсаи 2018]. Особое внимание им было уделено в современном политическом дискурсе [Вепрева, Мустайоки, Магсар 2019]. Между тем актуальным представляется анализ гастрономических метафор и сравнений в современной русской художественной речи.

Цель данной статьи — рассмотреть функционирование компаративных конструкций, включающих кулинарную лексику, в текстах современной русской прозы. Материалом для анализа служат контексты, извлеченные из произведений А. Иванова, О. Славниковой, М. Степновой, А. Матвеевой, Д. Рубиной, Л. Улицкой и др., а также из Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

Пищевая лексика широко представлена в компаративных конструкциях. Наиболее часто в современных прозаических текстах встречаются лексемы *блин, колобок, каша, молоко*: *Размазывая ботинками сырую кашу облетевшей черемухи, Крылов проскочил привокзальный сквер* (О. Славникова. 2017); *Жаркий полдень в то лето сквозь крону платана каждый день выпекал на железной крыше солнечные блины* (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы); *Из туч вывалилась луна колобком, ясная, полная* (А. Азольский. Лопушок); *За окном стояло влажное предрассветное молоко* (М. Степнова. Женщины Лазаря). Таким образом, в современной прозе востребованы прежде всего образы еды, значимые для русской языковой картины мира и имеющие высокий ассоциативный потенциал.

В общем массиве «пищевой» лексики, которая используется в компаративных конструкциях, выделяются единицы следующих основных тематических групп:

1. Названия мучных изделий — **блин, калач, кулич, оладья, хлеб, плюшка, баранка, пончик, пирожное, торт, кекс** и др.: *Был он [Эдди] мастером по прическам, довольно умелым, хотя и без особой фантазии. Жювиальный **пончик** такой — хохмач, балагур, заводной заяц* (Д. Рубина. Бабий ветер); *Берта Петровна <...>, некогда пышная красавица, а ныне бодрая и лишь слегка подсохшая, как **финский хлебец**, старушка* (А. Матвеева. Есть!);
2. Названия молочных продуктов — **молоко, сливки, масло, сметана, творог**: *Сливки с медом — эта Лара* (Е. Посвятовская. Важенка); *Верочка оказалась вся рыхловато-белая, будто **сметана** с сахаром* (О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки);

3. Названия каш — **каша, манная каша, овсяная каша, овсянка** и др.: *Створожившаяся каша* слов обрела вдруг болезненную внятность (М. Кучерская. Тетя Мотя);

4. Названия яиц и изделий из них — **яйцо, яичница, глазунья, омлет, белок, желток**: *Неподвижная вода в шурфе казалась вогнутым блюдом, на котором блик дневного света с жидкими пятнами от человеческих голов плавал, будто два разбитых на яичницу яйца* (О. Славникова. 2017); Оно [солнце] уже **красным желтком** растеклось по горизонту (Ш. Идиатулин. Убыр);

5. Названия мясных продуктов и блюд — **мясо, колбаса, сосиска, пельмень**: *Губы как рана. Щеки как колбаса. Серьги — слезы. Она топталась в лужице, что натекла с ее обуви, и злилась* (М. Петросян. Дом, в котором...); *Продавищица, тощая, как венская сосиска, женщина неопределяемого даже под пыткой возраста...* (М. Бару. «Не пишется проза, не пишется»);

6. Названия закусок — **салат, винегрет, студень** и др.: *Да и что я бы могла сегодня приготовить? Салат из разбитого сердца?* (А. Матвеева. Есть!); — *Лучше резать правдой по живому, сердце напополам, на четвертинки, на восьмушки...* *Крошит душу на винегрет...* (М. Гиголашвили. Экобаба и дикарь); *При ходьбе ее тело так аппетитно дрожало, что женщина больше напоминала отменный студень* (Е. Сухов. Делу конец — сроку начало);

7. Названия сладостей — **сахар, мед, конфета, леденец, варенье**: *Улица блестела — мокрая и черная, как облизанный лакричный леденец* (М. Степнова. Женщины Лазаря);

8. Названия супов: **суп, окрошка, щи, борщ**: *...мозги жидкие, как вокзальные щи* (Ю. Давыдов. Синие тюльпаны);

9. Названия напитков: **кисель, самогон, сивуха** и др.: *В Москве двадцать девятого года было сытно, лениво, и только на рассвете, который медленным бледным киселем заливал окна, чувствовалась какая-то неясная, будущая тревога* (М. Степнова. Женщины Лазаря); *Смотришь, в глазах близорукость плавает, как самогон мутная, и на самом дне подлость...* (М. Елизаров. Pasternak).

Как показывает проанализированный материал, в количественном отношении наиболее объемной группой является первая группа. Второе место по частотности занимают компаративные конструкции с названиями молочных продуктов, третье место — конструкции, включающие виды каш.

Для современной прозы характерна тенденция к уточнению и конкретизации отмеченных номинаций. Это отражается в широком использовании видовых обозначений и уточняющих определений. Так, помимо лексемы *каша* в компаративных конструкциях встречаются обозначения

разных ее видов — **овсяная каша**: Деменция. *Говоря по-русски — процесс превращения мозгов в овсяную кашу* (А. Волос. Недвижимость); **манная каша**: *И какая разница, если дни плетутся и тянутся, как манная каша* (И. Халыпина. Карниз Европы); **пшенная каша**: *Через окна сияет солнце — в его лучах воздух, как пшенная каша* (Ю. Петкевич. Бессонница); **гречневая каша**: *Ему захотелось чего-то здорового и простого, как гречневая каша, старой компании и новых анекдотов, например* (Д. Симонова. Сорванная слива); **перловая каша**: *А я вот чувствую, что у меня в голове совершенно сырая перловая каша, которая никак не сварится* (А. Маринина. Не мешайте палачу).

Исходный образ модифицируют разнообразные определения. Так, образ сравнения блин в метафорах и сравнениях встречается в современных прозаических текстах со следующими определениями — **надорванный маслянистый**: *ночь еще не минула, хотя надорванный маслянистый блин месяца уже зацепился за купола Успенского собора* (А. Пашкевич. Сим победы); **в застылом масле**: *Луна лежала на месте, не шевелясь, — плоская и жирноватая, как блин в застылом масле* (З. Прилепин. Лес); **непропеченный**: *Луна в черном небе висела надо мной непропеченным блином* (В. Токарева. Центровка); **загибающийся по краям трехдневный**: *По ее монголоидному лицу, похожему на загибающийся по краям трехдневный блин из столовой, нельзя было ничего сказать о ее возрасте* (В. Пелевин. Бубен Верхнего Мира).

Наряду с компаративными конструкциями, непосредственно содержащими названия еды и напитков, в современной прозе представлены предикатные метафоры, связанные с обозначениями процессов приготовления пищи: *Ветер густо и сладко пах оранжевыми, будто испеченными до готовности, листьями* (С. Сачкова. Люди и птицы). Предикатные метафоры дополняют используемые в тексте компаративные конструкции: *Воспитывал отец, начиная его, как рождественского гуся, тем, что сам считал разумным и съедобным* (М. Степнова. Безбожный переулочек); — *Холодно? — испуганно прошептал Лужбин, ощутив под ладонями быстрые твердые Лидочкины мурашки, и на миг перестал тискать и вымешивать ее, словно вынутое из ледника тесто* (М. Степнова. Женщины Лазаря); *...и в ней самой начинало бродить, как квас, необъяснимое чувство, нечто между сладко, больно и завидно...* (Д. Симонова. Настройщик).

Метафоры и сравнения, включающие пищевую лексику, характеризуют как человека, так и реалии окружающего мира. В современной прозе преобладают компаративные конструкции, связанные с образным представлением частей тела и деталей внешности персонажей. Особенно часто характеризуется **лицо** человека: *Кирилл подумал, что лицо лысого толстячка похоже на колобок, не слишком старательно скрывающий в себе*

взведенный стальной капкан (М. Веллер. Белый ослик); Жрец представал так, будто только что исторгнут из парного отделения, где усердно парил-ся: лицо напоминает **слепок из бело-розового зефира** — так расцвечено оно пятнами (П. Кожевников. Жрец); ...ну, пришел какой-то знакомый к Царевым, помешал им играть в снежки, скучный, серый дядька с невыразительным лицом. Словно **вареная картофелина** (М. Степнова. Женщины Лазаря); **глаза**: не было никакой возможности удержаться глазами на ее лице: глаза мои, как теплое **сливочное масло**, сразу начинали соскальзывать вниз и расплзаться в стороны (З. Прилепин. Верочка); Лидочка нахмурилась на долю секунды, но тут же узнала эти серые глаза в окоеме густых ресниц — колодцы терпкой, густой **браги** (Д. Филиппов. Галерная улица).

Реже используются компаративные конструкции с кулинарной лексикой для образной характеристики **губ, ушей, рук**: ...губы ее — теплые, гладкие, яркие, как **барбарисные леденцы**... (М. Степнова. Женщины Лазаря); Гуманоиды тоже улыбнулись вице-премьеру сухими тонкими губами, похожими на **колбасные шкурки** (О. Славникова. 2017); Уши-пельмени, сбитый нос, неандертальский лоб (Ю. Яковлева. Каннибалы); — Тема есть к тебе, урод, — тихо проговорил Крылов в его горячее, будто **ватрушка с повидлом**, нечистое ухо (О. Славникова. 2017); Он отчего-то заржал, хлопая себя по ляжкам твердыми **блинами** ладоней (Е. Прошкин. Механика вечности).

Посредством компаративных конструкций, включающих названия еды, в современной русской прозе регулярно характеризуется и человек в целом; при этом детализируются не только особенности его внешности, но и движения: Что происходит? — по лестнице **колобком** скатился Смирнов (Д. Корецкий. Менты не ангелы, но...); психофизические и эмоциональные состояния: ...Соломин уже погрузился в сон желания, густой как **мед** (А. Иличевский. Анархисты); Липкая дремота, похожая на **манную кашу**, которой их пичкали в детском саду, залила его мысли, залепила душу (Н. Ключарева. Тихий ужас); Зачерпнул я, читайте, **сивухи** страстей человеческих... (С. Соколов. Между собакой и волком).

Интересно, что при образной характеристике женщины преобладает кулинарная лексика с семантическим компонентом ‘сладкий’, например, встречаются сравнения с **пирожным, тортом, курагой, ромовой бабой, зефиром, конфетами** и т. п.: Докторша была похожа на **пирожное беже** — круглая, белая и словно склеенная из двух сахаристо хрустящих легких половинок (М. Степнова. Женщины Лазаря); Хорошенькая, румяная продавщица, сама похожая на горячую, сочную, обливную **ромовую бабу**, оттопырив толстенький мизинец, ловко укладывала пирожные в большую коробку (М. Степнова. Женщины Лазаря); Судя по запаху, она вся состояла из коньяка и бисквита. **Торт**, а не девушка (Слава Сэ. Ева); Кофе оказался приторным и слабым, будто детская микстура, женщина — сладкой

и вязкой, будто **курага** (О. Славникова. 2017); Рядом со мной стоит девушка лет двадцати. Воздушная и прекрасная, как **зефир** «Шармэль» (М. Бару. Записки понаехавшего). Полные женщины традиционно сравниваются со сладкими, пышными хлебными изделиями (булка, пышка, пампушка, плюшка и др.).

Компаративные конструкции, включающие обозначения еды и напитков, в современной прозе часто используются при описании природы и природных объектов. Доминируют в этой сфере описания снега, тумана, солнца и луны: ...*Катерине Ивановне вспоминалась мутная равнина с меловыми дымами на горизонте, **яичница** жареного снега на крышах гаражей* (О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки); *Снаружи был туман, густой, как **сметана*** (А. Лазарчук. Все, способные держать оружие...); *Солнце, вкатившись горячим **колобком** на крыши закаменских деревянных домов, выглядывало из-за дымящихся труб* (В. Астафьев. Прокляты и убиты). Для компаративных конструкций этой группы характерно последовательное использование общезыковых метафор и сравнений: **снег — каша, туман — молоко, луна — блин**. В то же время в современной прозе встречается ряд оригинальных индивидуально-авторских образов, например, в романе О. Славниковой «2017» традиционная образная параллель **снег — каша** преобразуется и обновляется: *знаменитые рифейские дожди со снегом — холодная **овсянка на воде**, на вкус отдающая углем*.

Обозначения созданных человеком предметов становятся предметами сравнения компаративных конструкций с образами сравнения семантического поля «Еда» сравнительно редко; самые распространенные из них — обозначения строений, например, **церкви — куличи**: *Мелькали таверны, пансионы, сдобные византийские церкви, похожие на пасхальные **куличи*** (Д. Рубина. Медная шкатулка); *дома — **рафинадные кубики***: *Справа вздымались горы, слева — после разлета дорожного серпантина, виноградников, заросших обрывов, **рафинадных кубиков** домов отдыха — разливалось в солнечном блеске море* (А. Иличевский. Ай-Петри); *здание — **торт***: *Здание городской Думы — гигантский кремовый **торт**, белый с салатным* (А. Старобинец. Семья).

При характеристике явлений природы, предметов, внешности человека уподобление в компаративных конструкциях происходит по физическим признакам (цвет, форма, консистенция, тактильные свойства и пр., причем часто в одном контексте сочетаются несколько признаков сходства), среди которых надо отметить как один из основных признак цвета, который является основанием сравнения и в широко распространенных конструкциях типа *белый, как молоко* (туман, снег, лицо и т. д.), и в более редких контекстах, где используются в качестве носителей цветового признака ранее не употреблявшиеся в языке прозы обозначения, например, для

выражения признака 'красный цвет' — названия таких блюд и продуктов, как **борщ**: *Важный человек, — сказал он про генерала и надул щеки, показывая, как тот осматривал квартиру. — Совершенно невежественный, но со здравым смыслом. Правда, без юмора. Красный, как вот этот борщ* (И. Муравьева. Мещанин во дворянстве); **Багровый закат**, стоявший вокруг какой-то сытной гуцей, походил на **борщ** (О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки); **карпаччо**: *Девчонки хихикали, Палач была красной, как карпаччо, — словно это она сварила такую мерзость* (А. Матвеева. Есть!); **копченая колбаса**: *...устраивали международные (с участием меланхоличных финнов) соревнования по скоростному лазанию на красные, как палки копченой колбасы, рифейские сосны* (О. Славникова. 2017).

Среди невещественных сущностей, которые в целом реже сравниваются с едой и напитками, чем вещественные, надо отметить явления внутреннего мира человека, о которых говорилось выше, а также абстрактные понятия: **ложь**, **время** и др.: *А что подделаешь, ложь как водка, ложь как сладость, чем чаще пробуешь, тем охота больше* (Е. Некрасова. Ложь-молодежь. Повести-близнецы); *Фарфоровская... Место не жизни, но пребывания для потерявшихся в действительности, для перешедших точку невозврата, — пусть до дна пьют горькую брагу* человеческой серости (Д. Филиппов. Галерная улица); *Непременно надо писать даты. А то время совершенно как каша* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).

Состав гастрономической лексики, использующейся в компаративных конструкциях современной прозы, по сравнению с предшествующими периодами расширяется. В качестве образов сравнения используются новые, не встречавшиеся ранее в компаративных конструкциях, единицы, например, **круассан**, **бешамель**, **карпаччо**, **вареные креветки**, **хотдог**: *— Хорошенький, — согласился Синичкин и еще раз оглядел мальчишку, голого, сучащего мокрыми ногами, толстыми и похожими на круассаны* (Д. Липскеров. Последний сон разума); **бешамель**: *Розовые щеки и пышные, белые, с едва заметной желтизной — один к одному, правильный бешамель — волосы* (А. Матвеева. Есть!); *Мордашка как пресная булка. Крупные губы грустят, как сосиска. Похож на хотдог* (С. Шаргунов. Ура!).

Кулинарная лексика в современной прозе выступает не только в роли образов сравнения компаративных конструкций, но может служить и предметом сравнения. Например: *А! Чуть не пропустила: закуска из фасоли. Проста, прямо и грубовата, как римский легионер*; *Форшмак — ну куда без него. Он был весьма популярен, и не стоит его относить к разряду деликатесов еврейской кухни. Он тоже прост, но иначе: прост и сердит, как трамвайный контролер*, ибо секрет его — в САМОЙ дешевой, демократической селедке (Д. Рубина. Бабий ветер); *Тонко нарезанные шампиньоны — будто ионические капители. <...> Грибы-лисички — золотисто-розовые,*

как **волосы тичиановских женщин**; *Борщ у Аллочки — пылающий и жаркий, как **оголенное сердце*** (А. Матвеева. Есть!).

В современной прозе наблюдается взаимодействие компаративных конструкций разных типов. Взаимодействие может проявляться как в формальном, так и в семантическом аспекте. В формальном аспекте — это варьирование конструкций. Так, сравнение может сменяться метафорой (это явление в литературе более раннего периода описано Н. А. Кожевниковой [2009]): *И все эти мерзости... обиды, все эти крики и ругань заполнили дом, бурлили, как **суп** на слабом огне. <...> Он [Яков] изменился. Вырванный из привычной среды, вынутый из **супа**, он снял с себя детство. <...> Ей [Марте] тоже хотелось уехать, уйти, выплыть из **супа**, вскарабкаться по обжигающим бортам кастрюли* (А. Козлова. Рюрик).

В семантическом аспекте наблюдается развертывание тропа во взаимодействии с другими компаративными конструкциями того же поля. Так, в романе А. Иванова «Золото бунта» описание природы строится на основе образов, отражающих приготовление пасхальных куличей, при этом традиционные образные параллели (**солнце — яйцо, туман — молоко**) обновляются автором: *Ветер... разбивал сырое **яйцо солнца**, лил скисшее **молоко** холодных **туманов**. <...> А наутро в небе горделиво плыли пухлобокие пасхальные **куличи облаков**.*

Рассматриваемые компаративные конструкции выполняют в тексте различные функции, прежде всего характерологическую и оценочную. См., например: *Лицо Эвелины побледнело, по шее пошли красные пятна. <...> — А ты правда похожа на **колбасу**, — тонкоголосо засмеялся Поп. — На бешеную **колбасу*** (В. Месяц. Лечение электричеством); *Однажды ко мне на ошип явилась пожилая американка, **вобла сушеная*** (Д. Рубина. Бабий ветер).

В ряде случаев компаративные конструкции, включающие названия еды, могут выполнять и текстообразующую функцию. Эта функция, например, характерна для романа Анны Матвеевой «Есть!», где взаимодействует с сюжетообразующей функцией. В этом произведении образные наименования еды выступают как ключевые слова текста, последовательно используются для характеристики различных реалий и персонажей: *Мать Пушкина вспыхнула от удовольствия и внезапно стала похожа на себя в юности — пылкую румяную девушку, выварившуюся нынче в унылую, точно **постные щи**, домохозяйку; Аркаша отскакивал в сторону и удачно сталкивался носом к носу с веселой толстухой Марой — она шла навстречу, протягивая короткие **колбасные** ручки; Кот успокоился и снова спит, свернувшись пушистым **рулетом**; Сестра Юли, для которой он составил многоярусную, как **торт**, поздравительную инсценировку, не имела права вести себя так по-сволочному; В желтых, как **сыр**, окнах текла благополучная вечерняя жизнь.*

Компаративные конструкции, включающие гастрономическую лексику, связаны с двумя основными темами романа: кулинарией и литературным творчеством. При этом наблюдается взаимодействие образов, развивающих обе эти темы. См., например: *Литературное творчество... как две капли походит на кулинарное: если роман **не пропекся или подгорел, если получился невкусным** и уродливым, надо избавиться от последствий, поставив книжку корешком к стене; Тем, кто работает с живым словом, подкинь тему, и они бросятся **обсасывать** ее со всех сторон, как П. Н. куриную косточку, до состояния раздетой сущности. Косточка превращается в крохотную рогатку, которой смог бы играть разве что гномик, а тема, напротив, обрастает весом лишних слов; Владимир считал, что издательства к нему придираются, и снова был не прав. Он упорно собирал материал для романа. — **Много героев в романе**, — однажды сказала ему Евгения, — **это как много ингредиентов в деликатесном блюде**: одно обязательно выскочит вперед и начнет исполнять танец с одеялами, перетянутыми на себя!*

Таким образом, для современной русской прозы характерно интенсивное использование компаративных конструкций, содержащих гастрономическую лексику. В ней представлены как традиционные метафоры и сравнения, так и индивидуально-авторские их преобразования. Компаративные конструкции, включающие названия еды и напитков, в современной художественной речи охватывают различные сферы изображения, при этом наиболее частотны при образной характеристике человека, его внешности, движений, психофизических и эмоциональных состояний. Современную прозу отличает тенденция к конкретизации гастрономических образов, что выражается в употреблении видовых наименований продуктов и блюд, а также в регулярном использовании уточняющих определений разных типов.

Источники

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

Литература

- Бойчук А. С. Гастрономическая метафора в современном русском языке // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. Серия «Филологические науки». 2010. № 7 (61). С. 75–79.
- Вепрева И. Т., Мустайоки А., Магсар Ц. Что варят на политической кухне: аксиологический потенциал кулинарно-гастрономической метафоры в публицистическом дискурсе // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2019. Т. 21. № 2 (187). С. 241–257.

- Кожевникова Н. А. Об обратимости тропов // Н. А. Кожевникова. Избранные работы по языку художественной литературы. М.: Знак, 2009. С. 439–447.
- Маркова Е. М., Эйсаби Б. М. Внешность человека сквозь кулинарную метафору в русском и арабском языках // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Серия: Лингвистика. 2018. № 3. С. 193–204.
- Петрова З. Ю. Зооморфные метафоры и сравнения в современной русской прозе // Slavica 49. Debrecen University Press, 2020, pp. 50–66.
- Рыжкина О. А., Чакыроглу С. Исследование зоонимических метафор в русской и турецкой лингвокультурах (предварительные данные) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. Т. 7. Вып. 2. С. 18–26.
- Юрина Е. А. (ред.). Словарь русской пищевой метафоры. Т. 1 / сост. А. В. Боровкова, М. В. Грекова, Н. А. Живаго, Е. А. Юрина. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2015. 428 с.

References

- Boichuk A. S. [Gastronomic metaphor in modern Russian]. *Izvestiya Volgogradskogo gos. ped. un-ta. Seriya "Filologicheskie nauki"*, 2010, no. 7 (61), pp. 75–79. (In Russ.)
- Kozhevnikova N. A. [On the reversibility of tropes]. N. A. Kozhevnikova. *Izbrannye raboty po yazyku khudozhestvennoi literatury* [Selected works on the language of literature]. Moscow, Znak Publ., 2009, pp. 439–447. (In Russ.)
- Markova E. M., Eisavi B. M. [Human appearance through a culinary metaphor in Russian and Arabic]. *Vestnik Moskovskogo gos. obl. un-ta. Seriya: Lingvistika*, 2018, no. 3, pp. 193–204. (In Russ.)
- Petrova Z. Yu. [Zoomorphic metaphors and similes in modern Russian prose]. *Slavica* 49. Debrecen University Press, 2020, pp. 50–66. (In Russ.)
- Ryzhkina O. A., Chakyroglu S. [A study of zoonymic metaphors in Russian and Turkish linguistic cultures (preliminary data)]. *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2009, vol. 7, no. 2, pp. 18–26. (In Russ.)
- Vepreva I. T., Mustaioki A., Magsar Ts. [What is cooked in the political kitchen: the axiological potential of the culinary-gastronomic metaphor in publicistic discourse]. *Izvestiya UrFU. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*, 2019, vol. 21, no. 2 (187), pp. 241–257.
- Yurina E. A. (ed.). *Slovar' russkoi pishchevoi metafory* [A dictionary of the Russian food metaphor], vol. 1 / comp. by A. V. Borovkova, M. V. Grekova, N. A. Zhivago, E. A. Yurina. Tomsk: Tomsk State Univ. Publ., 2015. 428 p.

Ипполит Богданович как придворный переводчик Екатерины II: Эпизод из его биографии периода «Лиры» (1773)

Михаил Юрьевич Осокин, Информационное агентство «Фергана» (Россия, Москва),
mike.osokin@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170013908-7

АННОТАЦИЯ: В статье публикуется челобитная Ипполита Богдановича императрице Екатерине 1773 г., где поэт напоминает о своем усердии к службе и просит помочь ему погасить трехтысячный долг. Моральное право на такую просьбу давала работа над переводами посвященных Екатерине стихов итальянского врача Микеланджело Джиганетти и французского просветителя Ж.-Ф. Мармонталя, из которых последний был прямо инспирирован императорским двором. Стихотворение Мармонталя в переложении Богдановича сокращено вдвое и отредактировано так, что критика самодержавия превратилась в сетование на отсутствие «вольности» искусств, которое тут же было еще и обезврежено примечанием переводчика. Кроме того, сочинение опубликовано в сборнике «Лиры» (1773) в панегирическом контексте — в одном ряду с переводами комплиментарных стихов Екатерине Вольтера и Джиганетти, вовсе, кажется, лишенного просветительских притязаний поучать государей. Полученная после этого тысяча рублей была, как представляется, своего рода жалованием за выполненную работу. Эта коллаборация позволяет пересмотреть сложившийся у отечественных историков литературы взгляд на творческую эволюцию Богдановича

как историю компромиссов «латентного оппозиционера» с «затаенной вольностью убеждений» из кружка графа Никиты Панина.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: И. Ф. Богданович, биография, перевод, М. Джанетти, Ж.-Ф. Мармонтель, Екатерина II

для цитирования: Осокин М. Ю. Ипполит Богданович как придворный переводчик Екатерины II: Эпизод из его биографии периода «Лиры» (1773) // Русская речь. 2021. № 1. С. 84–94. DOI: 10.31857/S013161170013908-7.

The Language of Fiction

Ippolit Bogdanovič, a Court Translator of Catherine II: An Episode from His Biography of “The Lyre” Period (1773)

Mikhail Yu. Osokin, News agency “Fergana” (Russia, Moscow), mike.osokin@gmail.com

ABSTRACT: The article includes Ippolit Bogdanovič’s humble petition of 1773 to the Empress Catherine II, where the poet reminds about his diligent services and asks to help him with clearing his 3000 ruble debt. His translations of poems devoted to Catherine II by Michelangiolo Gianetti and by Jean-François Marmontel (the latter poem was inspired directly by the Imperial Court) gave him the moral right for this request. Bogdanovič shortened Marmontel’s poem by half and edited what was left. The autocracy criticism was transformed into lamentations on the lack of artistic freedom, which, in turn, was mitigated by the translator’s note. Moreover, the text was placed in panegyric context in Bogdanovič’s collection of poems “Lira” (1773) along the line with the translations of eulogistic poems to Catherine The Great by Voltaire and Michelangiolo Gianetti, an Italian doctor who did not seem to have any wish to lecture monarchs. 1000 rubles, which Bogdanovič had received, can be seen as a payment for this job. This collaboration allows us to revise the prevailing outlook on Bogdanovič’s creative evolution

as a history of compromises of “latent oppositionist” with a “secret liberty of beliefs” from the circle of the Count Nikita Panin.

KEYWORDS: I. F. Bogdanovič, biography, translation, M. Gianetti, J.-F. Marmon-tel, Catherine II

FOR CITATION: Osokin M. Yu. Ippolit Bogdanovič, a Court Translator of Catherine II: An Episode from His Biography of “The Lyre” Period (1773). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2021. No. 1. Pp. 84–94. DOI: 10.31857/S013161170013908-7.

В единственной диссертации, специально посвященной И. Ф. Богдановичу, — ее написала в 1948 г. Софья Гинзбург, — был высказан тезис о «затаенной вольности убеждений» автора «Душеньки» [Гинзбург 1948: 236]. Служба Богдановича при графе Н. И. Панине, дежурства при нем, обеды и ужины с чтением стихов, лето 1765 г., которое Богданович провел при Павле, и посвящение ему поэмы «Сугубое блаженство» трактовались как симптомы оппозиционности: «Посвящение поэмы, излагающей принципы правления одиннадцатилетнему наследнику престола<, > в то время как сама Екатерина II была еще в расцвете сил и сама еще недавно вступила в управление страной, подчеркивало программность поэмы и ее оппозиционность Екатерине» [Гинзбург 1948: 136]. В свете этого тезиса сближение с двором неизбежно выглядит как необходимость поступаться принципами: «Двойственность, разлад между затаенными убеждениями молодости, которым он остается верен, и официальной принятой им позицией поэта, близкого к придворным кругам, разъедает, губит талант Богдановича» [Гинзбург 1948: 235]. В идее «затаенной вольности» видится сублимация — рефлексия над новейшей современностью, эпохой двоемыслия, когда через убеждения приходилось переступать и придумывать себе оправдания. В работах Г. А. Гуковского, чье имя выставлено на титуле диссертации в качестве научного руководителя, этой идеи нет, хотя направление работы подсказал, вероятно, он. Это было необходимо, чтобы сделать тему поэтического творчества Богдановича более диссертательной: поэт рококо в 1940-е годы казался фигурой легкомысленной и реакционной, поэтому «вольность убеждений» понадобилось растянуть, распространив на явно «верноподданический» период.

Диссертация Гинзбург осталась неопубликованной, неапробированной и практически выпала из научного оборота. И. З. Серман, готовивший

собрание сочинений Богдановича для серии «Библиотека поэта», ее не читал, поскольку работал в Ленинграде, а хранится она в подмосковных Химках, но и сам, не находя иного способа «легализации» поэта, упирал на близость его к «оппозиционному» кружку графа Никиты Панина.

Если отбросить идеологические причины и разобрать некоторые события важного для биографии Богдановича 1773 г., можно убедиться, что поэт был гораздо ближе ко двору, чем обычно представляется.

В 1771 г. на русском языке в переводе Богдановича вышли посвященные Екатерине II стихи 28-летнего флорентийца Микеланджело Джанетти (Michelangiolo Gianetti, 1743–1796) под названием «Песнь» [Богданович, Джанетти 1771]. Джанетти в это время работает во Флоренции врачом в больнице Санта-Мария-Нуова и сочиняет стихи. Позже, в 1775 г., он получит место во Флорентийской академии на кафедре анатомии и физиологии, освободившееся после смерти доктора Раньери Маффеи (Ranieri Maffei), и прославится читанными в ней речами, заслужив всеобщее одобрение за «природное красноречие» и «широкую эрудицию» [Preziosi 1810: 188].

Содержание «Песни» таково: Божество послало Екатерину править Россией, чтобы весь свет увидел добродетель у власти. Российскую императрицу чтит весь мир, в том числе солнечная Италия дерзает прославлять ее за то, что она дарует России золотой век и продолжает дела Петра, за что ее будут почитать и потомки. Ее владычество над царями всего мира подобно власти Юпитера, которому подчиняются остальные боги, а Санкт-Петербург, уподобившись Риму, сделался средоточием наук и художеств. Ученые со всего мира стремятся туда, «желая просветить людей». Нева превзошла Тибр, Екатерина воплощает всю славу героев Рима — Тита, Траяна (завоевателя, максимально расширившего границы Римской империи) и Сципиона-младшего. Ее дела вдохновляют на подвиги героев, достойные люди при ней вновь стали цениться и занимать заслуженные места, гордость побеждена «правдой тихой», воинственные народы укрощаются, «зря кротость на престоле» (стихи пишутся во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. — М. О.), ее славе внимают любители художеств и искусств, а россияне почитают ее как мать. Торговля приносит России изобилие, жители стран Востока доверяют ей свои границы, прося покровительства только потому, что видят ее дела. Бог морей и подчиняющиеся ему ветры покоряются российским судам, лишь видя на них екатерининский флаг, а Нептун говорит, что, если бы Александр Македонский был ее современником, то тоже чтит ее законы. Одна Екатерина достойна владеть всем миром. Эол, не дуй на ее флот с севера, «будь тих, подобно ей», пусть она царствует и все, в том числе небо, благоприятствует ее желаниям. Пусть неверные турки погибнут, и пусть монархия

решает, с кем воевать, а с кем заключать мир («коль хочет мир дает, коль хочет мечет гром»). Нептун прав: «небес владетель» благословил ее на войну и невидимо помогает ей побеждать. Агаряне (т. е. магометане) бегут, побежденные русскими воинами. Алексей Орлов, как лев, устремился на врагов и одержал победу над турецким флотом. Луна (видимо, полумесяц, символ ислама) стала красной и скрылась в облаках, скрывая свой и турок стыд (ср. позже в «Душеньке» сцену жертвоприношения Душеньки чудовищу: «Тогда и дневное светило, / Смотри на горесть сих разлук, / Казалось, будто сократило / Обыкновенный в мире круг / И в воды спрятаться спешило»). Места, ставшие свидетелями побед, теперь славят монархию; ей нет нужды отвлекаться от правления на войны, она побеждает, не выходя из столицы, поручив спасти отечество Алексею Орлову, его брат Федор Григорьевич громит вражеский флот, и благодарные россияне, когда закончится война, объявят Екатерину своим общим божеством. Поэт внимает пророчество: она будет «в Подсолнечной глава», перед нею преклоняется Византия, которая зовет ее «Царицею Востока», а греческая царица Елена просит воздвигнуть церковь Константина и стать защитницей христианства. Однако скромная Муза, не имеющая способностей Гомера, должна знать меру в восхвалениях и прекратить славить то, что прилично славить богам, поэтому умолкает в удивлении и просит прощенья за дерзость.

«Песнь» подключается к мощному потоку панегириков на победу русского флота при Чесме в 1770 г.: в 1770–1771 гг. выходят оды и стихи В. Петрова, М. Хераскова, В. Майкова, С. Домашнева, Ф. Козельского, И. Грешищева, С. Нарышкина, П. Потемкина, А. Палладоклиса, И. Кулибина и еще как минимум двух анонимных авторов. Богданович отмечается переводом «Песни», за который его представляют императрице, о чем он сообщит в автобиографии: «Будучи оставлен в иностранной коллегии, начал более упражняться в литературе. Перевел тогда <...> с Италианского языка песнь Мишеля Анжела Жианетта, за перевод которой имел щастие удостоиться Ея И-го В-ва благоволения и быть представлен лицу ея» [Богданович 1853: 185].

В 1773 г. анонимно вышел поэтический сборник Богдановича «Лира, или Собрание разных в стихах сочинений и переводов некоторого Муз любителя», где перевод из Джанетти печатается рядом с «Переводом стихов г. Волтера славнаго Францускаго Писателя к Екатерине» и стихами Жан-Франсуа Мармонтеля под названием «Перевод стихов г. Мармонтеля, французскаго писателя», образуя антологию стихов иностранцев, прославляющих российскую императрицу. Французский оригинал «Ея Величеству Екатерине Второй, императрице всея Руси» («A Sa Majesté Catherine Seconde Imperatrice de toutes les Russies») не включался ни

в одно из собраний сочинений Мармонтеля, российская публика его так и не увидела. Он оставался неизвестным, пока его копию не обнаружил французский специалист по русской истории Франсуа-Ксавье Кокен из Коллеж де Франс в архиве историка Н. В. Калачева, который предполагал, но не успел его опубликовать в «Ежегоднике Археологического института» (РГИА. Ф. 950 (Н. В. Калачев). Оп. 1 (1687–1915 гг.). Ед. хр. 1. Письма к Николаю Васильевичу Калачеву). Из текста, напечатанного Кокеном факсимиле [Coquin 2002: 865–866], видно, что в переводе Богдановича оригинал сокращен вдвое: в стихотворении Мармонтеля — 42 стиха и 304 слова, у Богдановича — 22 стиха и 116 слов. Бывало время, пишет Мармонтель, когда музы прославляли «злые души» («des ames viles»), но оно миновало, и теперь все исправилось, благодаря облагораживающему и очищающему влиянию философии. Сейчас нелицемерно прославляются настоящие таланты и достоинства, чтобы всем было видно их величие и великолепие. Таков образ прославляемой теперь «великой души» («une grande ame»), один из редких шедевров, какой производили небеса. В ней есть таланты, которые оценят потомки, добродетели и милости, она диктует законы и сама их блюдет, она и богиня войны Беллона, и богиня мудрости Минерва, ее славе завидуют, но она превосходит соперников, под ее правлением люди счастливо процветают, и, быть может, единственное, чего не хватает в этой империи, — *свободы*, этой «души добродетели, духа и искусств». По всему миру видны сооруженные вам алтари, и бессмертный Великий Петр признает, что вы превзошли его своим правлением.

В переводе (точнее, переложении) Богданович заменяет одни панегирические штампы другими. Екатерина в законах и героизме превзошла «ревнителей» (соперников) и подала монархам пример заботы о счастье и спокойствии подданных, теперь ей надо доверить начинания славных дел:

Счастливому в твоём владении народу
Осталось иметь едину лишь свободу,
Единой вольности ему недостает,
Чтоб счастье его тем было совершенно
[Богданович 1773: 45].

Благословенно время, когда ничто не препятствует процветать достоинствам, это «бесценный дар», следствием которого является благоденствие, процветание наук и художеств и почитание добродетелей, поскольку в отсутствие рабства господствует истина. Твоя держава станет прибежищем талантов, и удивленная тень великого Петра признает, «что ты его превysiшь славой». Ключевой пассаж о свободе Богданович сохраняет и тут же «обезвреживает» его примечанием: «Сии стихи писаны,

чаятельно, прежде заведения в Санкт-Петербурге Академии Свободных Художеств; или г. Мармонтель не имел тогда известия ни о сем заведении, ни о вольности в России» [Богданович 1773: 45].

Вуалируя пафос оригинала, Богданович потрудился над размыыванием смысла слова *свобода*. Во-первых, он перекомпоновал стихи, перенеся зачин о возможности руководствоваться истиной в панегириках (т. е. петь тех, кто достоин воспевания) к пассажу о «вольности» художников и писателей, во-вторых, упомянул Императорскую академию художеств И. Шувалова («Академию свободных художеств»), создав ложную отсылку к термину «свободные искусства», ничего общего не имевшему даже со «свободоязычием», которое Екатерина, судя по «Ответам» на вопросы Д. И. Фонвизина в «Собеседнике любителей русского слова», ставила себе в заслугу. Переводчик расшатал значения слов «свобода» и «вольность» и затем ответил автору не на ту претензию, которая предъявлялась. «Примечание» это тем более неубедительно, что академия была основана в 1757 г., а Мармонтель написал послание между осенью 1769 г. и весной 1770 г. [Coquin 2002: 868], до Чесмы, иначе тема побед русского оружия заняла бы в ней основное место. Франсуа-Ксавье Кокен полагал основное отличие оригинала от перевода в следующем: «Если Мармонтель понимал свободу (*liberte*) в оппозиции к деспотизму и рассматривал Екатерину II как нового Велизария, который вернет подданным свободу и освободит их от гнета самодержавия, то Богданович использовал термин “вольность”, связав его с крепостным правом, которое императрица не раз выражала желание реформировать, и, дав волю фантазии, перечислил заранее ожидаемые выгоды от этого освобождения» [Coquin 2002: 862].

Комментаторы исходили из предпосылки, что Богданович самочинно взял для перевода смелый текст с прямым обращением к императрице, содержащим почти нецензурный выпад против рабства, и нейтрализовал его своим примечанием. С. С. Гинзбург прокомментировала эту вставку как попытку обойти цензуру: «В переводе стихов Мармонтеля комплиментарность составляет лишь весьма тонкую оболочку, которая не скрывает отчетливо сформулированного требования Екатерине “свершить” “славных дел начатки”, дать народу свободу. “Примечание сочинителя”, которым Богданович вынужден был снабдить свой перевод, могло ввести в заблуждение цензуру, но никак не читателя, который, следуя за логикой мыслей писателя, понимал, что стихотворение своим острием направлено если не против крепостного права, то уже во всяком случае против “рабства всех сословий”, которое так и не сняла Екатерина, несмотря на свои громковещательные обещания и “Наказы”» [Гинзбург 1948: 166–167]. Так же понимал дело И. З. Серман: «В 1767 г. Мармонтель

прислал на конкурс Вольного экономического общества сочинение, в котором доказывалась необходимость освобождения крестьян. Этому посвящено и данное стихотворение. Примечание Богдановича явно иронического характера и служит для того, чтобы сделать более цензурным стихотворение» [Серман 1957: 245]. Сам выбор текста работал на репутацию Богдановича как вольнодумца, обходящего цензуру, и так это выглядело до тех пор, пока Кокен не предложил убедительную интерпретацию этого перевода как исполнения госзаказа: «Трудно себе представить, чтобы наш поэт-переводчик по своей инициативе предпринял этот перевод» [Coquin 2002: 874]. Ф.-К. Кокен предположил, что императрица была оскорблена посланием самонадеянного француза, путающего самодержавие и деспотизм, поэтому оно осталось под спудом, хотя обычно она старалась публиковать в Петербурге все написанные в ее честь тексты, а Мармонтель, огорченный таким отношением, не включал его в собрания сочинений [Coquin 2002: 872]. Однако через три года она решила его использовать и снабдила Богдановича инструкциями о том, как его надо переводить: в результате «восхваление свободы превратилось в восхваление освобождения» и «урезанное, отредактированное по собственному усмотрению и созданное заново [сочинение], “украшенное” коротким демармонтелизирующим пойнтом, стало почти неузнаваемым» [Coquin 2002: 873].

Можно добавить, что заказ был сделан, вероятно, после выхода отдельного издания «Песни» Джанетти в 1771 г., когда Богдановича представили Екатерине. Скорее всего, он действительно не взялся бы публиковать столь рискованное стихотворение самостоятельно, и так же очевидно, что этот перевод предназначался для Мармонтеля. В 1768 г. в Москве демонстративно напечатан, а в 1773 г. переиздан в Петербурге «Велизарий» — роман, запрещенный Сорбонной за проповедь веротерпимости, который переводила сама Екатерина с сановниками. Мармонтель *должен* был узнать, что его стихи с наставлениями Екатерине тоже беспрепятственно изданы в России, ими нельзя было пренебречь, поэтому двор нашел им верноподданного переводчика. Это часть собеседования российской императрицы с французскими просветителями, призванного показать, что в России у писателей свободы больше, чем во Франции. Не менее важен контекст, в который помещено послание Мармонтеля: оно опубликовано в одном ряду с комплиментарными текстами Вольтера, культ которого в эти годы был санкционирован с самого верха, и Джанетти, вовсе, кажется, лишенного просветительских притязаний поучать государей.

Приведу еще один аргумент в пользу версии о заказном характере перевода. Как было установлено, 11 июля 1773 г. Екатерина II пожаловала

«переводчику» И. Ф. Богдановичу 1000 рублей, «ничем не мотивируя это решение» [Арзуманова 1980: 254, прим. 8], точнее, мотивировки не было в документе (РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ед. хр. 3888. Л. 126), из которого извлечено это сведение. Теперь можно уточнить, что этот подарок был ответом на челобитную, поданную Богдановичем 8 июля 1773 г. В ней поэт жалуется, что нажил непосильный трехтысячный долг, и просит помочь его погасить.

«Вашему Императорскому Величеству принадлежат отлично и услуги и прозбы подданных, по колику сердца их напоены всегдашнюю надеждою на безпременное матернее к ним милосердие, равное единым только высоким добродетелям вашего Императорского Величества. Но какое право имею я прибегать к милости? и какие услуги могу повергнуть к стопам прозорливого правосудия? Трепещет рука, Всемиловитейшая Государыня, я должен сам в начале себя видеть и судить. Без известных достоинств, без отличных заслуг испрашивать милости, есть злоупотребление неимущества, но часто толь не обходимое и незасорное перед целым светом, что оно может ласкать себя монаршим снисхождением не попускаясь в крайности и гибель.

Таковыя чувства, Всемиловитейшая Государыня, соединенныя с ревностным и безпредельным усердием к службе вашего Императорского Величества дают и мне смелость повергнуть себя к стопам вашим не дая места отчаянию. Во все время моего научения и службы я подкреплял бедность свою займами, и напоследок вошел в долг не оплатной суммы, как в Банковую кантору так и разным партикулярным людям до трех тысяч рублей. Образ моей жизни и поведение могут быть засвидетельствованы несколькими людьми, кои делали мне честь своим ко мне благоволением; но одно только монаршее великодушие и милость могут изторгнуть меня из долгов и бедности, которая угнетает все силы моего духа в самой крайности.

Удостоите, Всемиловитейшая Государыня, милостиво взреть на мое состояние, что б я мог, так сказать в новом бытии прославлять ваше милосердие и человеколюбие свойственное Божественной душе вашей, с таким же усердием и благоговением, с каким имею щастье быть, Всемиловитейшая Государыня! Вашего Императорского величества всеподаннейший раб Ипполит Богдановичъ» [Челобитная 1773: л. 397–397а].

Афористические горацянские строки Богдановича из стихотворения «Умеренность» (1763) «Когда чего я не имею, / Я то считаю за ничто» — это совершенно не про него. Он всю жизнь чего-нибудь просит — мест, чинов,

прибавок жалования и подарков — для себя и своих родственников с Полтавщины. Подарки вроде пожалованной тысячи рублей не делались кому попало, моральное право обратиться к императрице давала поэту служба «всеподданнейшего» переводчика, которому можно доверить госзаказ на переложение зарубежных панегириков, — те самые «безпредельное усердие» и «услуги», «повергнутые к стопам прозорливого правосудия». Переложение неопубликованного послания Мармонтеля свидетельствует, что Богданович уже в начале 1770-х гг. фактически сделался придворным литератором, умеющим — возможно, даже без специальных указаний — выполнять деликатные поручения и сглаживать углы.

Источники

Богданович, Джианетти 1771 — Ея императорскому величеству Екатерине II самодержице всероссийской песнь, Переведенная с италианскаго, сочинения господина Мишель-Анжело Жианети. СПб.: Тип. Акад. наук, 1771. 10 с.

Богданович 1853 — *Богданович И. Ф.* Автобиография И. Ф. Богдановича / Предисловие и примечания Г. Геннади // Отечественные записки. 1853. Т. 87. Кн. 4. С. 181–186.

Богданович 1773 — Лира, или Собрание разных в стихах сочинений и переводов Некоторого муз любителя. СПб.: При Имп. Акад. Наук, 1773. 95 с.

Челобитная 1773 — Челобитная И. Богдановича 8 июля 1773 года // РГАДА. Ф. 10 (Кабинет Екатерины II). Оп. 1. Ед. хр. 541 (Челобитные разных лиц Екатерине и переписка по ним, 1773 г.), ч. II. Л. 397–397а.

Preziosi 1810 — *Preziosi G.* Storia del pubblico studio e delle società scientifiche e letterarie di Firenze. Vol. II. Firenze, 1810. 300 p.

Литература

Арзуманова М. А., Мартынов И. Ф., Кочеткова Н. Д. Комментарии: И. Ф. Богданович // Письма русских писателей XVIII века. Л.: Наука, 1980. С. 253–255.

Гинзбург С. С. Поэтическое творчество Богдановича: дис. ... канд. филол. наук / Московский городской педагогический институт им. Потемкина. М., 1948. 289 с.

Серман И. З. И. Ф. Богданович; Комментарии // Богданович И. Ф. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1957. С. 5–42, 223–246.

Coquin F.-X. Un inédit de Marmontel: Épître à sa majesté Catherine II // Revue des études slaves. Année 2002. Vol. 74, no. 4, pp. 861–876.

References

- Arzumanova M. A., Martynov I. F., Kochetkova N. D. [Notes: I. F. Bogdanovich]. *Pis'ma russkikh pisatelei XVIII veka* [The letters of Russian writers of the 18th century]. Leningrad, Nauka Publ., 1980, pp. 253–255. (In Russ.)
- Coquin F.-X. *Un inédit de Marmontel: Épître à sa majesté Catherine II* [Unpublished work by Marmontel: Epistle to Her Majesty Catherine II] // *Revue des études slaves*. 2002. Vol. 74, no. 4, pp. 861–876. (In French)
- Ginzburg S. S. *Poeticheskoe tvorчество Bogdanovicha*. Diss. kand. filol. nauk [Bogdanovich's poetry. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 1948. 289 p. (In Russ.)
- Serman I. Z. [I. F. Bogdanovich; Notes]. *Bogdanovich I. F. Stikhotvoreniya i poehmy* [Collection of poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1957, pp. 5–42, 223–246. (In Russ.)

О двух варваризмах в очерках путешествия И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”»

Екатерина Александровна Щеглова, Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт лингвистических исследований РАН (Россия, Санкт-Петербург), e.scheglova@spbu.ru

DOI: 10.31857/S013161170013909-8

АННОТАЦИЯ: В науке сложилось несправедливое понятие о варваризмах как явлении в языковой системе периферическом, а в реальном употреблении — мало заслуживающем внимания, имеющем весьма ограниченный функционал. Это мнение несправедливо по нескольким причинам: 1) именно эта группа слов постоянно подвергается изменениям, что делает ее маркером динамических процессов в языке определенной эпохи, 2) в языке нет ничего периферического, что не могло бы стать инструментом формирования той или иной черты индивидуального авторского стиля или отдельного жанра. Особенно внимания заслуживают случаи, когда жанр предполагает наличие варваризмов (например, в путешествиях), однако автор ограничивает их употребление. В таких обстоятельствах каждый отдельный случай может представлять интерес. В данной статье предложен историко-культурологический анализ двух варваризмов из текста очерков путешествия И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» — *sugarbird* и *broomtree*. Особенности употребления обоих нехарактерны для произведения (нет русскоязычного варианта названия, в первом случае используется калька, во втором — частичный перевод). Первый варваризм представляет интерес как отражение этапа становления научной терминологии (автор предлагает собственный вариант наименования терминологического характера). Во втором случае интересно не только само слово, но и предмет, стоящий за ним, поскольку мы имеем дело с одним из

первых упоминаний одного из библейских деревьев в русской литературе (ретама).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: варваризм, И. А. Гончаров, «Фрегат “Паллада”», путешествие, заимствование, история лексики XIX века

для цитирования: Щеглова Е. А. О двух варваризмах в очерках путешествия И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» // Русская речь. 2021. № 1. С. 95–103. DOI: 10.31857/S013161170013909-8.

The Language of Fiction

On Two Barbarisms in Essays on the Journey by I. A. Goncharov “Frigate *Pallada*”

Ekaterina A. Shcheglova, Saint-Petersburg State University, Institute for Linguistic Studies
(Russian Academy of Sciences) (Russia, Saint-Petersburg), e.scheglova@spbu.ru

ABSTRACT: There is an unjust scientific understanding of barbarisms as a phenomenon which is peripheral in the language system and does not deserve attention, having quite a limited functionality in the real use. This opinion is unjust due to several reasons: 1) it is a group of words which is constantly submitted to changes, which makes it the marker of dynamic processes in the language of a certain epoch, 2) the language has nothing peripheral, nothing which cannot become an instrument of forming a feature of author individual style or a single genre.

Special attention must be paid to the cases when a genre involves the usage of barbarisms (for example, in travels), but the author limits their use. In such circumstances every single case may pose an interest. The article offers the historical and cultural analysis of two barbarisms from the text of travel reviews by I. A. Goncharov “Frigate *Pallada*” — *sugarbird* and *broomtree*. Their use is not common for the book (there are no Russian variants of the names, the first case is a calque and the second one is partial translation). The first barbarism is of interest because it reflects the stage of scientific

terms appearance (the author offers his own variant of terminological naming). In the second case it is not the word which is interesting, but the subject behind it because here we deal with one of the first references to a Bible tree in the Russian literature (rhetheme).

KEYWORDS: barbarism, I. A. Goncharov, "Frigate *Pallada*", travel, borrowing, vocabulary history of the XIX century

FOR CITATION: Shcheglova E. A. On Two Barbarisms in Essays on the Journey by I. A. Goncharov "Frigate *Pallada*". Russian Speech = Russkaya Rech'. 2021. No. 1. Pp. 95–103. DOI: 10.31857/S013161170013909-8.

Варваризмы — это «заимствованные из чужого языка слова или выражения, не до конца освоенные заимствующим языком (чаще всего в связи с трудностями грамматического освоения, т. е. с несоответствием правилам словообразования, словоизменения или сочетания слов, действующим в заимствующем языке) и поэтому воспринимаемые как чужеродные» [Емельянова 2011: 23]. Это классическое определение варваризмов, данное в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» под редакцией М. Н. Кожинной, демонстрирует, с одной стороны, периферическое положение этой группы слов в лексической системе языка, с другой — отношение к ней носителей языка настороженное, если не сказать отрицательное. До недавнего времени варваризмы и иноязычные вкрапления практически не изучались даже при обращении к индивидуальному стилю того или иного писателя. Положение изменилось лишь в последнее время [Шестакова, Кулева 2015]. И это не может не радовать по нескольким причинам. Во-первых, количество и особенности употребления варваризмов и иноязычных вкраплений может быть признаком языковой индивидуальности автора. Во-вторых, именно эти группы слов отражают изменения в лексической системе конкретной эпохи. В-третьих, статус варваризма у слова часто является ступенью к его освоению языком (вспомним, что А. С. Пушкин писал о слове *vulgar* «вряд ли быть ему в чести», однако это — пусть даже шуточное — предсказание не сбылось и прилагательное *вульгарный* сейчас стало общеупотребительным).

Изучение варваризмов является необходимым, с нашей точки зрения, шагом в изучении языка писателя. Это утверждение одинаково справедливо и в случае их большого количества, и в случае единичных употреб-

лений. Последнее, пожалуй, особенно актуально в том случае, если жанр произведения сам по себе подразумевает употребление варваризмов и иноязычных вкраплений. В уже упоминаемом стилистическом словаре в качестве одной из основных функций варваризмов называется создание «местного колорита», характеристика быта разных стран. Из этого следует, что при описании путешествия варваризмы становятся необходимым языковым ресурсом для запечатления в слове той действительности, в которой оказался автор. То есть жанр путешествия, как никакой другой, казалось бы, подразумевает необходимость использования варваризмов. Рассмотрим характерный пример из сочинения В. П. Боткина «Письма об Испании»: *Тут громадные geleras валенсиянцев в их полуафриканской одежде и щеголей андалузцев выезжает на дорогу, чтоб к ночи поспеть на ночлег в венту; цирюльники публично у дверей цирюлен бреют своих клиентов; кружок андалузцев (вечно веселый народ), сидя у входа в кузницы, напевают la saña; возле — девочки под кастаньеты пляшут fan-fango, толпа полуодетых, бронзового цвета мальчиков играют на улице, представляя corrida de toros; ватага удалых cigarreras (женщин, работающих на сигарной фабрике: еще особенный испанский тип) расходится по домам, окруженная своими любезными* [Боткин 1976: 18]. Испания в то время — малоизвестная российскому читателю страна, поэтому употребление большого количества (пять слов на сравнительно небольшой отрывок) варваризмов и иноязычных вкраплений кажется естественным. Тем удивительнее на этом фоне выглядят очерки путешествия И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”», описывающие не менее (если не более) экзотическую реальность, но отличающиеся большей сдержанностью в использовании варваризмов и иноязычных вкраплений. Последние практически полностью ограничиваются оригинальным представлением имен собственных: *Кафры, или амакоза, продолжали распространяться к западу, перешли большую Рыбную реку (Fish-river) и заняли нынешнюю провинцию Альбани, до Воскресной реки* [Гончаров 1997: 159]; *Эта гостиница называется «Фокс анд гоундс» («Fox and hounds»), то есть «Лисица и собаки»* [Гончаров 1997: 197].

Употребление такого рода лексики всегда обусловлена у И. А. Гончарова ощущаемой им сугубой необходимостью, при этом слова этой группы снабжаются автором пояснениями, необходимыми для того, чтобы слово могло быть освоено читателем. Именно эти обстоятельства делают подробное изучение каждого случая употребления варваризма необходимым и во многом захватывающим. В рамках данной статьи мы обратимся к двум варваризмам, встречающимся на страницах «Фрегата». Их выбор обусловлен наличием культурного контекста, стоящего за каждым

из слов. При этом в обоих случаях понимание слов затемнено для современного читателя.

Первым таким «загадочным» варваризмом является наименование *sugarbird*, которое автор сопровождает собственным переводом — *сахарная птица*: *Я заметил одну, синюю, с хвостом более четверти аршина длиной. Она называется sugarbird (сахарная птица) оттого, что постоянно водится около так называемого сахарного кустарника* [Гончаров 1997: 153].

С этой птицей И. А. Гончаров встречается во время пребывания в Капской колонии. Для того чтобы разобраться, что за птица имеется в виду, следует рассмотреть англо- и русскоязычные варианты названия по раздельности. При этом первоначально следует обратиться к английскому варианту названия, поскольку по контексту понятно, что оно в этом случае является для автора основным. На это указывает и положение русскоязычного наименования в скобках следом за англоязычным, что является обычным для очерков способом ввода перевода иноязычного слова, когда нет русскоязычного эквивалента названия.

В современном «Словаре названий животных. Птицы» встречается тот же английский вариант названия птицы, что и у И. А. Гончарова. Однако наименования *сахарная птица* не содержится, в качестве эквивалентного русского названия приводится *капский сахарный медосос* [Беме, Флинт 1994: 9044]. Интересно, что слово *медосос* обозначено как неологизм в «Словаре русского языка XVIII века» [Сорокин (гл. ред.) 2001: 112], зафиксировано оно и в «Словаре Академии Российской» [САР² III: 732], однако понимается исключительно как эквивалент наименования *колибри*. То же понимание слова отмечено и в энциклопедическом словаре Березина: 'малейший колибри' [Березин (гл. ред.) 1875: 102]. Однако очевидно, что у И. А. Гончарова речь идет не о колибри. Номинацию *колибри* он использует в своих очерках; при этом невозможно предположить, что слова *колибри* и *медосос* являются эквивалентами наименования одного и того же вида птиц: описание не соответствует. Можно утверждать, что современное наименование птицы, описываемой в очерках, могло быть известно их автору и читателям лишь в значении *колибри*. Таким образом, логичным представляется вывод, что И. А. Гончаров не располагал русскоязычным эквивалентом названия птицы и был вынужден искать самостоятельно вариант названия или перевода для русского читателя.

Действительно, наименование *сахарная птица* не упоминается в словарях XIX–нач. XX вв. и является очевидной калькой английского названия птицы. Однако выбор калькирования как способа создания русского варианта названия в данном случае интересен сам по себе. И. А. Гончаров создает составную номинацию научного характера, состоящую из

существительного, служащего родовым наименованием, и прилагательного, выполняющего функцию классификатора. Кроме того, впоследствии именно вариант, созданный автором «Фрегата», стал русскоязычным вариантом названия: наименование *сахарная птица* встречается во многих научных и научно-популярных источниках по биологии, например: *В Южной Африке, оторванно от общего ареала семейства, распространен род *Protegorps* — сахарные птицы с двумя видами. Эти медососы имеют более стройное тело и стройный клюв, чем остальные представители семейства, и очень длинный хвост. Длина тела этих птиц 45 см* [Гладков, Михеев (ред.) 1970: 548]. Это еще раз подтверждает удивительное филологическое чутье И. А. Гончарова (напомним, что он учился на словесном факультете Московского университета). В этом случае варваризм становится ступенью к появлению наименования реалии в русском языке.

Еще более любопытна история второго из предлагаемых нами к рассмотрению варваризмов — *broomtree*: *По местам посажено было чрезвычайно красивое и невиданное у нас дерево, называемое по-английски broomtree. Вroom значит метла; дерево названо так потому, что у него нет листьев, а есть только тонкие и чрезвычайно длинные зеленые прутья, которые висят, как кудри, почти до земли. Они видом немного напоминают плакучие ивы, но гораздо красивее их* [Гончаров 1997: 138].

И. А. Гончаров видит это растение во время своего знакомства с Капской колонией в Африке. Любопытно, что дается нетранслитерированное английское название без сопровождения какой-либо русскоязычной альтернативой (перевода, транслитерации, варианта наименования). Можно предположить, что в этом случае автору очерков не удалось обнаружить других наименований растения. Отчасти ввод наименования в статусе варваризма обусловлен семантической прозрачностью английского слова для большей части образованного русского общества (тем более что на его перевод указывает и сам И. А. Гончаров). Однако все эти предположения не дают разгадки, что за растение встретилось автору «Фрегата».

Если взять за основу поисков внешний облик описываемого растения, область распространения, а также перевод англицизма, употребленного в очерках, речь идет о кустарнике (отдельные виды которого произрастают и в Европе), известном под названиями *ретама* и *метельник*. Слово *метельник* содержится в «Словаре русского языка XVIII века»: «1. *Бот. Растение* (лат. XVIII *Spartium scorarium*, *Cytisus*). Рута птичья, метельник. Ад. I 765» [Сорокин (гл. ред.) 2001: 157]. Сложнее установить факт знакомства русского читателя времени написания очерков с наименованием *ретама*. В относящемся к более позднему периоду словаре Брокгауза

и Ефрона в статье «Канарские острова» встречается упоминание кустарника под этим наименованием [Брокгауз, Ефрон 1895: 265–266]. Более ранняя лексикографическая фиксация слова обнаружена в Ботаническом словаре Н. И. Анненкова. В словаре дается описание этого необычного растения (заголовочное латинское название — *Spartium junceum* L.), при этом даются следующие названия: *бобровник, испанский дрок, жерновец, ивановец, ива или птичья рута, яновец, ретема*. Последнее снабжено авторским примечанием «Название “Ретема” взято с еврейского *Rothem*», растение под этим названием, по свидетельству автора словаря, упоминается в оригинале Библии, а на русский было переведено как *дрок* и *можжевельник* [Анненков 1878: 338]. Действительно, в Третьей книге царств содержится следующий отрывок: «А сам отошел в пустыню на день пути, и, пришедши, сел под можжевельным кустом, и просил смерти себе, и сказал: довольно, уже, Господи; возьми душу мою, ибо я не лучше отцов моих» (3 Цар 19:4). В современной научно-популярной статье утверждается: «В древнееврейском каноне Ветхого Завета, написанном на иврите, Илия сидит под кустом с названием “ротэм”. Большинство исследователей Библии идентифицируют его с растением *Retama raetam* (*Genista raetam*) — метельником метельниковым из семейства бобовых, который получил свое научное название от слова “ретам” на арабском языке и “ротэм” на иврите. <...> Это самый большой и наиболее заметный кустарник, растущий в Иудейской пустыне, преимущественно по вади и руслам ручьев. Его легко отличить от других кустарников по характерным длинным изогнутым веткам с немногочисленными листьями, небольшими и рано опадающими. Высота растения достигает трех метров. Короткий деревянистый ствол покрыт прижатыми к стеблю шелковистыми волосками. Прямые и чрезвычайно длинные корни проникают в глубину до 20 метров, что и позволяет метельнику безбедно жить в пустыне. В конце периода дождей растение покрывается несметным числом небольших, сильно пахнущих миндалем цветков с белоснежным венчиком с фиолетовыми прожилками» («Что есть что в мире библейских растений» [Сокольский 2006: 129]). Таким образом, возможно, мы имеем дело с одним из первых упоминаний и описаний библейского дерева в русской литературной традиции.

Почему же И. А. Гончаров не использовал одно из приведенных русскоязычных наименований растения? Можно предположить, что упомянутые номинации в середине XIX века употреблялись для европейских его видов. Вероятно, в очерках Гончарова мы имеем дело с первым достаточно подробным описанием африканского вида этого необычного кустарника в русском культурном пространстве (что особенно интересно, учитывая упоминания о нем в библейских контекстах).

Разбор этих двух варваризмов, встречающихся в очерках путешествия И. А. Гончарова, дает представление о том:

- 1) как из характера употребления этой, как часто считается, периферической лексической группы складывается языковая личность автора;
- 2) какой глубокий культурологический контекст может стоять за единственным употреблением слова;
- 3) какие неожиданные изменения могут происходить внутри лексической системы.

Источники

Анненков Н. И. Ботанический словарь. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1878. 646 с.

Березин И. Н. (гл. ред.). Русский энциклопедический словарь. Отдел III. Т. II. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1875. 672 с.

Боткин В. П. Письма об Испании. Л.: Наука, 1976. 344 с.

Брокгауз, Ефрон — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Т. XIV. СПб.: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1895. 480 с.

Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия в двух томах // Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 2. СПб.: Наука, 1997. 746 с.

САР², III — Словарь Академии Российской: в 6 т. СПб.: Тип-фия Императорской Академии Наук, 1814. 1444 с.

Литература

Беме Р. Л., Флинт В. Е. Пятиязычный словарь названий животных. Птицы. Латинский, русский, английский, немецкий, французский. М.: Рус. яз., РУССО, 1994. 426 с.

Гладков Н. А., Михеев А. В. (ред.). Жизнь животных: в 6 т. Т. 5. М.: Просвещение, 1970. 611 с.

Емельянова О. Н. Варваризмы // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта; Наука, 2011. С. 23–24.

Сокольский И. Что есть что в мире библейских растений // Наука и жизнь. 2006. № 5. С. 124–132.

Сорокин Ю. С. (гл. ред.). Словарь русского языка XVIII в. Вып. 12. СПб.: Наука, 2001. 252 с.

Шестакова Л. Л., Кулева А. С. Иноязычные вкрапления в текстах поэтов Серебряного века (по материалам сводного словаря поэтического языка) // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2015. Т. 74. № 1. С. 68–76.

References

- Beme R. L., Flint V. E. *Pyatiazazychnyi slovar' nazvanii zivotnykh. Ptitsy. Latinskii, russkii, angliiskii, nemetskii, frantsuzskii* [Five-language dictionary of animal names. Birds]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., RUSSO Publ., 1994. 426 p.
- Emel'yanova O. N. *Varvarizmy* [Varvarizma]. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2011, pp. 23–24. (In Russ.)
- Gladkov N. A., Mikheev A. V. (eds.). *Zhizn' zivotnykh: v 6 t.* [Animal life: In 6 volumes]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1970. 611 p.
- Shestakova L. L., Kuleva A. S. [Foreign-language inlays in the texts of poets of the Silver Age (based on the materials of the consolidated dictionary of the poetic language)]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 2015, vol. 74, no. 1, pp. 68–76. (In Russ.)
- Sokol'skii I. *Chto est' chto v mire bibleiskikh rastenii* [What is in the world of biblical plants]. Nauka i zhizn', 2006, no. 5, pp. 124–132. (In Russ.)
- Sorokin S. Yu. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XVIII v.* [Dictionary of the Russian language of 18th c.]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001. 252 p.

В помощь изучающим русский язык

Нас часто спрашивают...

Надежда Константиновна Онипенко, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), onipenko_n@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170013910-0

АННОТАЦИЯ: В статье предлагаются развернутые ответы на вопросы, которые задаются в письмах, адресованных в Институт русского языка. Обсуждаются три темы: морфемная структура инфинитива и терминология, используемая для обозначения формообразующего аффикса; возможность и системно-морфологическая обусловленность коротких корней, трудность морфемного разбора слов с короткими корнями; соотношение разных способов деления слова, связь слогоделения и приемов обучения чтению. В статье продемонстрирован объяснительный подход к трудным вопросам обучения русскому языку в школе. Первый сюжет связан с аргументацией выбора термина «суффикс» для обозначения формообразующего аффикса в инфинитиве: объяснение основывается на представлении русской морфологической системы, на сравнении именного и глагольного формообразования. Второй сюжет базируется на противопоставлении имен и глаголов, морфемной структуры именных и глагольных словоформ. Такой подход позволяет представить основы внутреннего единства русской морфологической системы, показать связь отдельных языковых явлений с общими законами организации языковой системы. В третьем сюжете обсуждаются разные принципы слогоделения и связь слогоделения с морфемным членением словоформы. Показано, что при публикации книг для обучения чтению необходимо учитывать разные принципы слогоделения, а также морфемное членение слова.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русский язык, инфинитив, грамматика, слогоделение, морфемная структура, корень, школьное преподавание, формообразующие аффиксы, лингвистическая терминология

для цитирования: Онипенко Н. К. Нас часто спрашивают... // Русская речь. 2021. № 1. С. 104–116. DOI: 10.31857/S013161170013910-0.

Learning Russian

We Are Frequently Asked...

Nadezhda K. Onipenko, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow), onipenko_n@mail.ru

ABSTRACT: The article offers detailed answers to the questions that are asked in the letters addressed to the Institute of the Russian Language.

It discusses three topics: the morphemic structure of the infinitive and the terminology used to denote the formative affix; the possibility of forming short roots and the systematical morphological study of theirs, the difficulty of morphemic segmentation of the words with short roots; different ways of dividing a word and the connection between syllabus division and methods of teaching reading. The article demonstrates an explanatory approach to the issues of teaching Russian language at school. The first part of the paper explains the choice of the term ‘suffix’ to denote a formative affix in the infinitive. The explanation is based on the description of Russian morphological system, particularly, on the comparison of nominal and verbal word formation. The second part is based on the opposition of names and verbs, the morphemic structure of nominal and verbal word forms.

This approach allows us to present the foundations of the internal unity of the Russian morphological system, to show the connection of individual linguistic phenomena with the general laws of the organization of the linguistic system. In the third part, different principles of syllable division and the connection between syllabic division and morphemic division of a wordform are discussed. It is shown that when publishing books for teaching reading, it is necessary to take into account different principles of syllabic division, as well as morphemic division of a word.

KEYWORDS: Russian language, infinitive, grammar, syllable division, morpheme structure, root, Russian language at school, formative affixes, linguistic terminology

FOR CITATION: Onipenko N. K. We Are Frequently Asked... Russian Speech = Russkaya Rech'. 2021. No. 1. Pp. 104–116. DOI: 10.31857/S013161170013910-0.

В современную эпоху цифровизации и интернет-ресурсов, когда многие сведения можно найти, войдя через смартфон или компьютер в мировую Сеть, все же остаются вопросы, до сих пор не имеющие однозначных ответов и трудные даже для специалистов: чтобы ответить на них, требуются глубокие знания и время для осмысления. Такими дискуссионными являются многие вопросы, связанные с русским языком. Русистика и, шире, лингвистика — науки гуманитарные. В гуманитарных науках нередко правильных ответов может быть несколько, решение той или иной проблемы зависит от выбора научной концепции, аргументированное объяснение требует знания разных точек зрения, чего не встретишь в школьных учебниках. Поэтому в Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН приходят письма, в которых нас спрашивают, почему надо говорить или писать так, а не иначе, как правильно сделать разбор по составу или по членам предложения, письма с просьбами объяснить трудное лингвистическое явление или непонятный фрагмент из школьного учебника. Эти письма свидетельствуют о том, что русский язык — непостоянный и очень интересный объект для исследования и изучения, что носителям русского языка небезразлично то, как они говорят и пишут, как живет русский язык и как общество относится к языковым проблемам. Редакция журнала «Русская речь» решила начать публиковать ответы на наиболее частые вопросы.

1. -ТЬ и -ТИ — окончание или суффикс?

Этот вопрос не столько грамматический, сколько терминологический. Прежде чем обсуждать терминологическую проблему, связанную с морфемным разбором инфинитива, необходимо объяснить (1) соотношение между грамматикой научной и грамматикой школьной; (2) соотношение между термином и языковой единицей.

1) Научная грамматика описывает языковую систему. Но языковая система — это объект исследования, не данный нам в непосредственном наблюдении. По речевым фактам мы собираем системы форм (склонения и спряжения), типы синтаксических конструкций. Все это — результат теоретического осмысления языковых фактов. Мы слышим звуки, но

не фонемы (а буквой мы обозначаем фонему), слово мы употребляем в определенном значении, но лексема — это слово во всей совокупности его значений (так слово представлено в толковых словарях). Научная грамматика стремится описать языковую систему такой, какая она есть. У научной грамматики одна цель — приблизиться к объекту. Но есть грамматика школьная, которую мы видим в учебниках и которая решает другую задачу — дать то знание, которое обеспечит орфографическую и пунктуационную грамотность всех носителей русского языка и позволит сформировать навыки правильной устной речи. Это не значит, что школьная грамматика находится в противоречии с грамматикой научной, но предполагает, что между научной и школьной грамматиками всегда есть дистанция: научная грамматика движется вперед, а школьная — сохраняет значительную долю консерватизма. Есть и еще одно отличие: научная грамматика полифонична (многоголоса), в ней сосуществуют разные научные направления, отличающиеся и теоретически, и терминологически; школьная грамматика, предполагающая наличие образовательного стандарта, стремится к монофоничности, единообразию (в том числе и в терминологии). И если, в силу демократизации в сфере школьного образования, учебники начинают писаться на разных теоретических основах, то учитель и ученики оказываются перед проблемой не сущностного, а формального порядка: не в чем суть, а как правильно назвать. В результате возникает спор, подобный спору между тупоконечниками и остроконечниками у Дж. Свифта.

2) Языковая единица может быть обозначена разными терминами, поскольку лингвистика — наука гуманитарная, в ней многое зависит от точки зрения ученого. Термин в гуманитарной науке отражает не только сущность исследуемого объекта, но и свойства теории, в рамках которой работает ученый. Поэтому спор о терминах в лингвистике считается занятием, уводящим в сторону от решения проблемы.

Однако есть особенности русской лингвистической терминологии, которые нередко осложняют понимание научных текстов. Речь идет о параллельном существовании в нашей терминологии заимствованных слов, их переводов (калек) и исконно русских терминов: *субъект* и *подлежащее*, *инфинитив* и *неопределенная форма*, *перфектив* и *совершенный вид*, *рефлексив* и *возвратность*, *флексия* и *окончание*.

Вопрос о термине применительно к -ТЬ и -ТИ в инфинитиве (неопределенной форме глагола) научное сообщество оставляет открытым, т. е. не делает предметом дискуссии. Этим занимаются только школьные методисты.

Исходя из сказанного, должно быть понятно, что все претензии, связанные с терминологической путаницей, могут быть предъявлены не

к «научному сообществу», а к школьным методистам и авторам учебников: это их право отбирать из разных грамматических теорий и терминологий ту, которая более всего подходит для практически ориентированной учебной грамматики.

Но для практики преподавания очень важно договориться о значении терминов, потому что, как когда-то сказал Декарт, «люди избавились бы от половины своих неприятностей, если бы смогли договориться о значении слов». Договариваться должны авторы программ и учебников.

Теперь перейдем к научным взглядам на русский инфинитив и тому, как терминологически обозначают его формообразующий аффикс (аффиксом называют любую служебную морфему, морфемой же — часть слова). У этой проблемы две стороны: во-первых, системно-грамматическая характеристика инфинитива, т. е. определение его места в системе глагольных форм и, шире, частей речи и, соответственно, взгляды ученых на морфемный состав инфинитива; во-вторых, значение русского слова «окончание» в грамматиках и учебниках и смежные с этим словом термины.

Итак, инфинитив (неопределенная форма, неопределенное наклонение, «неокончателное наклонение») по происхождению — падежная форма отглагольного имени, которая оказалась «втянутой» в систему собственно глагольных словоформ. По этой логике (перехода из одной части речи в другую) «бывшая форма», застывая и выпадая из системы исходных для нее форм, начинает члениться по-другому, и ее формообразующий аффикс переосмысливается. Так, бывшие окончания существительных или прилагательных в наречиях «превращаются» в суффиксы — *бегом, наутро, хорошо*. Инфинитив — это форма, противостоящая, с одной стороны, спрягаемым формам, с другой — причастиям и деепричастиям. В русской лексикографической и грамматической традиции инфинитив был выбран как словарная форма русского глагола, поскольку в нем меньше всего грамматических категорий, то есть лексическое значение не осложнено еще несколькими грамматическими, а также потому, что морфемная структура инфинитива наиболее простая.

Оказавшись в системе глагола, инфинитив не встроился ни в личную парадигму, ни во временную, т. е. он продолжает стоять особняком как неспрягаемая форма глагола. К неспрягаемым также относятся причастие и деепричастие, но в них формообразующие аффиксы чаще обозначаются учеными как суффиксы, и для преподавания они терминологических проблем не создают. По своему грамматическому значению инфинитив ближе к системе наклонений, т. е. к средствам выражения модальности: *Стоять смирно!* — приказ, побуждение; *Погулять бы* — желание; *Коль любить, так без рассудку* — условие, потенциальность). И поэтому грамматисты XIX века называли инфинитив «неопределенным

наклонением» [Востоков 1844: 82] или «неокончательным наклонением» [Греч 1827: 127].

Поскольку инфинитив является словарной формой глагола, его иногда сравнивают с именительным падежом (и это аргумент в пользу -ТЬ как окончания), но такое сравнение представляется некорректным, поскольку русская система полнознаменательных частей речи держится на противостоянии имен и глаголов. Об этом можно прочесть в книге В. В. Виноградова «Русский язык» [Виноградов (1947) 2001: 53–58; 351–354]. В частности, грамматическая часть в глагольной словоформе больше, чем в именной. Это означает, что в грамматической части глагола возможны не только окончания, но и суффиксы, а также постфиксы (-ся в возвратных глаголах).

С точки зрения синтаксиса инфинитив — форма зависимая: грамматические значения, необходимые для функционирования глагола в предложении, выражаются либо словами, стоящими рядом с инфинитивом (в составном сказуемом), либо самой синтаксической конструкцией. Инфинитив не может согласоваться с подлежащим и квалифицируется грамматиками как неизменяемая форма, а значит, в морфемной структуре этой формы нет аффиксов, предназначенных для выражения согласовательных категорий. Это свойство инфинитива важно для терминологического обозначения -ТЬ, поскольку при характеристике окончания как аффикса обычно говорится о словоизменительной и согласовательной (выражать отношения между словами) функциях, но для -ТЬ и -ТИ ни та ни другая функции не свойственны.

Второй аспект рассматриваемой проблемы — это значение русского термина «окончание». И тут налицо те самые неприятности, о которых говорил Декарт.

Обратимся к русской классике. Н. И. Греч называл -ТЬ окончанием, но при этом понимал слово «окончание» не как изменяемую часть, а как ту часть слова, на которую оно оканчивается. При этом он включал в окончание инфинитива и предшествующую гласную (-ить, -ать, -еть...) [Греч 1827: 132]. Д. Н. Овсянко-Куликовский также называл -ТЬ, -ТИ, -ЧЬ окончаниями инфинитива [Овсянко-Куликовский 1902: 85]. При этом ни Н. И. Греч, ни Д. Н. Овсянко-Куликовский не давали определений аффиксальным морфемам. А. М. Пешковский определял понятия морфематики. И вот что мы читаем у А. М. Пешковского в книге «Русский синтаксис в научном освещении»: «Формальные части, стоящие перед корнем, называются **префиксами**, или **приставками**, формальные части, стоящие позади корня, — **суффиксами**, и те и другие вместе — **аффиксами**. Суффиксы, образующие окончание падежа (в склонении) или лица (в спряжении),

называются нередко **флексиями**» [Пешковский 2001: 17]. Это значит, что для А. М. Пешковского существовала своеобразная матрешка терминов: **аффиксы** ⇒ **суффиксы** ⇒ **флексия** (окончание), т. е. для Пешковского окончание (флексия) — это вид суффикса.

Термин флексия, в свою очередь, не является однозначным. Он может пониматься как окончание (одна далее не делимая морфема) и как грамматическая часть целиком (всё, что за пределами основы). Второй вариант допускает возможность того, что флексия может члениться на формообразующие и словоизменительные форманты. В этом случае окончание — это словоизменительный аффикс, предполагающий наличие минимум двух противопоставленных форм в рамках одной грамматической категории. Такое понимание к -ТЬ не подходит.

Авторы пражской «Русской грамматики» (1979) решили терминологическую проблему по-другому. Для них все формообразующие аффиксы — это окончания, в том числе и -в, -а, -вши в деепричастиях, и -и в формах повелительного наклонения, и, конечно, -ть в инфинитиве. Если авторы не могут назвать какой-то формообразующий аффикс окончанием, они используют термин «формант» [Русская грамматика 1979, I].

В наших академических грамматиках наблюдаем разночтение: в Грамматике 1952–1960 гг. [Грамматика 1960: 29] — инфинитив образуется суффиксом, а в академической «Русской грамматике» (1980) — флексией, в то время как для описания формообразования деепричастия используется термин «суффикс» [Русская грамматика 1980, I].

Исходя из многозначности всех этих терминов, -ТЬ может быть названо формообразующим суффиксом, формообразующей флексией, словоизменительной флексией или окончанием. Все это многоголосие не смущает научное сообщество, но, несомненно, затрудняет процесс преподавания в школе. Как известно, в современной школьной практике для обозначения форманта -ТЬ используются термины «суффикс» (формообразующий) и «окончание». Выбор термина в школьных учебниках зависит не только от степени консерватизма авторов, но и от того, что авторы считают наиболее существенным в определении окончания.

Определение термина «окончание» обычно содержит три составляющих: (1) тип морфемы (формообразующая морфема, формообразующий аффикс); (2) грамматические категории, которые оно выражает (падеж, число, род и лицо); (3) функцию (служит для связи слов в словосочетании и предложении; см., например, в учебнике 5-го класса, написанном С. И. и В. В. Львовыми). Два из трех пунктов, составляющие определения, не подходят к -ТЬ: категорий никаких не выражает, для соединения слов не служит. Если сущностным, ведущим признаком признается статус формообразующей морфемы, то выбирают термин «окончание». Если более

важной для авторов является согласовательная функция (и следовательно, набор согласовательных категорий), то -ТЬ обозначается как суффикс.

Окончанием -ТЬ называют те, для кого важно, что инфинитив — это форма глагола, остальные свойства инфинитива остаются вне поля зрения авторов, а значит, и детей. А какие это свойства?

- 1) Инфинитив — форма неизменяемая (как и деепричастие);
- 2) инфинитив не вступает в формально-синтаксические связи с другими формами, не имеет показателей согласования и управления;
- 3) в инфинитиве никак не выражаются категории падежа, рода, числа, лица.

А это аргументы в пользу суффикса.

Кроме того, русское окончание выражает одновременно несколько грамматических значений, оно является изменяемой частью слова и имеет в своем составе гласную фонему.

Поэтому представляется логичным называть -ТЬ формообразующим суффиксом. Есть еще один аргумент в пользу суффикса: школьные определения основы и окончания, сформулированные на базе морфемной структуры имен существительных и прилагательных, не всегда годятся для глагольных форм. В глаголе основа — это не часть слова без окончания (*писа-л-и, напиш-и-те*), а изменяемая часть слова в глаголе не всегда окончание (*написа-л*). В грамматической системе есть два полюса — имена и глаголы. Если мы приняли это противопоставление для формулировки орфографических правил (см., например, О/Ё после шипящих; Ъ в абсолютном конце после шипящих, правописание НЕ и правописание Н/НН), то можно использовать тот же принцип для характеристики морфемной структуры: в именах грамматическая часть представлена только окончанием, формообразующий суффикс есть только в степенях сравнения; в глаголе грамматическая часть больше — она представлена не только окончанием, но и формообразующими суффиксами (инфинитив, причастие, деепричастие, ирреальные наклонения) и постфиксами (в случае залога). Окончание предназначено для выражения согласовательных категорий.

Если говорить о практическом разрешении этой проблемы для школы, то нужно обращаться к педагогическому сообществу, которое и должно принимать решение.

2. Может ли корень слова состоять из одной «буквы»?

Такой вопрос обусловлен нашей уверенностью в том, что главная часть слова не может быть самой меньшей по количеству образующих ее единиц. Действительно, корень — это главная лексическая часть слова, общая часть всех однокоренных слов, в которой заключено их общее лексиче-

ское значение. Но это не означает, что корень является и самой «длинной» частью слова.

Корень, как и приставки, суффиксы и окончания, является морфемой (так в лингвистике называется часть слова). Система языка — это иерархия уровней (от уровня звука до уровня предложения). Количественный минимум единицы каждого уровня — это единица более низкого уровня. Морфемы состоят из фонем, единиц более низкого уровня, поэтому количественный минимум морфемы — это одна фонема (единица звукового уровня). Фонемы графически обозначаются буквами, что и приводит к формулировке заданий типа «назовите слова, у которых корень состоит из одной или двух букв»¹. Итак, по законам уровневой системы нет никаких запретов для того, чтобы морфема состояла из одной фонемы. Короткие корни, например, у местоимений: по одной фонеме-букве мы с вами узнаем разряд местоимений. Так, вопросительно-относительные местоимения и местоименные наречия начинаются с буквы К (*кто, какой, который, куда, когда*) или имеют ее в своем составе (*сколько*). Буква К исторически могла измениться (*где* — к => г, *что* — к => ч), но мы все равно понимаем, что это вопросительное слово, поскольку оно употребляется в определенной конструкции (в вопросе). Однако школьный разбор слов по составу обычно редко применяется к местоимениям, поскольку в этой части речи все происходит не так, как в именах, глаголах или наречиях.

Мы с вами понимаем, что корень — это особая морфема, она может самостоятельно (в отличие от приставок и суффиксов) образовывать основу слова (*стол, дом, брат* — в этих словах основа состоит только из корня; кроме основы, есть еще нулевое окончание, которое становится очевидным при сравнении с другими формами того же слова (*стол-у, дом-у, брат-у*). Корни в морфологической системе русского языка делятся на именные (предназначенные прежде всего для существительных, прилагательных и числительных) и глагольные. С помощью приставок и суффиксов корни могут «перемещаться» из одной части речи в другую (образуются однокоренные слова), могут изменяться в своем звуковом (и часто буквенном) оформлении. Но смысловая предназначенность их сохраняется: в глаголе *помолодеть* корень сохраняет значение признака. Различие между корнями не только в значении, но и во внешнем оформлении. Именные корни (обозначающие предметы, признаки предметов и количество предметов) обычно состоят более чем из двух фонем, а вот с глагольными корнями все обстоит сложнее. Если глагол образован от существительного или прилагательного, то корень в таком глаголе именной, «более длинный» (*помолодеть, вредничать, ночевать*). Если же мы

¹ Такая формулировка содержалась в письме, присланном в Институт русского языка.

имеем дело с глаголом непроеизводным, состоящим из непроеизводной основы (только корень (*несу*) или корень и суффикс основы — *чит-ај-у*) и грамматических морфем (окончаний и/или словоизменительных суффиксов), или глаголом, производным от другого глагола, то количественно корень может уступать остальным морфемам: *подо-ш-л-а* — приставка длиннее корня. У нас есть коротенькие глаголы *вить*, *пить*, *бить*, в которых корень представлен двумя вариантами: *вить* — *вј-у* (*вью* — разделительный Ъ указывает на то, что буква Ю читается как слог, состоящий из двух звуков, но один Ј (й) принадлежит корню, а другой является окончанием). Глагольный корень может сокращаться при соединении с суффиксом, например при образовании глаголов совершенного вида от глаголов несовершенного вида: *шагать* — *шагнуть*, но *кидать* — *кинуть*, *двигать* — *двинуть*. Короткие корни — обычное явление для глаголов с чередованием в корнях — я — *им/ин*; *мир* — *мер*, *бир* — *бер*, *пир* — *пер* (*поднять*, *поднял*, *перебрал*, *запру*).

Чтобы понять, как такое может происходить, что главная лексическая морфема и сокращается, и видоизменяется, стоит посмотреть на уровень предложения, на синтаксис. Аналогии часто помогают при объяснении. Принято считать, что для организации предложения самым главным является глагол, но в русском языке много предложений без глагола. Мы можем сказать *На улице идет дождь*, *дует ветер*, но можем и по-другому: *На улице дождь*. *На улице вечер*. Для понимания нам не нужен глагол, и мы его опускаем. Мы говорим *Я за хлебом*, *Мне на работу*. Смысл ясен и без глагола, хотя само значение никуда не исчезает, поскольку именно лексическое значение глагола перемещения оказывается условием для соединения остальных компонентов конструкции. Мы прочитываем эти предложения на фоне синонимов: *Я иду за хлебом*, *Мне надо идти/ехать на работу*. См. также: *Я ему слово*, *а он мне два*. От глагола *говорить* остались все его связи: кто говорит, кому говорит, что говорит (произносит). Так и в словообразовании. Корни, восходящие к древним глаголам, коротенькие, но этого количества фонем нам достаточно, кроме того, их значения поддерживаются приставками и суффиксами: *взять*, *взимать*, *пойму*, *перейдешь*.

3. Могут ли ученые переписать правила слогаделения?

Этот вопрос был задан в связи с вариантами деления слов, которые предлагаются в книге для чтения, изданной ООО «РОСМЭН» (*ра-ссер-дил-ся*; *о-ттал-ки-вать*; *во-зьму*; *Ва-ська*). Наша корреспондентка была удивлена и решила, что в Институте русского языка переписали правила слогаделения.

Правила — это предписания, которые регулируют письменное оформление языка или устанавливают нормы произношения. Но со слогоделением дело обстоит по-другому. Слогоделение — это естественное деление звукового потока, являющееся результатом взаимодействия дыхания и говорения (мы ведь должны производить эти действия одновременно). Никакие правила на слогоделение повлиять не могут. Постараюсь объяснить ситуацию с русским слогоделением.

Лингвисты, изучая разные языки (в том числе и русский), сформулировали несколько принципов слогоделения. Сейчас эти принципы применяют и к русскому языку, но с разной степенью успешности. И если мы почитаем научную литературу, то поймем, что нет одного принципа, который бы годился для всех слов, и что в русском языке граница между слогами не очень заметна. Более того, мы узнаем, что русский человек в разном возрасте делит слова на слоги по-разному.

Но вернемся к детским книжкам. Действительно, если мы обратимся к книжкам для самых маленьких, которые издает ООО «РОСМЭН», например, к книге «Лев Толстой детям», то увидим такой вариант деления слов: *пу-ска-ла, не-мно-жко, ла-пка-ми, ко-рми-ли*. А в книге «Константин Ушинский детям» обнаружим *ра-ску-да-хта-ли-ся* и *зё-рны-шко*.

В нашем случае издатели решили приблизиться к научному пониманию слога и техники слогоделения, совсем забыв о том, что в практике преподавания есть и другие (кроме слогоделения) варианты членения слова: для переноса слова, для нужд орфографии (разбор слова по составу), а также для обучения чтению, у которого свои законы. Правило обучения чтению и правило переноса (очень часто они совпадают) основаны на теории слогоделения по Л. В. Щербе. Однако в приведенных примерах применен иной принцип — принцип «открытого слога» и слогораздел предлагается в месте «наиболее резкого спада звучности». Для отражения особенностей произнесения взрослым человеком такое слогоделение вполне возможно (и в большинстве случаев корректно), но для обучения детей чтению оно, конечно, не годится.

Если говорить о слогоделении в русском языке, то для нас (говорящих на русском языке) основным принципом оказывается открытость слога (слог заканчивается гласным звуком), за ним по важности идет принцип «волны sonorности» — слог начинается с меньшей звучности и заканчивается в месте наиболее резкого спада звучности (между гласным и глухим согласным — *ла-па, ла-пка*, или между сонорным согласным и шумным согласным — *серь-га, бань-ка, бар-кас*, а также между *j (й)* и шумным согласным — *май-ка*). В случае открытых слогов методисты предлагают прием скандирования (как кричат болельщики на стадионе), иногда предлагают пение.

Что касается удвоенных согласных (*ванна*), то здесь действует еще один принцип, сформулированный когда-то не на русском материале. Согласно этому принципу, первый согласный произносится на смыкании губ, а второй — на размыкании; слогораздел проходит между смыканием и размыканием (> — <) — *ван-на*. Чтобы удостовериться в этом, нужно посмотреть на себя в зеркало.

Для слогоделения надо уметь наблюдать за собой, но это не у всех получается, поэтому приходится (например, студентам) запоминать принципы. И вот еще один: для членения групп согласных внутри слова надо сравнивать эти сочетания с тем, что бывает в начале и в конце слова; например, СТР — бывает, а СТН — не бывает. Более того, когда СТН должно оказаться в одном слоге, оно упрощается: мы имеем дело с непроизносимой согласной: *хрустнуть* — [*хру-снут*']. Из этого надо сделать один важный вывод: научное слогоделение производят по транскрипции. А это никак не возможно в книгах для маленьких детей, которые учатся читать.

Если говорить о книгах, публикуемых под заголовком «Читаем по слогам», то, конечно, они должны ориентироваться на способы обучения чтению, предлагаемые в школьных учебниках, и на морфемное деление слова (членение слова по составу, то есть на осмысливаемые части). Обучать чтению надо по варианту *лап-ка-ми* и *Вась-ка*. Прочитать закрытый слог проще, чем слог, который начинается двумя или тремя согласными. Вероятно, у издателей возникли проблемы со словами, в которых есть непроизносимые согласные (*солнце, лестница, праздник, чувствовать*), со словами, в которых есть разделительные Ъ и Ь.

Думаю, что в этом случае мы столкнулись с неуместным применением научных принципов слогоделения, которые во многих случаях не соответствуют способам обучения чтению на русском языке. А для ребенка лучше найти другую книгу, в которой такого членения слов не будет.

Литература

- Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Русский язык, 2001. 720 с.
- Востоков А. Х. Русская грамматика Александра Востокова по начертанию его же Сокращенной грамматики, полнее изложенная. СПб.: Типогр. Импер. Рос. академ., 1844. 356, XVI с.
- Грамматика русского языка. Т. I. Фонетика и морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 722 с.
- Греч Н. И. Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем. СПб.: Типогр. Императ. Спб. Воспит. Дома, 1827. 588 с.

- Овсянико-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. СПб.: Изд. Д. Е. Жуковского, 1902. 320 с.
- Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
- Русская грамматика. Т. I–II. Praha: Academia, 1979. 1144 с.
- Русская грамматика. Т. I. М.: Наука, 1980. 784 с.

References

- Grammatika russkogo yazyka. T. I. Fonetika i morfologiya* [Russian grammar. Vol. I. Phonetics and morphology]. Moscow. AN SSSR Publ., 1960. 722 p.
- Grech N. I. *Prakticheskaya russkaya grammatika, izdannaya Nikolaem Grechem* [Practical Russian grammar published by Nikolai Grech]. Sankt-Peterburg. Tipogr. Imperat. Spb. Vospit. Doma, 1827. 588 p.
- Ovsyaniko-Kulikovskii D. N. *Sintaksis russkogo yazyka* [Russian syntax]. Sankt-Peterburg. Izd. D. E. Zhukovskogo, 1902. 320 p.
- Peshkovskii A. M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific coverage]. Moscow. Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2001. 544 p.
- Russkaya grammatika. T. I–II* [Russian grammar. Vol. I–II]. Praha. Academia Publ., 1979. 1144 p.
- Russkaya grammatika. T. I* [Russian grammar. Vol. I]. Moscow. Nauka Publ., 1980. 784 p.
- Vinogradov V. V. *Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language (Grammatical teaching about the word)]. Moscow. Russkii yazyk Publ., 2001. 720 p.
- Vostokov A. Kh. *Russkaya grammatika Aleksandra Vostokova po nachertaniyu ego zhe Sokrashchennoi grammatiki, polnee izlozhennaya* [Russian grammar of Alexander Vostokov based on his Abridged grammar, expanded and supplemented]. Sankt-Peterburg. Tipogr. Imper. Ros. akadem., 1844. 356, XVI p.

От аббревиатуры до ятя (К выходу в свет третьего издания энциклопедии «Русский язык»)

Ольга Геннадьевна Згировская, Московский политехнический университет (Россия, Москва),
olga.slovo42@yandex.ru

Владимир Маркович Пахомов, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), vmpakhomov@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170013911-1

АННОТАЦИЯ: Статья приурочена к выходу в свет третьего издания энциклопедии «Русский язык» (М., 2020), которое продолжает и развивает традиции словарного энциклопедического представления основных сведений о русском языке. В статье рассказывается о более чем 40-летней истории энциклопедии «Русский язык» — о том, что объединяет все три ее издания и какие особенности есть у каждого из них.

В статье показано, что многие принципы представления информации о языке и русистике, термины, составившие словник энциклопедии, а также иллюстрации к статьям были предложены еще в 1-м издании (1979 год) и сохранялись впоследствии. В то же время каждое из трех изданий книги имело ряд особенностей как в содержании, так и в оформлении. Если первое издание представляло собой небольшую книгу, то второе — уже фундаментальный том, набранный более крупным шрифтом, снабженный множеством цветных иллюстраций, карт и таблиц; в нем возросло число статей по историко-культурной и источниковедческой проблематике, получили освещение новые дисциплины, но при этом были опущены статьи-персоналии, посвященные языковедам. Еще больше по объему третье издание энциклопедии, которому в данной статье уделено, разумеется, основное внимание.

Книга была существенно изменена и дополнена; большинство статей в ней были переработаны или написаны заново. На примере статьи «Тайные языки», которая есть во всех изданиях энциклопедии, показано, как перерабатывались, дополнялись и уточнялись статьи от издания к изданию.

Появление нового издания энциклопедии «Русский язык» стало важным этапом развития русистики: книга подводит итог существующим исследованиям и фиксирует полученные результаты, а также открывает перспективы для работы ученых, ставит новые цели, позволяет увидеть пути развития.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: энциклопедия «Русский язык», русистика, издания, Филин, Караулов, Молдован

для цитирования: Згировская О. Г., Пахомов В. М. От аббревиатуры до ятя (К выходу в свет третьего издания энциклопедии «Русский язык») // Русская речь. 2021. № 1. С. 117–128. DOI: 10.31857/S013161170013911-1.

Book News

From “Abbreviatura” to “Yat” (Dedicated to the Release of the Third Edition of the “Russkii Yazyk” Encyclopaedia)

Ol'ga G. Zgirovskaya, Moscow Polytechnic University (Russia, Moscow), olga.slovo42@yandex.ru
Vladimir M. Pakhomov, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow), vmpakhomov@gmail.com

ABSTRACT: The article is dedicated to the release of the third edition of “Russkii yazyk” encyclopaedia (Moscow, 2020) which continues and promotes the tradition of providing the main data about the Russian language. The article presents not only the announcement of the new edition (nonetheless giving

the detailed information about it), but also an account of the over-40-year-long history of the "Russkii yazyk" encyclopaedia. It highlights the features uniting all three of its editions and the distinct points each of them has.

The article demonstrates that many principles of presenting information on the language and Russian studies, the terms making up the glossary as well as the illustrations for the articles were created back in the first edition (1979) and remained ever since. However, each of the three editions had a number of particular changes both in content and in the layout. While the first edition was a small book, the second one was a substantial volume printed in a larger font and supplemented with many colourful illustrations, maps and tables. In the second edition, the number of entries on historical-cultural and source-study issues increased and new topics were covered, but personalia articles devoted to the linguists were excluded.

The third edition of the encyclopaedia is even larger than the previous ones. It is certainly the main focus of the article. The book has changed and expanded; the majority of its entries were revised or written anew. The authors use the example of the "Tainye yazyki" [Secret languages] entry present in all three editions to demonstrate the revisions, additions and elaborations introduced in every new version.

The appearance of the new edition of the "Russkii yazyk" encyclopaedia became a milestone in the development of Russian studies: the book summarises the existing research and records the obtained results as well as opening up prospects to the researchers, setting new goals and offering new avenues for development.

KEYWORDS: "Russkii yazyk" encyclopaedia, Russian studies, editions, Filin, Karaulov, Moldovan

FOR CITATION: Zgirovskaya O. G., Pakhomov V. M. From "Abbreviatura" to "Yat" (Dedicated to the Release of the Third Edition of the "Russkii Yazyk" Encyclopaedia). *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2021. No. 1. Pp. 117–128. DOI: 10.31857/S013161170013911-1.

Начало 2020 года ознаменовалось важным событием для всех, кто знает, изучает и преподаёт русский язык. Вышло в свет третье издание энциклопедии **«Русский язык»** — спустя 40 с лишним лет после выхода первого издания и более 20 после выхода второго. В предисловии указано, что новое издание энциклопедии «структурно и тематически продолжает традицию словарного энциклопедического представления основных

сведений об актуальном состоянии русского языка и различных аспектах его научного изучения, начало которой было положено ее первым изданием 1979 года» [Молдован (ред.) 2020: 3].

Прежде чем рассказать о новой книге, вспомним историю предыдущих изданий энциклопедии «Русский язык».

Первое издание энциклопедии «Русский язык» было выпущено в 1979 году издательством «Советская энциклопедия». Главным редактором энциклопедии стал Ф. П. Филин, в те годы — директор Института русского языка АН СССР. В состав редколлегии первого издания вошли Р. И. Аванесов, В. И. Борковский, Т. А. Ганиева (зам. главного редактора), В. Я. Дерягин, В. В. Иванов (зам. главного редактора), С. И. Котков, И. Ф. Протченко, А. В. Текучев, И. М. Терехов, Н. Ю. Шведова и Д. Н. Шмелев.

«О русском языке написано великое множество книг — исследований, учебных пособий, разного рода словарей, сборников, а также статей, заметок и т. п. Накопленные в русистике сведения чрезвычайно обширны. Ни один, даже самый крупный ученый-русист не может знать всего, что написано о русском языке. А что же делать читателю, который желает получить хотя бы самые важные сведения об этом предмете? Нельзя ли подготовить книгу, в которой коротко и в доступной форме было бы изложено все самое основное о русском языке? Так возникла идея создать краткую (в одном томе) энциклопедию “Русский язык”, которая и предлагается вниманию читателей», — указывалось в предисловии к книге [Филин (гл. ред.) 1979: 5].

По сравнению со вторым и третьим изданиями энциклопедии первое издание — небольшая книга. Однако в ней — более 600 статей, тематика которых весьма обширна и разнообразна. Авторы энциклопедии ставили перед собой задачу рассказать:

- о составе русского языка, его ведущей разновидности — литературном языке, внелитературном просторечии, диалектах, жаргонах, арго, его строении, его функциях как языка не только русского народа, но и языка межнационального, международного общения;
- об истории русского языка, о праславянском языке и палеографии, о памятниках древнерусской письменности (летописях, хронографах, берестяных грамотах);
- об основных направлениях и методах языкознания, о языковедах, внесших существенный вклад в изучение русского языка; об учреждениях, в которых исследуется русский язык и проблемы общего языкознания; о лингвистических журналах.

В первом издании энциклопедии были даны и статьи общелингвистического характера («Язык», «Язык и общество», «Фонема», «Падеж» и др.): авторы учли, что для понимания различных сторон и явлений русского языка нужна некоторая теоретическая подготовка в области языкознания.

В книге объяснялись важнейшие лингвистические термины; не осталась в стороне и методика преподавания русского языка. Энциклопедия рассказывала не только о русском, но и о других славянских языках.

Среди достоинств энциклопедии рецензентами отмечались «последовательное разъяснение и уточнение близких или смежных лингвистических понятий», наличие в книге сведений не только о теории языка, но и о культуре речи; отмечалось также, что «энциклопедия содержит множество полезных учебно-методических указаний», что в ней «не только раскрывается смысл лингвистического понятия, но и показываются живые тенденции языкового развития». В то же время рецензенты указывали, что «составителям энциклопедии может быть сделан упрек относительно полноты словника и логической последовательности при отборе толкуемых терминов»; отмечали, что в книге встречаются «и такие словарные статьи, содержание которых вряд ли доступно для читателя, не обладающего специальной подготовкой» [Горбачевич, Максимов 1980: 107].

Уже в первом издании энциклопедии было много иллюстраций, хорошо знакомых читателям последующих изданий: таблицы, схемы, рисунки, образцы письма, карты, обложки лингвистических изданий (в том числе словарей), фрагменты текстов, портреты языковедов. Издание содержало и несколько цветных вклеек — от иконы с изображением Кирилла и Мефодия в церкви Святого Воскресения в Софии до знаменитого письма Ленина Луначарскому с предложением «создать словарь *настоящего* русского языка» и «посадить за сие 30 ученых, дав им красноармейский паек».

Современники встретили первое издание энциклопедии пожеланием систематически переиздавать книгу с учетом новейших достижений науки о русском языке и методики его преподавания. Следующего издания пришлось ждать почти 20 лет, которые оказались весьма бурными и для страны, и для русского языка. Второе издание энциклопедии вышло в 1997 году, его главным редактором стал Ю. Н. Караулов, возглавлявший Институт русского языка АН СССР (РАН) в 1982–1996 гг. Второе издание уже представляло собой фундаментальный том, набранный гораздо более крупным, чем в первом издании, шрифтом, снабженный множеством цветных иллюстраций, карт и таблиц; число статей составило около 700.

В предисловии ко второму изданию указывалось, что в типологии терминов, составивших словник энциклопедии, выделяются четыре понятийно-терминологических комплекса:

- собственно язык, его материя («Звуки речи», «Славянские языки», «Говор», «Гласные», «Интонация» и т. п.);
- метаязык, или язык науки, позволяющий полно и системно представить как материальную, так и идеальную сторону языка-объекта, его внутреннюю структуру («Гнездо слов», «Наклонение», «Метафора», «Падение редуцированных» и т. п.);

- творцы науки — прежде всего люди, но также и общественные институты и организации, т. е. социально-культурная инфраструктура языка («Московское произношение», «Московская диалектологическая комиссия», «Журналы лингвистические» и т. п.);
- источники изучения русского языка — тексты, книги, картотеки, устная речь («Граффити», «Летописи», «Берестяные грамоты» и др.) [Караулов (гл. ред.) 1997: 5].

Во втором издании энциклопедии по сравнению с первым значительно возросло число статей по историко-культурной и источниковедческой проблематике. Энциклопедия предложила вниманию читателей такие статьи, как «Апостол», «Библия», «Евангелие», «Псалтырь», подробно рассказала о картотеках лексики русского языка; во втором издании «получили освещение новые, по сравнению с изданием 1979 года, циклы дисциплин — культура речи, риторика — со своей терминологической спецификой и богатым иллюстративным материалом» [Караулов (гл. ред.) 1997: 6].

Одним из основных отличий второго издания энциклопедии от первого стало то, что ее создатели отказались от отдельных статей, посвященных языковедам, в пользу статей, посвященных различным организациям, связанным с русским языком, а также школам и направлениям в русистике («Виноградовская школа», «Институт русского языка им. А. С. Пушкина», «Казанская лингвистическая школа», «Машинный фонд русского языка», «Московская диалектологическая комиссия»). Составители энциклопедии сочли, что наличие статей-персоналий, в дополнение к статьям о лингвистических школах, приведет к дублированию информации в книге, а кроме того, станет повторением сведений, содержащихся в специализированных справочных изданиях (таких как «Восточнославянские языковеды» или «Кто есть кто в современной русистике»). Это решение — отказаться от статей о выдающихся ученых-русистах — нашло понимание не у всех читателей энциклопедии, и впоследствии рецензенты называли его «существеннейшим, фундаментальным и крайне огорчительным отличием второго издания энциклопедии от первого» [Крысько 1999: 122]; писали, что аргументация составителей «не убеждает», поскольку у читателей в нужный момент может не оказаться справочных изданий, на которые ссылаются авторы энциклопедии, «ведь некоторые из них вышли в свет уже давно, а к некоторым затруднен доступ» [Барандеев 1998: 89]. Отмечая высокий научный уровень энциклопедии, рецензенты указывали на фактические ошибки, неточности и опечатки, допущенные в разных статьях энциклопедии; все эти замечания были проанализированы при подготовке третьего издания книги.

Второе издание энциклопедии «Русский язык» известно многим и под другой обложкой. Это — стереотипное издание 2003 года.

О. Г. Згировская, В. М. Пахомов. От аббревиатуры до ятя (К выходу в свет третьего издания энциклопедии...)

O. G. Zgirovskaya, V. M. Pakhomov. From "Abbreviatura" to "Yat" (Dedicated to the Release of the Third Edition...)

Рис. 1. Обложка третьего издания энциклопедии

Fig. 1. Cover of the third edition of the encyclopedia

Третье издание энциклопедии «Русский язык» вышло в 2020 году под редакцией академика А. М. Молдована, научного руководителя Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Работа над книгой велась более 15 лет в Институте русского языка при участии видных ученых из других научных и учебных учреждений России и зарубежных стран. Авторский коллектив выявил около 20 направлений, результаты работы по которым отражены в энциклопедии. Для каждого направления подбирались ведущие специалисты в соответствующей области; всего в работе над энциклопедией приняли участие более 150 авторов.

Создатели энциклопедии стремились отразить то новое, что появилось в науке о языке более чем за 20 лет, прошедших с момента выхода второго издания, и сохранить представленные в предыдущих изданиях общепринятые взгляды на описание русского языка, вопросы его развития и изменения.

Круг тем, освещенных в энциклопедии, обширен: актуальное состояние фонетики и фонологии, словообразования, грамматики, синтаксиса русского языка; территориальные, социальные, профессиональные и другие разновидности русского языка и их функционирование на всех этапах исторического развития; составление словарей разных типов; история русского языка; лингвистическое исследование и издание памятников русской письменности; создание корпусов русского языка и др.

Новое издание включает более 760 статей. В процессе работы составители энциклопедии проанализировали и переработали словники предыдущих изданий: исключены статьи, посвященные общему языкознанию, сравнению разных языков и другим аспектам, не относящимся напрямую к русистике, в то же время наиболее важные материалы сохранены. Словник нового издания существенно дополнен. Читатель снова найдет в энциклопедии статьи о выдающихся ученых (не только отечественных, но и зарубежных), внесших значительный вклад в изучение русского языка. Одна из «фишек» третьего издания энциклопедии: каждая подобная статья снабжена цитатой исследователя, которая отражает его научные взгляды. Так, в статье об А. А. Зализняке приведена цитата из его речи на церемонии вручения ему литературной премии Александра Солженицына 16 мая 2007 года: *«Истина существует, и целью науки является ее поиск»*. Статья о Я. К. Гроте сопровождается известной цитатой из «Спорных вопросов русского правописания от Петра Великого доныне»: *«Как ни разумно требование единообразия в правописании, это требование не должно быть безусловно. Надобно уметь отличать важные разногласия от неважных»*. Такое представление информации, по мысли авторов, позволит привлечь внимание тех, кто обратился к энциклопедии за справкой, к личности и работе ученого. Встретив яркое высказывание, оформленное необычным образом, читатели (в первую очередь неспециалисты) могут заинтересоваться статьей об исследователе и затем познакомиться с его трудами.

Многие статьи, взятые из предыдущих изданий, переработаны и обновлены. Так, посвященные различным грамматическим категориям материалы (статьи «Вид», «Залог», «Род» и т. д.) дополнены разделами об истории этих категорий, что позволит глубже понять их становление и развитие в русском языке. Школьникам и студентам, например, будет полезна информация о падежах в современном языке, специалисты могут обратиться к историческим сведениям о том или ином падеже, проследить его эволюцию.

Обновлены и дополнены статьи, посвященные различным видам словарей: в них включены сведения о новых изданиях, вышедших за последние 20 лет. Также в энциклопедии отражены явления, появившиеся в науке о языке или получившие развитие в конце XX — начале XXI века, например корпусы русского языка. Списки литературы ко многим статьям расширены за счет включения в них современных изданий.

Таким образом, многие статьи, которые читатель найдет во всех трех изданиях энциклопедии, перерабатывались, дополнялись, уточнялись дважды: и для второго, и для третьего издания книги. Любопытно проследить, как вносились эти правки, как менялись от издания к изданию

статьи, посвященные одним и тем же языковым явлениям. Рассмотрим, например, статью, посвященную *тайным языкам* (автор во всех изданиях один и тот же — М. В. Арапов): ее небольшой объем позволяет привести здесь достаточные для сравнения фрагменты. Вот как начинается статья «Тайный язык» в издании 1979 года:

ТАЙНЫЙ ЯЗЫК, у с л о в н ы й я з ы к, — социальный диалект (см. «Диалект») обособленной (ранее — профессиональной) группы, создаваемый с целью замкнутого общения в пределах данной группы. Существование Т. я. связано с осознанием группой своего исключительного положения, а иногда и прямого противоречия своих интересов с интересами общества. В Европе первые сведения о Т. я. относятся к Средневековью (язык нищих в Германии, 13 в.). Из Т. я., известных на территории России, наиболее изученным является язык торговцев-коробейников — офеней (т. н. суздальский, или масовский, язык, записи с 18 в. в словаре Палласа), к нему очень близки Т. я. нищих, лаборей (профессиональных сборщиков пожертвований), лирников, прасолов, портных, шерстобитов, шаповалов и др.

Т. я. отличаются от соответствующих национальных только словарем (обычно не более 300–400 непроизводных основ), системой словообразования, нек-рыми особенностями синтаксиса... [Филин (гл. ред.) 1979: 346].

Во втором издании энциклопедии находим статью «Тайные языки»:

Тайные языки́, у с л о в н ы е я з ы к и, — традиционное название ряда жаргонов (см.), к-рые использовались относительно замкнутыми социальными группами — бродячими торговцами, ремесленниками-отходниками, нищими. Т. я. были знаками принадлежности к корпорации и своего рода коллективной игрой. Название «Т. я.» связано с предполагаемой конспиративной функцией этих языков. Сведения о Т. я. в Европе — с 13 в. (язык нищих в Германии). Первые записи Т. я. рус. торговцев-офеней (т. н. суздальский язык) — в словаре П. С. Палласа (кон. 18 в.).

Т. я. отличаются гл. обр. словарем (редко более 300–400 непроизводных основ) и системой словообразования... [Караулов (гл. ред.) 1997: 553].

А вот начало статьи «Тайные языки» в издании 2020 года:

Тайные языки́, у с л о в н ы е я з ы к и, — традиционное название ряда *арго* относительно замкнутых социальных групп — бродячих торговцев, ремесленников-отходников, нищих.

Т. я. — знаки принадлежности к корпорации и своего рода коллективная игра. Название «Т. я.» связано с предполагаемой конспиратив-

ной функцией этих идиомов. Первые сведения о Т. я. в Европе относятся к 13 в. (язык нищих в Германии). Первые записи Т. я. рус. торговцев-офеней (т. н. суздальский язык) содержатся в труде П. С. Палласа «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницей Всевысочайшей особы императрицы Екатерины II» [т. 1–2, 1787–89; 2-е изд. (в 4 томах) вышло под названием «Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный» (1790–91)].

Т. я. отличаются гл. обр. словарем (редко более 300–400 непроеводных основ) и системой *словообразования*... [Молдован (ред.) 2020: 763–764].

От издания к изданию статья меняется: пропадает пассаж об осознании социальной группой своего исключительного положения, о противопоставлении интересов группы, пользующейся тайным языком, интересам общества; тайные языки объясняются теперь как знак принадлежности к корпорации и языковая игра. Исчезают названия социальных групп и профессий, мало что говорящие современному читателю (*лирники, прасолы, шерстобиты, шаповалы*). Последовательно расширяется информация о труде П. С. Палласа: сначала просто фамилия автора («словарь Палласа»), потом фамилия с инициалами, а в последнем издании — полное название книги с инициалами автора и датой выхода словаря в свет. Уточняется терминология: тайные языки связываются сначала просто с диалектами, потом с жаргонами и наконец с аргю (что вполне естественно, поскольку аргю — это в той или иной степени как раз тайный язык). При этом вся фактическая информация (о том, к какому периоду относятся первые сведения о тайных языках в Европе, о первых записях тайных языков в России, о количестве непроеводных основ в тайных языках) остается неизменной.

Мы привели пример статьи, где в третьем издании внесено не так много правок по сравнению со статьей во втором издании энциклопедии. Однако многие статьи из второго издания подверглись гораздо более существенной переработке и значительным дополнениям. Например, статья «История русского языка», занимавшая в издании 1997 года чуть больше трех страниц, сейчас занимает почти 19, в ней подробно описан каждый период в истории языка: протовосточнославянский, древнерусский, среднерусский и новорусский.

Особое внимание в третьем издании энциклопедии уделено материалам, посвященным истории русского письма. Статьи о памятниках письменности, вышедших из употребления букв древнерусского алфавита позволяют проследить историю возникновения и развития русской письменности с точки зрения академической науки. Такие статьи снабжены

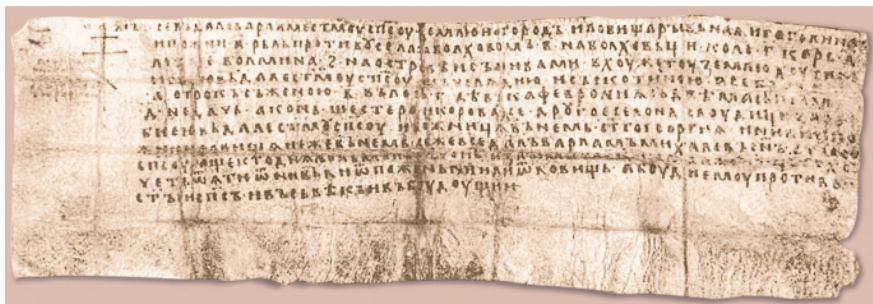

Рис. 2. Вкладная грамота Варлаама Хутынского | Fig. 2. Varlaam Khutynsky's letter

иллюстрациями соответствующих памятников, цветные изображения помещены также на вклады.

Авторы энциклопедии старались соблюсти баланс научности и популярности, чтобы книга была полезна не только узким специалистам, но и широкому кругу читателей — школьникам, студентам, начинающим исследователям, а также школьным учителям-словесникам, аспирантам и преподавателям филологических факультетов. По словам М. Л. Каленчук, заместителя главного редактора издания, «в энциклопедию можно “нырнуть” на разную глубину».

Читатели найдут в издании авторитетные сведения о ключевых понятиях науки о русском языке, увидят актуальное состояние многих процессов и явлений, смогут проследить их развитие, узнают о новейших научных достижениях. Также читатели почерпнут из энциклопедии интересные факты о языке — например, смогут узнать, слов какого рода в современном русском языке больше или сколько слов составляют основу большинства текстов на русском языке.

Появление нового издания энциклопедии «Русский язык» стало важным этапом развития русистики, так как издание подводит итог существующим исследованиям и фиксирует полученные результаты, а также открывает перспективы для работы ученых, ставит новые цели, позволяет увидеть пути развития.

Литература

- Барандеев А. В. Русский язык. Энциклопедия // Русский язык в школе. 1998. № 5. С. 88–91.
Горбачевич К. С., Максимов В. И. Русский язык. Энциклопедия // Русский язык в школе. 1980. № 3. С. 106–109.

- Караулов Ю. Н. (гл. ред.). Русский язык: Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. 704 с.
- Крысько В. Б. Русский язык. Энциклопедия // Вопросы языкознания. 1999. № 6. С. 115–125.
- Молдован А. М. (ред.). Русский язык: Энциклопедия / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. 3-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. 904 с.
- Филин Ф. П. (гл. ред.). Русский язык: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1979. 432 с.

References

- Barandeev A. V. [The Russian language. Encyclopaedia]. *Russkii yazyk v shkole*, 1998, no. 5. pp. 88–91. (In Russ.)
- Filin F. P. *Russkii yazyk: Ehntsiklopediya* [The Russian language: encyclopaedia]. Moscow, Sovetskaya Ehntsiklopediya Publ., 1979. 432 p.
- Gorbachevich K. S., Maksimov V. I. [The Russian language. Encyclopaedia]. *Russkii yazyk v shkole*, 1980, no. 3, pp. 106–109. (In Russ.)
- Karaulov Yu. N. *Russkii yazyk: Ehntsiklopediya 2-e izd.* [The Russian language: encyclopaedia 2nd edition]. Moscow, Drofa Publ., 1997. 704 p.
- Krys'ko V. B. [The Russian language. Encyclopaedia]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1999, no. 6, pp. 115–125. (In Russ.)
- Moldovan A. M. *Russkii yazyk: Ehntsiklopediya. 3-e izd., pererab. i dop.* [The Russian language encyclopaedia. 3rd edition, updated and revised]. AST-PRESS SHKOLA Publ., 2020. 904 p.